

САГА О ШУТЕ
И УБИЙЦЕ

Книга 3

СУДЬБА ШУТА

Каждый новый роман
Робин Хобб — это повод
для праздника.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН

РОБИН ХОББ

Мир Элдерлингов

Робин Хобб
Судьба шута

«Азбука-Аттикус»

2003

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Хобб Р.

Судьба шута / Р. Хобб — «Азбука-Аттикус», 2003 — (Мир
Элдерлингов)

ISBN 978-5-389-11396-1

Один из Внешних островов почти полностью покрыт льдом. Говорят, что люди здесь не живут – в самом деле, как можно жить на коварном леднике, где под мягким снегом кроются злобные расселины, где дуют безжалостные ветры? Говорят, здесь спит дракон. Огромный черный дракон по имени Айсфир. Говорят, он восстанет, чтобы защитить острова, когда придет враг... Но мало ли что говорят. Здесь, на Аслевджале, решится судьба Белого Пророка. Здесь его ждет верная, предсказанная им самим смерть. Здесь решится судьба Шести Герцогств и Внешних островов – быть или не быть крепкому и надежному союзу. Здесь решится судьба мира – будут ли в небесах снова парить драконы, или люди останутся его полновластными хозяевами. Здесь решится все. А решать придется одному человеку. Изменяющему по имени Фитц Чивэл Видящий. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-11396-1

© Хобб Р., 2003
© Азбука-Аттикус, 2003

Содержание

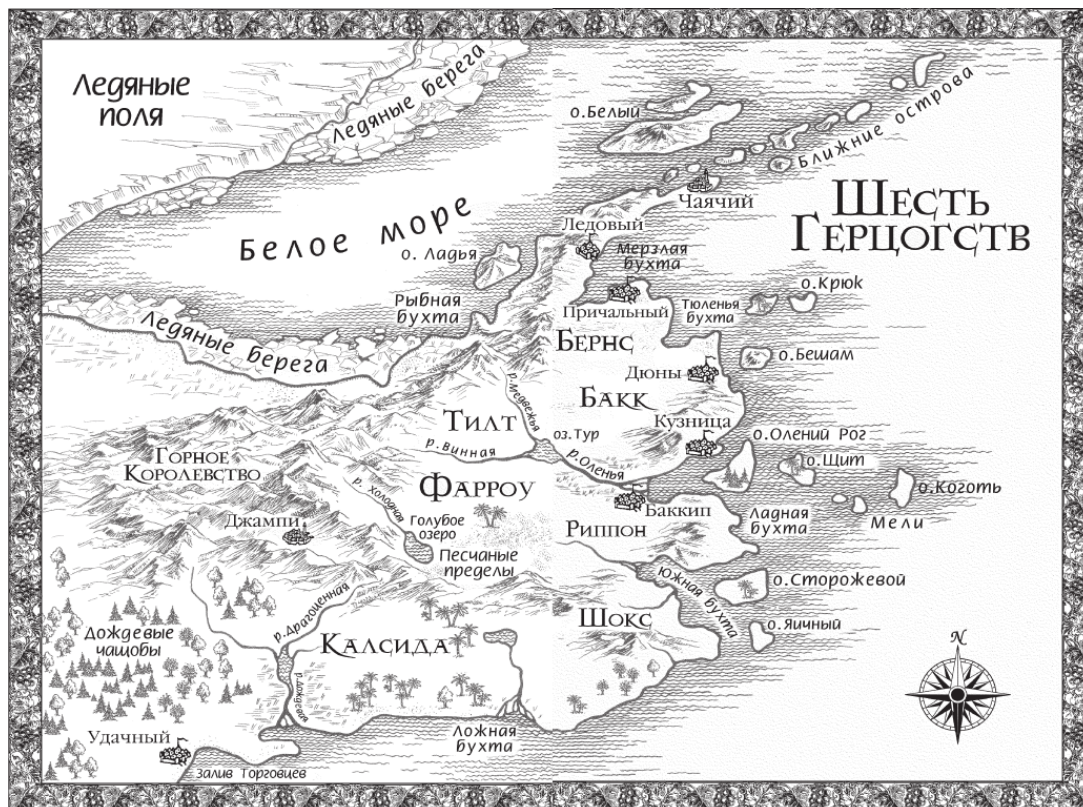
Пролог	7
I	8
II	23
III	34
IV	51
V	62
VI	73
VII	90
VIII	105
IX	123
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Робин Хобб

Судьба шута

© В. А. Гольдич, И. А. Оганесова, перевод, 2005

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017 Издательство АЗБУКА®

Последний танец – танец надежды,
Зыбкой, как сон и дым.
Я покину зал, не в силах смотреть,
Как легко ты кружишь с другим.

Последний танец – танец надежды...
Тяжек прощанья гнет.
Пусть та, другая, к кому ты уйдешь,
Крылья тебе вернет.

Последний танец – танец надежды...
Тебя отпущу без слов.
Пусть тот, кто будет вместо меня,
Подарит тебе любовь.

Последний танец – танец надежды...
Истает, порвется нить.
Узнать друг друга – и все потерять,

И жить... и не жить... не жить.

Пролог Вызов судьбе

Цель Белого Пророка была проста: он хотел разорвать замкнутый круг, по которому веками двигался мир. История, по его словам, раз за разом повторяет самое себя и в каждом цикле люди совершают одни и те же глупые ошибки. Они проживают день за днем, отдавая их на растерзание своих желаний и устремлений, уверенные в том, что их поступки и свершения имеют огромное значение для вселенского порядка вещей.

Если верить Белому Пророку, это самое глубокое заблуждение, какое только может быть. Каждый, пусть даже самый незначительный, благородный поступок подталкивает мир к иной, лучшей дороге. Судьба мира может зависеть от того, погибнет ли один-единственный человек. Что я такое для Белого Пророка? Его Изменяющий. Я – тот мелкий камешек, который он бросит на дорогу под колеса времени, чтобы оно покинуло наезженную колею. Он сказал мне, что даже совсем маленький камешек может заставить колесо истории свернуть в сторону, но предупредил меня, что для камешка это удовольствие не из приятных.

Белый Пророк говорит, что видит не просто будущее, а разные варианты будущего и большинство из них до омерзения похожи друг на друга. Однако в некоторых случаях существуют различия, которые обещают ослепительные возможности.

Первым таким различием стал наследник династии Видящих, наследник, которому удалось остаться в живых. То был я. Белый Пророк вынуждал меня жить, раз за разом спасая от смерти, которая постоянно за мной охотилась. Он оберегал меня, чтобы колеса времени могли свернуть в лучшую колею. И это стало делом его жизни. Смерть и невероятные опасности подстерегали меня практически на каждом шагу, но Белый Пророк всякий раз вытаскивал меня из жутких передряг, уводил от края пропасти, чтобы я, измученный и несчастный, снова смог последовать за ним. Он использовал меня без сомнений и колебаний, но не без жалости и сострадания.

Ему удалось заставить судьбу свернуть с predeterminedной дороги на ту, что сделает мир лучше. Так он сказал. Впрочем, далеко не все разделяли его мнение. Эти люди видели будущее без наследника династии Видящих и без драконов. Одна из них решила позаботиться о том, чтобы такое будущее наступило, избавившись от Шута, который стоял у нее на пути.

I

Ящерицы

Иногда кажется несправедливым, что события далекого прошлого могут преодолеть пропасть лет и вонзить свои когти в твою жизнь, а потом изменить будущее. Однако, возможно, именно в этом и заключается вселенская справедливость: мы есть то, что сами сделали в этой жизни, и то, что было сделано с нами. И в этом мы все равны.

Иными словами, все, что сказал мне Шут, и все, что осталось несказанным, слилось в единое целое. И в результате я его предал. Однако я считал, что действую для его же блага – и своего собственного. Он предсказал, что, если я отправлюсь на остров Аслевджал, он погибнет и смерть, возможно, предпримет очередную попытку прибрать меня к рукам. Шут обещал сделать все, что в его силах, чтобы я выжил, поскольку этого требовали его грандиозные планы изменения будущего. Но я еще не забыл своего последнего столкновения со смертью, и его обещания казались мне скорее пугающими, чем утешительными. Кроме того, он невзначай обмолвился, что, как только я окажусь на острове, мне придется выбирать между нашей дружбой и верностью принцу Дьютифулу.

Возможно, у меня хватило бы сил посмотреть в лицо обеим опасностям и достойно противостоять им, но лично я в этом сомневался. Любой из них, взятой в отдельности, хватило бы, чтобы лишить меня присутствия духа, а уж о том, чтобы столкнуться с двумя этими невзгодами, мне и подумать было страшно.

И потому я отправился к Чейду. Я рассказал ему, что поведал мне Шут. И мой старый наставник позаботился о том, чтобы мы отплыли на Внешние острова без Шута.

В Олений замок пришла весна. Мрачная каменная цитадель по-прежнему стояла на крутых скалах над городом Баккип, но на холмах внизу сквозь сухую прошлогоднюю траву начала пробиваться жизнерадостная молодая зелень. Голые ветви деревьев окутала зеленая дымка из крошечных листочков, зимние кучи бурых водорослей на черном берегу у подножия скал унес прилив. Вернулись из теплых краев птицы, и их песни звенели среди поросших деревьями холмов и на побережье, где чайки сражались друг с другом за лучшие места для гнезд. Весна даже сумела пробраться в мрачные залы и под высокие потолки замка, первые цветы и зеленые веточки украшали каждый уголок Оленьего замка и двери комнат.

Теплый ветер развеял мою тоску. Естественно, заботы и тревоги никуда не делись, однако весна наделена великим могуществом, и ей по силам заставить человека забыть о неприятностях. Ко мне постепенно возвращалось здоровье и силы; таким молодым я не чувствовал себя, даже когда мне было двадцать. Я не только начал набирать вес, у меня снова появились мускулы и тело, какое должно быть у здорового человека моих лет. Не слишком умелое лечение Силой исцелило и мои старые раны – боль, испытанную во время занятий с Галеном, ранения, полученные во время сражений, и страшные шрамы, оставшиеся после страшных дней в подземелье Регала. Все исчезло. У меня практически не болела голова, зрение больше не отказывало, когда я уставал, а утренний холод не причинял страданий. Теперь я жил в теле сильного, здорового зверя. Нет ничего восхитительнее ощущения силы и ясного весеннего утра.

Я стоял на башне и смотрел на волнующееся море. У меня за спиной в кадках со свежесудобренной землей росли маленькие фруктовые деревья, усыпанные бело-розовыми цветами. В горшках поменьше наливались силой бутоны выюнков. Длинные зеленые листья шароцветов тянулись вверх, точно разведчики, посланные проверить, хорош ли воздух. В некоторых горшках из земли торчали лишь коричневые стебли, растения ждали наступления теплых дней.

Среди горшков и кадок были расставлены изящные статуи и удобные скамейки. Защищенные от ветра свечи ждали прихода летних вечеров, чтобы озарить их своим мягким сиянием. Кетриккен восстановила Сад Королевы, вернув ему прежнее великолепие. Здесь, на самом верху башни, было ее убежище. Его простота напоминала о Горном Королевстве, где она родилась и выросла, но само существование уходило корнями в далекое прошлое Оленьего замка.

Охваченный беспокойством, я некоторое время шагал по тропинке, которая шла по периметру сада, но потом все-таки сумел заставить себя остановиться. Мальчик не опаздывает. Это я пришел слишком рано. Он вовсе не виноват в том, что минуты тянутся бесконечно. Волнение отчаянно сражалось с нежеланием делать то, что меня вынудили, пока я ждал своей первой встречи наедине с сыном Баррича. Моя королева поручила мне позаботиться об образовании Свифта, она хотела, чтобы я научил его грамоте и владению оружием. Мне совсем не хотелось с ним заниматься. Мальчик был не только Одарен, но и невероятно упрям. Два этих качества в сочетании с сообразительностью могли доставить ему массу неприятностей. Королева издала указ, в котором говорилось, что Одаренных следует уважать, но многие продолжали считать, что лучшим лекарством для них являются петля, нож и костер.

Я прекрасно понимал, почему королева поручила Свифта моим заботам. Баррич выгнал его из дома, когда мальчишка категорически заявил, что не желает подавлять свой Дар. Однако Баррич вырастил и воспитал меня, когда от меня отказался мой собственный венценосный отец, поскольку я родился бастардом, которого он не осмелился признать. Так что я был обязан сделать для сына Баррича то, что тот сделал для меня, хотя и не мог позволить мальчику узнать, что я Фитц Чивэл и воспитанник его отца.

Вот почему я ждал Свифта, тощего парнишку десяти лет, с таким же волнением, как если бы мне предстояла встреча с самим Барричем. Я с удовольствием вдохнул холодный утренний воздух, напоенный ароматами весенних цветов, и напомнил себе, что наши занятия продлятся не слишком долго. Очень скоро мне предстоит сопровождать принца на Аслевджал, один из Внешних островов. А до тех пор, сказал я себе, можно потерпеть и поработать над обременительным поручением моей королевы.

Дар позволяет почувствовать появление другого живого существа, и потому я повернулся к тяжелой двери, прежде чем Свифт успел ее открыть. Мальчик вошел и тихонько притворил дверь за собой. Несмотря на долгий подъем по крутой лестнице, он не запыхался и дышал ровно. Оттуда, где он стоял, меня было не очень хорошо видно из-за деревьев, и я остался на своем месте, чтобы понаблюдать за ним.

Свифт был одет в простой синий костюм, как и подобает пажу в Оленьем замке. Чейд прав – из него получится отличный воин, владеющий боевым топором. Мальчик был очень худым, как и все шустрые мальчишки его возраста, но я видел, что со временем он раздастся в плечах, как его отец. Вряд ли Свифт вырастет очень высоким, однако явно будет достаточно крепок, чтобы не переживать из-за своего роста. Природа наградила его темными глазами и выющимися волосами Баррича, а от Молли он взял линию подбородка и разрез глаз. Молли, моя потерянная любовь и жена Баррича... Похоже, мне придется труднее, чем я полагал.

Я увидел, что Свифт почувствовал мое присутствие, и замер на месте, дожидаясь, когда он меня заметит. Несколько мгновений мы оба стояли молча. Затем он прошел по тропинке и встал передо мной. Его старательному поклону не хватало изящества.

– Милорд, я Свифт Одаренный. Мне сказали, что я должен предстать перед вами, и я выполняю приказ.

Я видел, что мальчик потратил немало сил, чтобы выучить положенные при дворе фразы. Однако прямое упоминание о Звериной магии в качестве дополнения к собственному имени прозвучало словно вызов, как будто он хотел выяснить, действует ли защита королевы здесь, когда он наедине со мной. Он посмотрел мне в глаза, и его взгляд, с точки зрения большинства

благородных лордов, был весьма дерзким. Но тут я в очередной раз напомнил себе, что я вовсе не благородный лорд. О чем и сказал.

– Никто не называет меня «милорд», приятель. Меня зовут Том Баджерлок, я солдат из стражи королевы. Ты можешь называть меня мастер Баджерлок, а я стану звать тебя Свифт. Согласен?

Он дважды моргнул, а потом кивнул. Впрочем, он тут же понял, что нарушил правила, и сказал:

– Да, господин. Мастер Баджерлок.

– Хорошо, Свифт. Тебе известно, зачем тебя прислали ко мне?

Он прикусил верхнюю губу, затем сделал глубокий вдох и ответил:

– Полагаю, я кого-то огорчил. – И он снова посмотрел мне в глаза. – Но я не знаю, что я сделал и кто мной недоволен. – Затем, с намеком на вызов, он добавил: – Я таков, какой я есть. Если дело в том, что я Одарен, тогда это несправедливо. Наша королева сказала, что моя магия не должна влиять на то, как со мной обращаются другие люди.

У меня перехватило дыхание: я смотрел на мальчика, а видел его отца. Бескомпромиссная честность и решимость говорить правду всегда отличали Баррича. Но в резком ответе Свифта я узнал вспыльчивость Молли. На мгновение я потерял дар речи.

Мальчик понял мое молчание как неудовольствие и опустил глаза. Но его плечи были по-прежнему гордо расправлены, потому что он не понимал, какое преступление совершил, и не собирался ни в чем раскаиваться, пока ему не скажут, в чем его вина.

– Ты никого не огорчил, Свифт. И скоро увидишь, что некоторых обитателей замка твой Дар совершенно не беспокоит. Мы отделили тебя от остальных детей вовсе не поэтому. Скорее для твоего блага. Твое знание грамоты превосходит знания твоих ровесников. Но мы не хотим определять тебя к старшим ученикам. Кроме того, было решено, что тебе полезно научиться владеть боевым топором. Думаю, именно по этой причине меня выбрали на роль твоего наставника.

Свифт резко поднял голову и посмотрел на меня в смущении и тревоге.

– Боевым топором?

Я кивнул ему и самому себе. Старые штучки Чейда. Совершенно очевидно, что мальчика не спросили, хочет ли он научиться владеть этим видом оружия. Я нацепил на лицо улыбку и заявил:

– Ясное дело, боевым топором. Солдаты Оленьего замка еще помнят, что твой отец великолепно им владел. А поскольку ты унаследовал его телосложение и очень на него похож, совершенно естественно, что его любимое оружие должно стать и твоим.

– Я совсем не похож на своего отца, мастер Баджерлок.

Я чуть не рассмеялся вслух, не от радости, разумеется, а потому что в эту минуту мальчик, как никогда, походил на Баррича. Я чувствовал себя ужасно странно, глядя сверху вниз на мальчишку, который хмурился в точности как мой наставник. Мне пришлось напомнить себе, что передо мной просто мальчишка десяти лет от роду.

– По мнению королевы и ее советника Чейда, ты достаточно похож на него, – холодно проговорил я. – Ты намерен возражать против их решения?

Мои слова повисли в воздухе. Я даже увидел мгновение, когда он принял решение, и почти сумел прочитать его мысли. Он может отказаться. Но тогда его посчитают неблагодарным и отправят домой к отцу. Лучше смириться с неприятным приказом и остаться. И потому он тихо проговорил:

– Нет, мастер. Я принимаю их волю.

– Это хорошо, – с напускной сердечностью ответил я.

Однако, прежде чем я продолжил, он добавил:

– Но я уже умею обращаться с оружием. С луком, мастер Баджерлок. Я не говорил раньше, поскольку не знал, что это кому-нибудь интересно. Но если я должен пройти обучение в качестве воина и пажа, я уже выбрал для себя оружие.

Интересно. Не говоря ни слова, я несколько минут разглядывал его. Я видел в нем достаточно черт Баррича, чтобы знать, что он не станет впустую хвастаться умением, которым не обладает.

– Хорошо. Можешь показать, насколько хорошо ты владеешь луком. Но *это* время отведено для других занятий. Нам позволено брать рукописи из библиотеки замка.

Я ждал, что он ответит.

Свифт коротко кивнул, но снова вспомнил о манерах и сказал:

– Да, мастер.

– Отлично. В таком случае встретимся здесь завтра. В течение часа мы будем заниматься чтением и письмом, а затем спустимся на оружейный двор.

И я снова стал ждать ответа.

– Да, мастер... Мастер?

– Слушаю тебя.

– Я хорошо держусь в седле. Правда, я давно не ездил верхом – весь прошедший год отец не подпускал меня к животным. Но я не разучился. У меня очень неплохо получается.

– Молодец, что сказал, Свифт.

Я знал, на что он рассчитывает, и, взглянув в его лицо, увидел, как он помрачнел, услышав мой уклончивый ответ. Я же охладил его пыл почти машинально: мальчику его лет не следует даже думать о связи с животным. Однако, когда он опустил голову, я вспомнил о годах своего одиночества. Баррич изо всех сил старался защитить меня от Дара. Да, я прекрасно понимал, что он делал это из любви ко мне, но понимание не прогнало воспоминаний о боли. Я откашлялся и постарался, чтобы мой голос звучал ровно и уверенно.

– Ну ладно, Свифт. Встретимся завтра. Да, и надень старую одежду. Нам придется попотеть и немного испачкаться.

Мальчишка смущенно посмотрел на меня.

– Ну? В чем дело, приятель?

– Я... я не могу. Понимаете, у меня больше нет старой одежды. Только два костюма, которые мне дала королева.

– А что случилось с твоей старой одеждой?

– Я... ее сжег. – Неожиданно в его голосе прозвучал вызов, и, сжав зубы, он поднял на меня глаза.

Я хотел спросить зачем, но понял, что и сам знаю. Мальчишка намеренно уничтожил все, что связывало его с прошлой жизнью. Несколько мгновений я размышлял, не заставить ли его сказать об этом вслух, но потом решил, что ничего таким способом не добьюсь. Конечно же, ему и самому стыдно, что он выбросил хорошую одежду. По-видимому, его разногласия с отцом зашли слишком далеко. Ясный весенний день вдруг перестал меня радовать, но я лишь пожал плечами.

– В таком случае надень то, что у тебя есть, – резко сказал я, надеясь, что мальчишка не слишком обидится на мой тон.

Он стоял и смотрел на меня, и я понял, что должен официально его отпустить.

– Можешь идти, Свифт. Увидимся завтра.

– Слушаюсь. Спасибо, мастер Баджерлок. – Он не слишком умело поклонился. Я видел, что он хочет еще что-то сказать, но не решается. – Могу я задать вам один вопрос?

– Конечно.

Свифт с сомнением огляделся по сторонам.

– Почему мы встречаемся здесь, наверху?

– Тут тихо и хорошо. В твоём возрасте я терпеть не мог, когда меня заставляли сидеть в помещении.

Свифт неуверенно улыбнулся.

– Я тоже. А ещё мне не нравится, когда я нахожусь далеко от животных. Наверное, меня зовет моя магия.

Я пожалел, что он заговорил об этом.

– Может быть. А ещё, возможно, тебе следует хорошенько подумать, прежде чем отвечать на её призыв. – На сей раз я постарался, чтобы он услышал упрек в моём голосе.

Он поморщился, но тут же напустил на себя возмущённый вид.

– Королева сказала, что другие люди не должны обращать внимание на мою магию. И никто не может меня обидеть из-за того, что она у меня есть.

– Совершенно верно. Но люди не станут тебя любить и хорошо с тобой обращаться только из-за того, что ты ею наделен. Я советую тебе держать свою магию в тайне, Свифт. Не стоит выставлять её напоказ перед теми, кого плохо знаешь. Если ты хочешь узнать, как лучше всего обращаться с Даром, послушай Уэба, когда он рассказывает свои истории у камина по вечерам.

Он нахмурился, слушая мои слова. Коротким жестом я показал ему, что он свободен, и мальчик ушел. Мне кажется, я понял, о чем он думал. Дар стал причиной его разногласий с отцом. Он бросил Барричу вызов и сбежал в Олений замок, решив, что сможет открыто жить при дворе королевы Кетриккен. Но если мальчишка думает, что его владение древней магией позволит ему занять место при дворе, что же, придется мне прочистить ему мозги. Я не стану пытаться лишить паренька Дара. Но меня огорчило, что он выставляет свой Дар напоказ, словно маленький проказник, который размахивает тряпкой перед самым носом терьера, чтобы посмотреть, что будет. Рано или поздно мальчишка встретит какого-нибудь молодого аристократа, и тот объяснит ему, что он думает по поводу Звериной магии. Многие проявляли терпимость, лишь подчиняясь приказу королевы, а в душе продолжали ненавидеть Одаренных. После разговора со Свифтом я понял, что правильно решил скрыть от него, что и сам обладаю древней магией. Нельзя, чтобы он меня выдал.

Я снова посмотрел на море и небо. Восхитительное зрелище захватывало дух и одновременно было таким знакомым. Затем я заставил себя взглянуть вниз, на невысокую стену, отделявшую меня от мощеного двора у подножия башни. Когда-то давно, страдая от невыносимой физической и душевной боли после побоев Галена, мастера Силы, я попытался броситься с этой башни. Баррич мне помешал. Он отнес меня в свою комнату, позаботился о моих ранах, а после отомстил Галену. Я по-прежнему в долгу у него. Может быть, согласившись заниматься с его сыном и защищая мальчишку при дворе, я смогу хотя бы частично вернуть этот долг. Последняя мысль помогла мне собрать осколки решимости, которая начала меня покидать после разговора со Свифтом, и я начал спускаться по лестнице. Я спешил на другую встречу и по положению солнца видел, что уже опаздываю.

Чейд распространил слух о том, что он занимается с юным принцем Силой. Я испытал радость и одновременно печаль от такого поворота событий. Заявление Чейда означало, что им с Дьютифулом больше не придется встречаться тайно. То, что принц брал на эти уроки своего придурковатого слугу, в замке считали капризом. При дворе никто даже подумать не мог, что Олух учится вместе с принцем и что магия, считающаяся принадлежностью Видящих, говорит в этом дурачке гораздо громче, чем в наследниках королевской династии. Огорчало меня то, что я, настоящий мастер Силы, вынужден приходить на уроки тайно. Ведь сейчас меня звали Том Баджерлок, а простой стражник не может иметь никакого отношения к магии Видящих.

Я спустился по лестнице из Сада Королевы и быстро прошел по коридорам замка. В той части, где жили слуги, имелось шесть входов в тайный лабиринт, пронизывающий весь замок изнутри. Всякий раз я старался пользоваться разными входами. И сегодня выбрал тот, что находился рядом с кладовкой около кухни. Я подождал, пока коридор опустеет, затем вошел в

кладовку, пробрался между висящими колбасами и через несколько минут открыл потайную дверь. Мгновение спустя меня окутал уже ставший привычным мрак.

Я не стал тратить время и ждать, когда глаза привыкнут к темноте. В этой части лабиринта не было никакого освещения. В свои первые походы сюда я брал с собой свечу, сегодня же решил, что знаю лабиринт достаточно хорошо, чтобы пройти по нему вслепую. Я отсчитал необходимое количество шагов и оказался у подножия узкой лестницы. Добравшись до ее верха, я резко повернул направо и увидел тонкие, точно пальцы, полосы солнечного света, пробивавшиеся в пыльный коридор. Пригнувшись, я поспешил вперед и вскоре вышел в знакомую часть потайного лабиринта. Прошло еще несколько минут, и я вышел из-за камина в Сторожевую башню. Возвращая на место панель, закрывавшую вход, я услышал, как открывается щеколда на двери, и едва успел кое-как спрятаться за длинной шторой, прикрывавшей окно, как кто-то вошел в комнату.

Я затаил дыхание, но оказалось, что это Чейд, Дьютифул и Олух пришли на урок. Я дождался, пока они надежно закроют за собой дверь, и только тогда вышел из своего укрытия. Олух вздрогнул от неожиданности, а Чейд спокойно произнес:

– Ты знаешь, что у тебя на левой щеке паутина?

Я вытер щеку.

– Удивительно, что только на левой. У меня такое впечатление, что весеннее тепло разбудило легионы пауков.

Чейд мрачно кивнул.

– Раньше я прихватывал с собой щетку из перьев от пыли и размахивал этой штукой у себя перед носом. Помогало. Но не слишком. Впрочем, в те времена мой внешний вид не имел никакого значения. Просто мне не нравилось, как они щекочут меня лапками по голой шее.

Дьютифул фыркнул – видимо, представил, как изысканно одетый советник королевы пробирается по пыльным коридорам. Было время, когда Чейд скрывался в потайных комнатах замка, служил всего лишь тайным убийцей и исполнял королевское правосудие, прячась среди теней. Но то время осталось в прошлом. Теперь же он величественно шагал по замку, открыто выступая в роли дипломата и советника королевы. Элегантные костюмы сине-зеленых тонов, а также драгоценности, украшавшие шею и мочки ушей, указывали на его статус. Белоснежные волосы и зеленые глаза казались великолепным дополнением к костюму. Шрамы, доставлявшие Чейду столько огорчений, с годами сгладились. Но я не завидовал его блестящему облику. Пусть старик радуется тому, чего был лишен в молодости. Это никому не вредит, а те, кого ослепляют его наряды, как правило, не замечают его главного оружия – острого и пронзительного ума.

В отличие от Чейда принц был одет почти так же просто, как я. Думаю, сказывалось материнское воспитание: королева Кетриккен выросла в суровом Горном Королевстве и была приучена к бережливости. В свои пятнадцать лет Дьютифул стремительно рос, и шить ему роскошные костюмы на каждый день не имело никакого смысла. Он либо быстро вырастал из них, либо они лопались по швам во время занятий на оружейном дворе. Я смотрел на улыбающегося юношу, стоявшего передо мной. Темные глаза и вьющиеся волосы напомнили мне его отца, а вот рост и линия подбородка – моего собственного отца, Чивэла.

Толстый коротышка, сопровождавший Дьютифула, являл собой его полную противоположность. По моим прикидкам Олуху было чуть меньше тридцати. Маленькие, плотно прилегающие к голове уши и вечно торчащий изо рта язык указывали на то, что у него не все в порядке с мозгами. Принц одел его в голубую тунику и обтягивающие штаны – точную копию своего костюма, вплоть до герба с оленем на груди, но туника Олуха натянулась на приличном брюшке, а штаны забавно пузырились на коленях и топорщились около щиколоток. Тем, кто не чувствовал Силы, пылающей в нем ярким пламенем, дурачок казался смешным и немного отталкивающим.

Олух учился сдерживать свою музыку, навеянную Силой, которая заменяла ему обычные мысли. Теперь она стала менее настойчивой, а значит, и не такой раздражающей, как раньше, однако его талант был так силен, что Олух постоянно окутывал нас своей мелодией. Я мог спрятаться от нее за мысленными защитными стенами, но тогда переставал улавливать менее явную Силу Чейда и Дьютифула. Отгородиться от музыки Олуха и одновременно учить этих двоих было невозможно, так что приходилось терпеть.

Сегодня в ней звучали щелканье ножниц, стук веретена и не смолкавший ни на минуту пронзительный смех женщины.

– У тебя была очередная примерка? – спросил я принца.

Он не удивился, поскольку знал, откуда мне все известно.

– У нас с Олухом, – устало кивнув, подтвердил он. – Я думал, это утро никогда не кончится.

Олух энергично закивал:

– Встань на табуретку. Не чешись. Не шевелись. Они тыкали в Олуха иголками. – Последние слова он произнес с обиженным видом и наградил принца сердитым взглядом.

Дьютифул вздохнул.

– Это получилось случайно, Олух. Она же попросила тебя стоять спокойно.

– Она злая, – тихо заявил дурачок.

Я решил, что он говорит правду. Придворные не могли принять дружбу принца с Олухом. По необъяснимой причине некоторые слуги были возмущены даже больше, чем аристократы, и многие умело находили способы дать выход своему неудовольствию.

– Ну, все ведь закончилось, Олух, – попытался утешить его Дьютифул.

Мы заняли свои обычные места за огромным столом. Поскольку Чейд заявил, что они с принцем начинают заниматься Силой, эту комнату удобно обставили – длинные шторы, закрывавшие большие окна, сейчас были раздвинуты, и в комнате резвился приятный весенний ветерок. Слуги тщательно вычистили и отмыли каменные стены и полы, кресла и столы отполировали и умастили. Здесь даже поставили настоящие стеллажи, на которых Чейд разместил свою маленькую библиотеку, а также надежно запирающийся шкаф, где он хранил самые ценные или опасные манускрипты. На громадном письменном столе из дуба стояли баночки с чернилами, лежали заточенные перья, а также большие стопки бумаги и пергамента. Кроме того, в подвесном шкафчике были расставлены бутылки с вином, бокалы и все, что могло потребоваться принцу. Получилась уютная комната, но она скорее отражала вкус Чейда, а не Дьютифула.

Мне понравились перемены.

Я рассматривал лица тех, кто собрался вокруг стола. Дьютифул напряженно смотрел на меня. Олух сосредоточенно ковырял в левой ноздре. Чейд сидел очень прямо, хотя его переполняла энергия. Не знаю, что он принял, чтобы подкрепить свои силы, но глаза его все равно оставались красными от утомления. В сочетании с их естественным зеленым цветом получалось не слишком приятное зрелище.

– Сегодня я хочу сделать следующее... Олух, прекрати.

Не вынимая пальца из носа, Олух тупо на меня посмотрел и заявил:

– Не могу, мне мешает.

Чейд потер лоб и отвернулся.

– Дайте ему платок, – предложил он, ни к кому конкретно не обращаясь.

Принц Дьютифул сидел ближе остальных.

– Вот, высморкайся. Может быть, будет лучше.

Он протянул Олуху вышитый платок из тонкой ткани. Тот с сомнением смотрел на него несколько секунд, но потом все-таки взял. Стараясь перекричать оглушительные звуки, которые он начал издавать, я спросил:

– Сегодня ночью каждый из нас должен был попробовать использовать Силу в своих снах.

Когда я предложил это на прошлом уроке, то не был уверен, что предложение окажется по вкусу Чейду и Дьютифулу, однако за них я волновался напрасно. А вот Олух, как правило, забывал о том, что он должен сделать вечером или ночью, и это было уже серьезным поводом для беспокойства. Путешествуя при помощи Силы, ты оставляешь свое тело и на короткое время видишь жизнь глазами другого человека. Мне несколько раз удавалось это сделать – случайно.

В манускриптах, посвященных Силе, говорится, что это не только отличный способ узнать много нового, но и возможность обнаружить людей, достаточно открытых, чтобы стать королевскими ратниками, источником энергии, которую мог бы черпать в них король или другой маг Силы. Нередко оказывалось, что такие люди и сами наделены Силой. Вчера Чейд горел решимостью исполнить новое задание, но сегодня мне хватило одного взгляда, чтобы понять, что у него ничего не получилось. У Дьютифула, похоже, тоже.

– Ну что? Неудача?

– У меня получилось! – радостно завопил Олух.

– Ты отправился в путешествие? – удивленно спросил я.

– Не-е-е. Я ее вытащил. Видите? – Олух продемонстрировал свой зеленый трофей, который удобно расположился в самом центре платка принца.

Чейд отвернулся, не в силах скрыть отвращение.

Дьютифул, верный своему возрасту, громко расхохотался.

– Здорово, Олух! Какая громадная! Она похожа на престарелую зеленую саламандру.

– Ага, – с гордостью подтвердил Олух и от удовольствия еще шире раскрыл рот. – Вчера ночью мне приснилась большая синяя ящерица. Больше этой штуки! – И он принялся хихикать вместе с принцем.

– Мой принц и будущий монарх, нам пора заняться делом, – строго напомнил я Дьютифулу.

На самом деле я и сам с трудом сдерживал смех. Как же хорошо, что принц снова веселится, пусть и по такому неприглядному поводу. С самого нашего знакомства его постоянно угнетало чувство долга и необходимость соответствовать своему положению. Впервые за все время он вел себя, как пристало мальчишке весной; и я пожалел о своей строгости, когда улыбка мгновенно исчезла с лица Дьютифула. С самым серьезным видом он повернулся к Олуху, схватил свой платок и скатал его в шарик.

– Нет, Олух. Прекрати. Послушай меня. Тебе приснилась большая синяя ящерица? Очень большая?

Напряжение, прозвучавшее в голосе принца, заставило Чейда поднять голову и посмотреть на него. Но Олух был смущен и обижен быстрой сменой отношения и тона Дьютифула. Он насупился, выпятил нижнюю губу и высунул язык.

– Это плохо.

Я узнал фразу. Мы пытались научить Олуха правильно вести себя за столом, понимая, что, раз он будет сопровождать Дьютифула на Аслевджал, необходимо привить ему хотя бы какие-то манеры. К сожалению, он вспоминал правила только тогда, когда появлялась возможность сделать выговор кому-то другому.

– Извини, Олух. Ты прав. Хватать плохо. А теперь расскажи мне про большую синюю ящерицу, которая тебе приснилась.

Принц ласково улыбнулся Олуху, однако тема разговора сменилась слишком быстро для понимания бедняги, и он лишь покачал большой головой и отвернулся. Сложив толстые руки на груди, дурачок сердито буркнул:

– Не-а.

– Пожалуйста, Олух, – начал Дьютифул, но его перебил Чейд:

– Разве это не может подождать, Дьютифул? До отплытия осталось не так много времени, а нам нужно еще многому научиться, если мы намерены создать круг магов Силы.

Я прекрасно понимал беспокойство старика и сам разделял его тревогу. Может случиться так, что именно от нашего владения Силой будет зависеть успешное завершение путешествия. Никто из нас не рассчитывал на то, что принц на самом деле прикончит какого-то спящего подо льдом дракона. В действительности при помощи Силы мы с Чейдом надеялись узнать побольше из жизни островов, чтобы облегчить Дьютифулу переговоры, посвященные его бракосочетанию.

– Нет, это важно, Чейд, думаю, что важно. Может быть. Потому что ночью мне тоже приснилась большая синяя ящерица. На самом деле это был дракон.

Пока мы обдумывали его слова, в комнате царило напряженное молчание. Затем Чейд неуверенно проговорил:

– Ну, нас не должно удивлять, что вы с Олухом можете видеть один и тот же сон. В течение дня вы так часто связываетесь друг с другом при помощи Силы, почему же этого не может произойти ночью?

– Мне кажется, что я не спал, когда это случилось. Я попытался отправиться путешествовать на крыльях Силы. Фи... то есть Том говорит, что ему легче погрузиться в нужное состояние, когда он дремлет. Вот я и лежал в кровати, пытался погрузиться в сон, но не слишком глубоко, и одновременно использовать Силу. И тогда я почувствовал...

– Что? – нетерпеливо спросил Чейд.

– Я почувствовал, что он на меня смотрит. Большими серебристыми глазами.

– Олух тебе ответил.

– Да, – подтвердил принц.

У меня упало сердце.

– Я не понимаю, – раздраженно сказал Чейд. – Давай с самого начала и расскажи все, как полагается. – Он обращался к принцу.

Я прекрасно понял, почему так сильно разозлился Чейд. Во-первых, когда они в очередной раз попытались выполнить упражнение, Дьютифул и Олух добились какого-то успеха, а сам Чейд потерпел поражение. А во-вторых, упоминание о драконе. В последнее время о драконах стали слишком часто говорить: замерзший дракон, которого Дьютифул должен извлечь из-под льда и обезглавить; драконы, о которых рассказали послы Удачного (и которые якобы по первому зову помогают торговцам Удачного), а теперь какой-то дракон влез без спросу в их занятия Силой. Мы слишком мало знали об этих существах. Но не могли отмахнуться от них, объявив выдумкой или сказками, ведь мы еще не забыли о каменных драконах, прибывших на защиту Шести Герцогств шестнадцать лет назад. И тем не менее нам почти ничего не было известно ни про одного из них.

– А рассказывать почти что нечего, – ответил Дьютифул. Но потом сделал глубокий вдох и начал докладывать так, как учил нас обоих Чейд: – Я ушел в свои покои, как будто собирался лечь спать. Я лежал в своей кровати. В камине догорал огонь, и я наблюдал за ним, стараясь настроить свое сознание таким образом, чтобы, с одной стороны, задремать, а с другой – иметь возможность выйти на дорогу Силы. Я дважды проваливался в сон. Но всякий раз заставлял себя проснуться и предпринимал новые попытки выполнить упражнение. На третий раз я решил проделать все в обратном порядке. Я выпустил на свободу свою Силу, приготовился, а потом попробовал погрузиться в сон. – Он откашлялся и посмотрел на нас. – И тут я почувствовал нечто большое. Очень большое. – Он взглянул на меня. – Как в тот раз, на острове Иных.

Олух слушал его, приоткрыв рот, в его маленьких глазках застыло задумчивое выражение.

– Большая, жирная, синяя ящерица, – вставил он.

– Нет, Олух, – мягко проговорил Дьютифул. – Сначала нет. В первое мгновение я почувствовал какое-то могущественное...

присутствие. Мне ужасно хотелось приблизиться, однако я боялся идти ему навстречу. И вовсе не потому, что от него исходило ощущение угрозы. Как раз наоборот, это существо представлялось мне... невероятно кротким. Мирным и безопасным. Я боялся к нему прикоснуться из страха... что не захочу вернуться назад. Казалось, это конец чего-то. Край или место, где начинается что-то другое. Нет... нечто, живущее там, где начинается что-то другое. – Принц замолчал.

– Я не понимаю. Объясни по-другому, – потребовал Чейд.

– По-другому не получится, – вмешался я спокойно. – Я знаю это существо или чувство... и место, о котором говорит принц. Пару раз я тоже сталкивался с этими созданиями. Однажды одно из них нам помогло. Но у меня тогда возникло ощущение, что оно – исключение. Возможно, другой из них поглотил бы нас и даже ничего не заметил бы. Это очень притягательная сила, Чейд. Теплая и располагающая, нежная, как материнская любовь.

Принц слегка нахмурился и покачал головой.

– Это существо было сильным и мудрым, и оно обещало защиту. Как отец, – сказал Дьютифул.

Я заставил себя промолчать. Я уже давно понял, что эти создания предлагают нам то, чего мы хотим больше всего на свете. Моя мать отказалась от меня, когда я был совсем маленьким. Дьютифул никогда не знал отца. Подобные вещи делают человека очень уязвимым.

– Почему ты не говорил об этом раньше? – сердито спросил Чейд.

И правда, почему? Потому что та встреча была слишком личным переживанием, которое я не хотел ни с кем делить.

– Потому что ты сказал бы мне то, что сказал принцу: «Говори понятно». Я не в состоянии объяснить случившееся. Возможно, это всего лишь мои раздумья, попытка осмыслить пережитое. Очень похоже на пересказ сна, когда из разрозненных обрывков, бросающих вызов логике, человек старается выстроить относительно разумную историю.

Чейд не стал спорить, но вид у него был недовольный. Я решил попытаться поговорить о фактах, мыслях и впечатлениях позже.

– Я хочу рассказать про большую ящерицу, – сердито заявил Олух, ни к кому в отдельности не обращаясь.

За время общения с нами он сильно изменился, теперь ему нравилось, когда все взгляды обращены к нему. Вероятно, он решил, что принц отнял у него его толику нашего интереса.

– Валяй, Олух. Расскажи, что тебе приснилось, а потом я доложу о своем сне. – Принц предоставил Олуху то, чего он так хотел, – наше внимание.

Чейд откинулся на спинку кресла и демонстративно вздохнул. Я посмотрел на Олуха, и лицо дурачка просветлело. Он встряхнулся, словно щенок, которого погладили, задумчиво прищурился, а затем, изо всех сил стараясь вести себя так, как вели себя мы с Дьютифулом, когда отчитывались перед Чейдом, начал свой рассказ:

– Вчера вечером я пошел спать. У меня было мое красное одеяло. Затем Олух почти уснул, он ушел в музыку. А потом понял, что пришел Дьютифул. Иногда Олух следует за ним в его сны. Ему снится много хороших снов, про девушек...

Олух умолк и задумчиво засопел.

У принца сделался смущенный вид, но нам с Чейдом удалось сохранить на лицах отстраненную заинтересованность.

Неожиданно Олух заговорил снова:

– А потом я подумал: где он? Может, это игра такая? И он прячется от Олуха. А я должен его найти. Вот я и стал искать. Олух очень маленький, а музыка окружает его со всех сторон. Как будто прячешься за занавеской. А потом я выглядываю, чуть-чуть, совсем на миг. И вижу

большую жирную ящерицу, синюю, как моя рубашка, только она блестящая делается, когда шевелится, будто ножи на кухне. И она говорит: «Выходи, выходи. Давай поиграем». Но принц говорит: «Ш-ш-ш, нет, не выходи», – вот я и не выхожу. И тогда она разозлилась и начала расти. Ее глаза стали такими блестящими и круглыми, очень похожими на то блюдо, что я разбил. И вот Олух подумал: «Она же во сне. Я туда не пойду». И я сделал музыку громче и проснулся. Никакой ящерицы не было, а мое красное одеяло лежало на полу.

Тяжело вздохнув, он закончил свое повествование и уставился на нас во все глаза. Я вдруг обнаружил, что пытаюсь тихонечко толкать Чейда Силой. Он взглянул на меня, но решил сделать вид, что ничего особенного не произошло, а я испытал невероятную гордость за старика, когда он сказал:

– Отличный доклад, Олух. Здесь есть над чем подумать. Давай теперь выслушаем принца, а потом я решу, есть ли у меня к тебе вопросы.

Олух гордо выпрямился и так выпятил грудь, что рубашка натянулась на круглом животе. Язык торчал из ухмыляющегося по-лягушачьи рта, но глаза сияли, когда он переводил взгляд с меня на Дьютифула, чтобы проверить, оценили ли мы его выступление и слова Чейда. Мне стало интересно, когда мнение Чейда стало иметь для Олуха такое значение, но почти сразу же сообразил, что в этом он тоже подражает принцу.

Дьютифул проявил мудрость, позволив Олуху насладиться своим триумфом и нашим вниманием, и только потом заговорил:

– Олух рассказал вам большую часть истории, я хочу лишь кое-что уточнить. Я говорил о могущественном присутствии. Я... нет, я не наблюдал... я переживал ее... или его... И меня постепенно, очень медленно притягивало к нему. Было совсем не страшно. Я знал, что это опасно, но меня не беспокоило, что оно может поглотить меня навечно. Просто такие мелочи не имели значения. Затем присутствие начало медленно таять, и мне захотелось последовать за ним. Но тут я почувствовал, что за мной кто-то наблюдает. И это другое присутствие было совсем не таким мирным и добрым. Мне показалось, что, пока я наблюдал за первым существом, второе сумело незаметно ко мне подобраться.

Я огляделся по сторонам и обнаружил, что стою на берегу реки с молочно-белой водой, на крошечном глинистом пляже. За спиной у меня высился густой лес с могучими деревьями. Они были выше самой высокой башни и заслоняли своими стволами дневной свет. Сначала я больше ничего, кроме них, не заметил. Но через несколько мгновений разглядел очень маленькое существо, похожее на ящерицу, только более пухлое.

Оно сидело на широком листе какого-то дерева и смотрело на меня. Как только я его увидел, оно начало расти. Или, может быть, я стал уменьшаться. Не знаю. Лес тоже стал больше, а потом животное спустилось на берег, и оказалось, что передо мной драконица. Серебристо-синяя, огромная и прекрасная. И она заговорила со мной, она сказала: «Итак, ты меня увидел. Ладно, мне все равно. А вот тебе нет. Ты принадлежишь ему. Расскажи, что ты знаешь про черного дракона?» И тут начинается самое странное. Я вдруг понял, что не нахожу себя. Как будто я слишком внимательно смотрел на нее и забыл о собственном существовании. А потом я решил, что буду стоять за деревом, и так и оказалось.

– На Силу совсем не похоже, – раздраженно перебил его Чейд. – Смахивает на самый обычный сон.

– Именно. И потому я постарался забыть о нем, когда проснулся. Я знал, что мне удалось на очень короткое время погрузиться в Силу, но я решил, что потом заснул и все остальное мне привиделось. Так вот, в этом сне со мной рядом вдруг оказался Олух. Я не знал, видел ли он драконицу, поэтому связался с ним и велел ему соблюдать осторожность и спрятаться от нее.

Мы спрятались, – продолжал Дьютифул, – и она ужасно рассердилась. Думаю, она знала, что мы где-то здесь и что мы прячемся. А потом неожиданно Олух исчез. Я так удивился,

что открыл глаза. – Принц пожал плечами. – Я был в своей спальне. Ну я и решил, что мне привиделся очень яркий сон.

– Вполне возможно, что так и было и вы с Олухом его разделили, – заявил Чейд. – Полагаю, мы можем оставить эту тему и заняться делом.

– А я так не считаю, – вмешался я.

То, как спокойно Чейд произнес свою речь и отмахнулся от истории Дьютифула, подсказало мне, что старик пытается замять разговор, но я был готов пожертвовать частью собственных тайн в обмен на его.

– Мне представляется, что драконица самая настоящая. Более того, думаю, мы уже слышали о ней. Это Тинталья, драконица Удачного. Та самая, о которой рассказал юноша в маске.

– Сельден Вестрит, – едва слышно произнес его имя Дьютифул. – Значит, драконы наделены Силой? И почему она спрашивала, что мы знаем про черного дракона? Неужели она имела в виду Айсфира?

– Почти наверняка. Но это единственный из твоих вопросов, на который я могу ответить. – Не слишком охотно я повернулся к Чейду и увидел, что он хмурится. – Она проникала и в мои сны. И тоже требовала рассказать, что я знаю про черного дракона и остров. Скорее всего, она слышала про предстоящее нам путешествие от послов Удачного, которые предлагали нам принять участие в их войне с Калсидой. Но мне кажется, ей известно только то, что знают они. Иными словами, что дракон оказался пойман в ледяную ловушку и что Дьютифул должен его убить.

Чейд издал звук, похожий на рычание.

– В таком случае она должна знать и название острова. Аслевджал. Узнать, где он находится, для нее вопрос времени. Торговцы Удачного этим и славятся: своим умением добывать товар. Если им потребуется карта, на которой указан путь до Аслевджала, они ее получают.

Я развел руки в стороны, демонстрируя спокойствие, которого не чувствовал.

– Тут мы бессильны, Чейд. Нам остается только ждать, что из этого выйдет, и потом разбираться с последствиями.

Чейд отодвинул кресло.

– Я мог бы лучше справиться с последствиями, если бы знал, чего ждать, – проговорил он излишне громко. Потом подошел к окну, взглянул на море, но уже в следующее мгновение сердито посмотрел на меня через плечо. – Чего еще ты мне не рассказал?

Если бы мы были с ним одни, возможно, я поведал бы ему, что дракон угрожал Неттл, а также о том, как она его прогнала. Но мне не хотелось говорить о своей дочери в присутствии Дьютифула, и потому я молча покачал головой. Чейд снова отвернулся к окну и стал смотреть на море.

– Значит, возможно, нам придется иметь дело с еще одним врагом – кроме холода и льда Аслевджала. Ну, может быть, хотя бы скажешь, насколько она большая, эта драконица? Она очень сильная?

– Понятия не имею. Я видел ее только во сне, и во сне она постоянно менялась в размерах. Не думаю, что мы можем доверять тому, что она открыла нам во сне.

– О, исключительно полезные сведения, – мрачно проворчал Чейд, вернувшись к столу и плюхнувшись в свое кресло. – А ты почувствовал присутствие драконицы сегодня ночью? – неожиданно спросил он меня.

– Нет, не почувствовал.

– Но ты же отправился путешествовать при помощи Силы.

– Путешествие получилось очень коротким.

Я навестил Неттл, но не собирался обсуждать свой разговор с ней здесь. Чейд будто не заметил, что я не хочу говорить на эту тему.

– Несмотря на все мои усилия, у меня ничего не получилось. – В его голосе звучала детская обида.

Я встретился с ним глазами и увидел в них не просто огорчение, а самое настоящее страдание. Он смотрел на меня так, словно я скрыл от него какую-то потрясающую тайну или не взял в путешествие, полное приключений.

– Чейд. Это со временем придет. Иногда мне кажется, что ты слишком сильно стараешься.

Я произносил слова, в которые сам не до конца верил, но не мог заставить себя сказать то, что втайне подозревал: Чейд начал заниматься Силой слишком поздно и ему не суждено освоить магию, от которой его отлучили много лет назад.

– Ты это постоянно повторяешь, – жалобно проговорил он.

Я не нашелся что ответить.

Оставшееся от урока время мы посвятили упражнениям, вычитанным в древних рукописях, однако не добились особого успеха. Чейд был так расстроен, что вообще ничего не мог сделать. Соединив с нами руки, он получал сообщения, которые я ему посылал, но, когда мы расходились по разным углам комнаты, мне не удавалось до него дотянуться, а ему – проникнуть в сознание Дьютифула и Олуха. Растущее разочарование Чейда действовало на всех, и, когда Дьютифул и Олух отправились по своим делам, я подвел неутешительный итог: мы не только не продвинулись ни на шаг, но даже не смогли повторить то, что у нас получилось накануне.

– Прошел еще один день, а мы даже близко не подошли к созданию круга Силы, – с горечью в голосе заметил Чейд, когда мы остались вдвоем в комнате.

Он подошел к шкафчику и налил себе бренди. Когда он вопросительно взглянул на меня, я покачал головой.

– Нет, спасибо. Я еще не завтракал.

– Я тоже.

– Чейд, ты выглядишь очень усталым. Думаю, пара часов сна и хороший отдых полезнее бренди.

– Найди в моем дневном расписании два свободных часа – и я с удовольствием посплю, – без особого пыла заявил он. Потом, не выпуская бокала из рук, подошел к окну и стал смотреть на воду. – У меня такое ощущение, будто меня обложили со всех сторон, Фитц. Нам необходим союз с Внешними островами. Из-за войны между Калсидой и Удачным практически прекратилась всякая торговля с югом. Если Калсида победит, что вполне возможно, она выступит против нас. Мы должны объединиться с Внешними островами, прежде чем это сделают калсидийцы. Однако меня беспокоят не только приготовления к нашему путешествию. Я должен столько всего сделать, чтобы без меня жизнь в Оленьем замке продолжала идти своим чередом. – Он сделал глоток и добавил: – Мы отправляемся на Аслевджал через двенадцать дней. А мне не хватило бы и шести недель, чтобы как следует подготовиться к отъезду.

Я прекрасно понимал, что он имеет в виду вовсе не запасы провизии, налоги и подготовку стражи. За это отвечали другие, и они докладывали о своих успехах королеве. Чейда беспокоила его собственная шпионская сеть. Никто не знал наверняка, как долго продлится наша дипломатическая миссия на Внешние острова; и уж никому не было известно, сколько времени займет путешествие принца на Аслевджал. Я по-прежнему надеялся, что «убийство дракона» – это какой-то диковинный ритуал, принятый на Внешних островах, однако Чейд считал, что подо льдом действительно покоится тело дракона и Дьютифулу придется вытащить его – по крайней мере, частично, – чтобы отрубить ему голову и публично преподнести нарческе.

– Не сомневаюсь, что твой ученик прекрасно справится со всеми делами, пока тебя не будет в замке.

Я старался говорить так, чтобы меня не выдал голос. Я ни разу не оспорил выбор Чейда, но по-прежнему не был готов доверять леди Розмари в роли придворной дамы и тем более – в роли профессионального убийцы.

Когда Розмари была совсем малышкой, она стала орудием в руках Регала, и он самым безжалостным образом использовал ее против нас. Впрочем, я решил, что сейчас не самое подходящее время, чтобы открыть Чейду, что мне известно, кого он взял к себе в обучение. Он и без того был не в самой лучшей форме.

Чейд раздраженно покачал головой.

– Некоторые мои люди доверяют только мне и не станут докладывать о своих делах никому другому. А главное, половина моего успеха заключена в том, что я знаю, когда следует задавать дополнительные вопросы и на какие слухи обратить внимание. Нет, Фитц, я должен смириться с тем, что хотя мой ученик и попытается меня заменить, но по возвращении мне придется столкнуться с нехваткой сведений.

– Ты ведь уже однажды уезжал из Оленьего замка, во время войны красных кораблей. Ты же как-то организовал свои дела.

– Ну, тогда все было иначе. Я следовал за угрозой, в самое сердце интриг. Сейчас мне тоже предстоит присутствовать на очень важных переговорах, однако и в Оленьем замке происходят события, требующие пристального внимания.

– Полукровки, – проговорил я.

– Совершенно верно. Среди прочего. Их я опасюсь больше всего, несмотря на то что в последнее время они ведут себя тихо.

Я понял, что он имел в виду. Именно то, что Полукровки затаились, и внушало самые серьезные опасения. Я убил их предводителя, но не сомневался, что на место Лодвайна придет кто-нибудь другой. Нам удалось завоевать доверие мирных людей, наделенных Даром, и они согласились с нами сотрудничать. Возможно, это потепление вызвало ненависть и ярость Полукровок. Мы считали, что, добившись оправдания для Одаренных, мы выйдем опору из-под ног Полукровок. Если сама королева Видящих признала Одаренных полноправными гражданами, более того, если она призвала их открыто практиковать свою магию, у заговорщиков не останется оснований посягать на престол Видящих. Мы на это рассчитывали и, похоже, оказались правы.

Но если мы ошиблись, Полукровки выступят против принца и попытаются опорочить Дьютифула перед глазами его собственных придворных, открыв всеми миру, что он тоже Одарен. Королевский указ, в котором говорится, что Звериная магия больше не должна считаться преступлением, вряд ли сможет победить вековые предрассудки и недоверие. Мы полагали, что справиться с этим помогут Одаренные, принятые при дворе. Разумеется, не мальчишки вроде Свифта, а такие люди, как Уэб.

Чейд продолжал смотреть на воду, и в глазах у него застыла тревога.

Мне не хотелось произносить эти слова, но не удалось удержаться.

– Я могу чем-нибудь помочь?

Он повернулся и посмотрел на меня.

– Ты правда этого хочешь?

Тон, которым он задал свой вопрос, прозвучал для меня как предупреждение.

– Думаю, да. А почему ты спрашиваешь? О чем ты собираешься меня попросить?

– Позволь мне послать за Неттл. Тебе нет необходимости признавать, что она твоя дочь. Просто разреши мне еще раз поговорить с Барричем, чтобы он отпустил ее ко двору, где она сможет учиться владению Силой. Думаю, в его сердце еще осталась верность Видящим и, если я ему скажу, что Неттл нужна принцу, он не станет возражать. Да и Свифту будет легче, если его сестра окажется рядом.

– Чейд. – Я покачал головой. – Попроси меня о чем-нибудь другом. Оставь мое дитя в покое.

Он тряхнул головой и промолчал. Я еще немного постоял около него, а потом понял, что своим молчанием мой старый наставник меня отпускает. Я оставил его у окна, он стоял и смотрел на северо-восток, в сторону Внешних островов.

II СЫНОВЬЯ

Тэйкер Завоеватель стал первым, кто назвал себя королем в Оленьем замке. Он приплыл на эти берега с Внешних островов, налетчик и грабитель, как и многие другие до него. Увидев деревянный форт на высокой скале, он решил, что это идеальное место для будущей крепости. Так говорят некоторые. Другие утверждают, что он был плохим моряком и стремился побыстрее покинуть беспокойные морские воды и снова поселиться на суше. Так или иначе, он успешно атаковал и захватил деревянный замок, стоящий на древнем каменном фундаменте, и стал первым Видящим в Оленьем замке. Добиваясь цели, он сжигал все на своем пути, поэтому выстроил новые укрепления из черного камня, имевшегося здесь в огромных количествах. Так и получилось, что правящая династия Шести Герцогств ведет свой род от завоевателей с Внешних островов. Естественно, как и многие другие. Шесть Герцогств и народ Внешних островов так же часто смешивали свою кровь, как и проливали ее.

Вентурн, «Исторические хроники»

Только когда до отплытия осталось всего пять дней, наше путешествие на Внешние острова перестало казаться мне чем-то далеким и нереальным. До сих пор мне удавалось не думать о нем всерьез. Я, естественно, готовился к нему, но не слишком серьезно. Изучал островную письменность и провел не один день в таверне, которую часто посещали купцы и моряки с Внешних островов, – старался хотя бы немного выучить язык. Я уже давно выяснил, что мне это легче дается на слух. В наших языках много общих корней, и через некоторое время островное наречие перестало казаться мне чужим. Разумеется, говорил я неважно, но вполне мог объясниться и, что важнее, понимал почти все, что слышал. Я надеялся, что мне этого хватит.

Наши занятия со Свифтом успешно продвигались вперед, и неожиданно для себя я понял, что буду скучать по мальчишке, когда мы покинем замок. Но одновременно и буду рад от него избавиться. Он действительно оказался отличным лучником – для мальчишка десяти лет. Когда я рассказал о нем Крессвеллу, тот с удовольствием взял Свифта в ученики.

– У него есть внутреннее чутье. Он не будет тратить время на то, чтобы как следует прицелиться. Мальчишка направляет стрелу не только руками, но и глазами. Когда он подрастет и окрепнет, мы дадим ему более тяжелый лук, – сказал Крессвелл, и я передал его слова Чейду.

Старый убийца согласился с мастером оружия лишь частично.

– Все равно надо научить его владению топором, – приказал мне Чейд. – Ему не повредит.

То, что мне теперь приходилось проводить меньше времени с мальчишкой, оказалось невероятным облегчением, хотя мне и не слишком хотелось в этом себе признаваться. Он был сообразительным малым, с которым приятно иметь дело во всех отношениях, кроме двух: он слишком сильно напоминал мне о Молли и Барриче, а еще не мог научиться молчать о своей магии. С чего бы я ни начинал свои уроки, ему всякий раз удавалось перевести разговор на Дар. Глубина его невежества приводила меня в ужас, однако я не испытывал никакого энтузиазма, когда мне приходилось объяснять его ошибки. Я решил поговорить о нем с Уэбом.

Перехватить Уэба, чтобы поговорить с ним с глазу на глаз, оказалось совсем не простой задачей. С тех пор как он появился в Оленьем замке в качестве представителя и посланника Древней Крови, ему удалось завоевать уважение и людей, когда-то презиравших Дар, и тех, кто им обладал. Теперь его часто называли «мастер Дара». Титул, придуманный в насмешку над королевским признанием магии, бывшей прежде вне закона, быстро становился почетным.

Многие искали его совета, и не только по вопросам, имеющим отношение к его магии или представителям Древней Крови.

Уэб оказался приветливым человеком, которого интересовали самые разные люди, к тому же он мог оживленно поддержать разговор на самые разные темы и отлично умел слушать, время от времени вставляя мудрые замечания. Люди, как правило, хорошо относятся к тем, кто готов их слушать. Даже если бы он не был официальным представителем Одаренных, Уэб, вне всякого сомнения, стал бы одним из любимцев двора. Но статус посла сделал его еще более заметной фигурой, поскольку каждый, кто хотел продемонстрировать королеве, что он разделяет ее отношение к Одаренным, приглашал его на обед или разделить совместные развлечения. Многие аристократы пытались таким способом завоевать расположение королевы.

Я уверен, что предыдущий опыт Уэба вряд ли мог подготовить его к такой бурной общественной жизни, однако он быстро освоился при дворе. Впрочем, у меня сложилось впечатление, что у него получалось все, за что он брался. И что самое поразительное – популярность ни в коей мере не изменила его. Он с таким же удовольствием поддерживал разговор со служанками, как и дискуссию на высокие темы с каким-нибудь аристократом. Иными словами, я редко видел его в одиночестве.

Впрочем, на свете все-таки существуют места, куда человек ходит один. Я подждал Уэба неподалеку от домика на заднем дворе. Когда он появился, я поздоровался и добавил:

– Мне нужен ваш совет по одному вопросу. Вы можете уделить мне время и прогуляться со мной в Женском саду?

Уэб удивленно приподнял одну седую бровь и кивнул. А потом, не говоря больше ни слова, последовал за мной. У него была очень характерная походка моряка, но он легко поспевал за моими широкими шагами. Я всегда любил Женский сад, даже в детстве. Летом он обеспечивает замковую кухню травами, но разбит столь искусно, что в нем очень приятно находиться и гулять. Понятия не имею, почему он называется Женским, – скорее всего, потому, что за ним ухаживают женщины. Но я знал, что, увидев нас там, никто не удивится.

На ходу я сорвал несколько молодых веточек медного фенхеля и протянул одну из них Уэбу. Неподалеку от нас шелестела молодой листвой береза. Скамейку, которую мы выбрали, окружали грядки с ревенем, толстые розовые стебли уже выглядывали из земли, некоторые из них открывали навстречу солнцу свои сморщенные ярко-зеленые листья. Чтобы стебли выросли достаточно длинными, скоро ими придется заняться вплотную. Я сказал об этом Уэбу.

Он задумчиво почесал аккуратную седую бородку, и в его глазах появились смешинки, когда он спросил:

– Вы хотели поговорить со мной про ревень?

И стал ждать моего ответа, покусывая веточку фенхеля.

– Нет, конечно. Я знаю, вы занятой человек, и не задержу вас надолго. Меня очень беспокоит мальчик, которого мне поручили учить грамоте и владению оружием. Его зовут Свифт, он сын человека, служившего раньше в Оленьем замке главным конюшим, Баррича. Они с отцом разошлись во мнениях по поводу Дара, и теперь мальчик называет себя Свифт Одаренный.

– Понятно. – Уэб кивнул. – Да, я знаю, о ком вы говорите. Парнишка частенько стоит на краю круга, когда я по вечерам рассказываю свои истории. Однако я не помню, чтобы он хотя бы раз заговорил со мной.

– Ясно. Я советовал ему не только послушать вас, но еще и поговорить. Меня беспокоит его отношение к собственной магии. И то, как он о ней рассуждает. Он не прошел никакого обучения, а его отец не одобряет Дар. Но невежество не сделало мальчика осторожным. Как раз наоборот, он ведет себя даже слишком несдержанно и легкомысленно. Он рассказывает о своем Даре всем подряд, требуя, чтобы окружающие его признали. Я его предупредил, что, несмотря на королевский указ, многие в Оленьем замке продолжают с подозрительностью относиться к Дару. Похоже, он не понимает, что закон не может заставить людей перемениться и начать

думать по-новому. Мальчик подвергает себя опасности. Вскоре мне предстоит уехать с принцем, и Свифт будет предоставлен самому себе. У меня есть всего пять дней, чтобы прочистить ему мозги. – Я умолк, не силах придумать, что еще добавить.

– Я понимаю, почему вы испытываете неловкость, – проговорил Уэб.

Я ожидал от него совсем не такого ответа и несколько мгновений не знал, что сказать.

– Дело не только в том, что мальчик подвергает себя опасности, во всеуслышание твердя о своем Даре, – извиняющимся тоном сказал я. – Все гораздо серьезнее. Он открыто говорит о том, что собирается связать жизнь с каким-нибудь животным, причем очень скоро. Свифт даже попросил моей помощи, он хочет, чтобы я провел его по конюшням. Я сказал ему, что считаю такой способ неправильным, но он не желает меня слушать. Он отмахивается от меня, заявляя, что, если бы я сам был Одарен, я бы понял, как ему не терпится покончить со своим одиночеством. – Я постарался произнести последние слова спокойно, без раздражения.

Уэб откашлялся и печально улыбнулся.

– И в этом я вас понимаю. Очень неприятное для вас положение.

От его слов внутри у меня все похолодело. В них прозвучало невысказанное знание правды. Я заставил себя не обращать на них внимания.

– Вот почему я обратился к вам за советом, Уэб. Не могли бы вы поговорить с ним? Мне представляется, что лучше вас никто не сумеет научить мальчика жить с магией Дара, не позволив ей подчинить его себе. Вы могли бы объяснить Свифту, почему ему следует немного подождать, прежде чем связывать себя с каким-нибудь животным, и почему необходимо соблюдать осторожность и не рассказывать каждому встречному, что он Одарен. Иными словами, вам под силу внушить ему, что он должен обращаться со своей магией с достоинством и осторожностью.

Уэб откинулся на спинку скамейки. Он задумчиво жевал свою веточку, и новорожденные листочки на ней приплясывали вверх-вниз. Затем он тихо проговорил:

– Всему этому, Фитц Чивэл, вы могли бы и сами его научить не хуже меня – если бы захотели.

Он спокойно посмотрел на меня, и в этот ясный весенний день его глаза казались скорее голубыми, чем серыми. Его взгляд не был холодным, однако у меня возникло ощущение, будто меня окатили ледяной водой. Я медленно вдохнул, а потом выдохнул, стараясь успокоиться. Чтобы не выдать себя, я сидел совершенно неподвижно, одновременно пытаюсь понять, как он узнал мою тайну. Кто ему сказал? Чейд? Кетриккен? Дьютифул?

Уэб снова заговорил, и в его утверждениях была железная логика:

– Естественно, ваши слова будут иметь вес только в том случае, если вы признаетесь ему, что тоже наделены Даром. А также если раскроете свое настоящее имя и расскажете, что вас связывает с его отцом. Впрочем, возможно, он слишком молод, чтобы доверять ему такую тайну.

В течение следующих нескольких минут Уэб молча разглядывал меня, а потом отвернулся. Я было вздохнул с облегчением, но то, что он сказал дальше, окончательно вывело меня из равновесия.

– Ваш волк все еще живет в ваших глазах. Вам кажется, что, если вы будете сохранять неподвижность, никто этого не заметит. Со мной такие номера не проходят, молодой человек.

Я встал. Мне отчаянно хотелось отказаться от своего имени, но я прекрасно понимал, что буду выглядеть дураком в его глазах, если стану отрицать то, что он уже знает. А это не входило в мои планы.

– Я не считаю себя молодым человеком, – сердито возразил я. – Возможно, вы правы. Я сам поговорю со Свифтом.

– Вы моложе меня, – проговорил Уэб, обращаясь к моей спине. – И дело не только в прожитых вами годах, мастер Баджерлок. – (Я остановился и посмотрел на него.) – Не только

Свифт нуждается в уроках нашей магии, – сказал он так, что только я мог услышать его слова. – Я буду учить лишь того, кто сам придет ко мне и попросит об этом. Передайте мои слова и мальчику. Скажите ему, чтобы он пришел и попросил. Я не собираюсь навязывать ему знания.

Я понял, что разговор окончен, и зашагал прочь. И тут я снова услышал его голос.

– Холли порадовалась бы такому славному деньку, как этот, – словно между прочим, заметил он. – Ни облачка, легкий ветерок. Как чудно бы парил в небе ее ястреб...

Я получил ответ на свой невысказанный вопрос и оценил великодушие Уэба. Он не хотел, чтобы я мучительно гадал, кто в Оленьем замке раскрыл мою тайну, и сообщил мне, что это знание пришло к нему из другого источника. Холли, вдова Черного Рольфа, которая пыталась научить меня законам Древней Крови много лет назад, назвала ему мое имя. Я даже не замедлил шага, как будто его слова были всего лишь данью вежливости, но зато теперь меня мучила другая, еще менее приятная мысль. Интересно, Уэб узнал правду обо мне непосредственно от Холли или моя тайна проделала долгий путь, пока наконец дошла до него? Сколько Одаренных знает, кто я такой на самом деле? Насколько это опасно? И чем грозит Видящим?

Весь день я занимался делами, не слишком в них вникая. Рассеянность стоила мне множества лишних синяков на тренировке с моим отрядом стражи. Кроме того, мне пришлось отправиться на примерку новой формы. Несколько дней назад я стал солдатом созданной перед путешествием на Внешние острова гвардии принца. Чейд позаботился, чтобы я не только вошел в элитный отряд, но чтобы мне выпал жребий сопровождать принца на острова. Форма была синей, с оленем Видящих на груди. Я надеялся, что мне успеют пошить ее и отдать хотя бы дня за два до отплытия, – надо было добавить несколько маленьких потайных карманов. Некоторое время назад я заявил, что больше не намерен быть тайным убийцей для Видящих, но это не означало, что я собирался полностью отказаться от того, чему научило меня мое ремесло.

Мне повезло, что вечером мне не нужно было встречаться с Чейдом и Дьютифулом, поскольку они мгновенно поняли бы, что со мной что-то происходит. Когда я освободился и отправился в город, я решил взять выходной и не ходить в таверну, где собирались жители Внешних островов, а вместо этого повидаться с Недом. Мне нужно было сказать моему приемному сыну, что меня «выбрали» сопровождать принца, и заранее попрощаться с ним на случай, если у меня не будет времени потом.

Я уже довольно давно не навещал Неда и посчитал, что до отплытия осталось совсем мало времени и я могу с полным правом попросить мастера Гиндаста отпустить его со мной на целый вечер. После того как мальчик поселился с другими учениками в доме мастера и начал отдавать все силы обучению, дела его, к моей радости, пошли на лад. Мастер Гиндаст по праву считался одним из лучших краснодеревщиков города. И мне повезло, что он согласился взять в ученики Неда – правда, не без некоторого участия Чейда. Если мальчик сумеет добиться успеха, он сможет легко найти работу в любом из Шести Герцогств.

Я пришел в дом Гиндаста, как раз когда ученики готовились к ужину. Самого мастера не оказалось на месте, но один из его старших помощников отпустил Неда со мной. Меня удивил мрачный вид, с которым он согласился выполнить мою просьбу, но решил, что у него какие-то собственные неприятности. Однако Нед был не слишком рад меня видеть, чего я никак не ожидал. Он довольно долго искал свой плащ, а когда мы вышли из дома, молча зашагал рядом со мной.

– Нед, у тебя все в порядке? – спросил я наконец.

– Думаю, да, – едва слышно ответил он. – Но я не сомневаюсь, что у тебя на этот счет другое мнение. Я дал мастеру Гиндасту слово, что сам во всем разберусь. Обидно, что он по-прежнему считает необходимым сообщать о моих делах тебе и вызвал тебя, чтобы ты меня отчитал.

– Я ничего не понимаю. О чем ты? – Я старался говорить спокойно, хотя сердце у меня упало. Ведь через несколько дней я отплываю, удастся ли разобраться с бедой Неда за оставшееся время? Не в силах больше сдерживаться, я выпалил: – Меня выбрали. Я скоро уеду с принцем, буду сопровождать его на Внешние острова. Я пришел, чтобы сообщить тебе эту новость и провести с тобой вечер, перед тем как мы расстанемся.

Нед возмущенно фыркнул, но, думаю, разозлился он больше на себя самого. Он сам выдал мне свой секрет, а будь он немного терпеливее, я мог бы ничего и не узнать. Наверное, эта досада перевесила удивление или огорчение, которое Нед, должно быть, испытал, услышав мою новость. Я шел рядом с ним, терпеливо дожидаясь, когда он заговорит. На вечерних улицах Баккипа царила тишина. Дни стали немного длиннее, но жители вставали рано и предпочитали ложиться, едва начинало смеркаться.

Нед продолжал помалкивать, и тогда я предложил:

– Тут неподалеку «Собака и свисток», вполне приличное заведение, где неплохо кормят и подают хорошее пиво. Пойдем?

Не встречаясь со мной глазами, он возразил:

– Я бы лучше пошел в «Заколотую свинью», если тебе все равно.

– Мне не все равно, – ответил я, стараясь сохранять спокойствие. – «Свинья» – это рядом с домом Джинны, и тебе прекрасно известно, что она иногда туда заходит. А еще ты знаешь, что мы с ней в некотором роде расстались. Сегодня вечером я бы не хотел ее видеть.

Кроме того, я слишком поздно узнал, что в «Заколотой свинье» собираются Одаренные, хотя никто вслух об этом не говорил. Вот одна из причин дурной репутации заведения, остальные заключались в том, что там действительно было грязно и довольно убого.

– А может, ты не хочешь идти туда потому, что Сванья тоже живет рядом? – упрямо спросил Нед.

Я подавил тяжелый вздох и повернул в сторону «Заколотой свиньи».

– Мне казалось, она тебя бросила, променяла на того морячка и его подарки.

Он отшатнулся от меня, но ответил, стараясь говорить спокойно:

– Мне тоже так казалось. Но когда Рефтен снова ушел в море, она меня нашла и рассказала, как все обстоит на самом деле. Ее родители устроили и одобряют этот брак. Вот почему они отнеслись ко мне с такой враждебностью.

– Получается, они думали, что ты знаешь о помолвке и продолжаешь встречаться со Сваньей?

– Наверное. – И снова его голос прозвучал нейтрально.

– Она могла бы сказать родителям, что обманула тебя. Или сообщить тебе про Рефтена.

– Все было не так. – В голосе Неда появились сердитые нотки. – Сванья не собиралась никого обманывать. Сначала мы просто дружили, так с чего бы ей было говорить мне о помолвке? А когда мы полюбили друг друга, она побоялась рассказать мне про Рефтена, не хотела, чтобы я считал ее неверной, думал, будто она ему изменяет. Но на самом деле он ей никогда не нравился; у него только и было, что «слово» ее родителей.

– А потом, когда он вернулся?

Нед тяжело вздохнул, изо всех сил стараясь держать себя в руках.

– Все очень сложно, Том. Ее мать больна и очень хочет, чтобы Сванья вышла за Рефтена. Он сын ее подруги детства. А отец считает, что, раз он дал слово, он уже не может взять его назад. Он гордый человек. Поэтому, когда Рефтен вернулся в город, Сванья решила сделать вид, что у них все хорошо, – пока он снова не уйдет в море.

– Теперь, когда он ушел в море, она к тебе вернулась.

– Да. – Нед произнес это слово так, словно ему больше нечего было сказать.

Я обнял его за плечи и почувствовал, что у него напряжены все мышцы. Я задал вопрос, который не мог не задать:

– А что будет, когда он снова вернется в порт и придет к Свань с подарками?

– Она ему скажет, что любит меня и принадлежит мне, – тихо ответил Нед. – Или я сам скажу. – Некоторое время мы шли молча. Нед так и не расслабился, но, по крайней мере, не сбросил мою руку. – Ты считаешь, что я веду себя глупо, – сказал он наконец, когда мы свернули на улицу, на которой находилась «Заколотая свинья». – Ты уверен, что Свань играет со мной и что, когда Рефтен вернется домой, она снова меня бросит.

Я заставил себя произнести жестокие слова как можно мягче:

– Я думаю, что может случиться и так.

Он вздохнул, и его плечо расслабилось у меня под рукой.

– Я тоже. Но что мне делать, Том? Я ее люблю. Только Свань, и больше никого. Она моя вторая половинка, и когда мы вместе, мы становимся единым целым. Я так чувствую. Вот я сейчас иду рядом с тобой, рассказываю о ней и кажусь самому себе доверчивым дурачком. Поэтому я говорю вслух о своих сомнениях. Но когда я рядом с ней и она смотрит мне в глаза, я знаю, что она говорит правду.

Мы еще немного прошли в молчании. Жизнь города замедляла свой бег, дневные заботы оставались позади, наступало время ужина и уютного вечера в кругу семьи. Торговцы закрывали на ночь ставни в лавках, из окон плыли ароматы готовящейся еды. Таверны звали таких, как мы с Недом. Я пожалел, что мы не можем просто зайти куда-нибудь и спокойно перекусить, болтая о пустяках. Мне казалось, что у Неда все уладилось и я могу с легким сердцем отправиться в путь. Я задал вопрос, неизбежный и такой же дурацкий:

– А ты не можешь перестать с ней видеться хотя бы на время?

– Нет, – ответил он не задумываясь. Глядя прямо перед собой, Нед продолжил: – Я не могу, Том. Не могу от нее отказаться. Это все равно что перестать есть или дышать.

Тогда я высказал вслух свои опасения:

– Я боюсь, что, пока меня не будет, ты вляпаешься в серьезные неприятности, Нед. Я не имею в виду обычную драку из-за девчки, хотя ничего хорошего тебя не ждет. Мастер Хартшорн не любит нас обоих. Если он посчитает, что ты опозорил его дочь, он может попытаться тебе отомстить.

– Я сумею справиться с ее отцом, – мрачно проворчал Нед, и я почувствовал, как у него снова напряглись плечи.

– Как? Позволишь ему отколотить себя? Или избьешь его до полусмерти? Ты не забыл, что я уже с ним дрался, Нед? Он не станет просить пощады и тебя не пожалеет. Если бы не вмешалась городская стража, наша драка продолжалась бы, пока один из нас не потерял сознание или не умер от ран. Но даже если до мордобоя дело не дойдет, он может доставить тебе кучу неприятностей. Может, например, пойти к Гиндасту и пожаловаться на дерзость одного из его учеников. Гиндаст отнесется серьезно к такому обвинению, верно? Судя по тому, что ты мне успел сказать, мастер не слишком доволен твоим поведением. А если он тебя выгонит? Или Хартшорн вышвырнет дочь на улицу. Тогда что?

– Тогда я возьму ее к себе, – мрачно ответил Нед. – И буду о ней заботиться.

– Каким образом?

– Каким-нибудь. Не знаю каким, знаю только, что я ее не оставлю!

Я видел, что он рассердился, но не на меня, а на себя, на то, что не смог внятно ответить на мой вопрос. Я решил, что сейчас лучше всего помолчать. Убедить мальчика свернуть с дороги я не мог. Более того, я понимал, что стоит мне предпринять такую попытку – и он от меня отвернется. Когда мы подошли к «Заколотой свинье», я спросил:

– Ты ведь встречаешься с ней тайно, верно?

– Да, – неохотно ответил он. – Я прохожу мимо ее дома. Она меня ждет, но мы притворяемся, что не замечаем друг друга. Если она меня видит, она придумывает какой-нибудь предлог, чтобы уйти, и чуть позже мы встречаемся.

– В «Заколотой свинье»?

– Нет, конечно. Мы нашли одно местечко, где можем побыть вдвоем.

И чуть позже я оказался частью их хитроумного плана, когда мы прошли мимо дома Сваньи. До сих пор я не знал, где она живет. Когда мы проходили мимо, девушка сидела на крыльце с маленьким мальчиком. Я и не подозревал, что у нее есть братья или сестры. Заметив нас, она сразу же встала и ушла вместе с малышом в дом, как будто не хотела видеть нас с Недом. Мы же направились в «Заколотую свинью».

Мне ужасно не хотелось туда входить, но Нед шел впереди, и мне пришлось последовать за ним. Хозяин коротко кивнул нам, и я удивился, что он не выставил нас вон. В прошлый раз, когда я здесь пил, мы с Хартшорном крепко подрались и кто-то вызвал городскую стражу. Возможно, для этого заведения подобное не редкость. По тому, как мальчишка-слуга поздоровался с Недом, я понял, что мой сын стал тут завсегдатаем. Он уселся за угловой столик с таким видом, словно всегда так делал. Я положил на стол монетку, и вскоре мы получили две кружки пива и две тарелки не слишком аппетитной жареной рыбы. Хлеб оказался черствым. Нед ничего не замечал. Мы почти не разговаривали во время еды, и я почувствовал, что Нед считает минуты, прикидывая, когда Сванья сумеет улизнуть из дома и они отправятся в свое тайное убежище.

– Я собирался оставить Гиндасту для тебя денег, чтобы ты не сидел без гроша, пока я в отъезде.

Нед с полным ртом покачал головой. Через пару минут он едва слышно проговорил:

– Ничего не выйдет. Если он будет мной недоволен, он мне их просто не даст.

– А ты полагаешь, что у него будет причина быть тобой недовольным?

Нед некоторое время молчал, а потом ответил:

– Он считает, что обязан следить за мной, как будто мне десять лет. Я хочу, чтобы мои вечера принадлежали мне и я мог делать все, что захочу. Ты платишь за мое обучение, и днем я выполняю все, что от меня требуется. А остальное не должно его волновать. Но нет, он заставляет меня сидеть вместе с другими учениками, чинить носки до тех пор, пока его жена не начинает орать, чтобы мы перестали жечь свечи и шли спать. Мне такой надзор не нужен, и я не стану его терпеть.

– Понятно.

Мы некоторое время молча ели отвратительно приготовленную рыбу, а я пытался принять решение.

Нед слишком горд, чтобы попросить меня оставить деньги ему. Я мог отказать, чтобы дать понять, что не одобряю его поведение. Разумеется, мне не нравилось то, что он делает, и я понимал, что он и впрямь может серьезно влипнуть... И если неприятности свалятся на него в мое отсутствие, ему понадобятся деньги, чтобы с ними справиться. Я достаточно близко познакомился с городской тюрьмой и меньше всего на свете хотел, чтобы мой мальчик попал туда, не сумев заплатить штраф. Однако, если я оставляю ему деньги, не предоставлю ли я в его распоряжение шанс запутаться еще сильнее? Вполне возможно, что он захочет произвести на свою подружку впечатление и потратит их на подарки и ужины в тавернах.

Иными словами, все сводилось вот к чему: доверяю ли я мальчику, которого воспитывал долгих семь лет? Он уже отбросил большую часть того, чему я его учил. Правда, про меня в его возрасте Баррич мог бы сказать то же самое – если бы знал, как часто я использовал свой Дар. Да и Чейд тоже, если бы ему было известно о моих тайных прогулках в город. Но тем не менее я остался таким, каким они хотели меня видеть.

– В таком случае я дам деньги тебе и буду надеяться, что ты потратишь их разумно, – тихо проговорил я.

Впрочем, мне хватило ума не доставать кошелек с деньгами в таверне, пользующейся столь дурной репутацией.

Нед обрадовался, но я знал, что не деньгам, а доверию, которое я ему оказал.
– Спасибо, Том. Я буду очень осторожен.

После этого наш ужин стал заметно веселее. Мы поговорили о моем путешествии. Нед спросил, надолго ли я уезжаю. Я ответил, что не знаю. Потом он поинтересовался, опасно ли наше предприятие. Все знали, что принц собирается убить дракона в честь нарчески. Я слегка посмеялся над предположением, что мы найдем дракона во льду Внешних островов. А еще честно признался, что по большей части мне будет скучно и придется терпеть всякие неудобства и опасность мне вряд ли будет угрожать. В конце концов, я всего лишь один из стражников, которых выбрали сопровождать принца. Наверняка мне только и придется, что ждать, когда кто-нибудь скажет, что я должен делать. Мы посмеялись над этим, но мне очень хотелось, чтобы Нед понял мой намек. Услышал, что выполнение чужих приказов – это вовсе не обязанность детей, а долг любого человека. Впрочем, не знаю, удалось ли мне донести до него свою мысль.

Мы съели все довольно быстро. Еда не слишком располагала, чтобы растягивать удовольствие, к тому же я чувствовал, что Нед с нетерпением ждет встречи со Сваньей. Всякий раз, когда я о ней думал, сердце у меня сжималось, но я понимал, что ничего не могу изменить. Так что мы отодвинули свои грязные тарелки и вышли из «Заколотой свиньи». Некоторое время мы шли вместе, наблюдая за тем, как на город спускается вечер.

Во времена моего детства в такой час улицы уже были бы пусты. Но Баккип вырос за последнее время, и темные делишки, естественно, тоже процветали. На перекрестках людных улиц медленно прогуливались женщины. Они изучающе оглядывали проходивших мимо мужчин, о чем-то переговаривались друг с другом, дожидаясь, когда к ним подойдет очередной клиент. Здесь Нед тихо проговорил:

– Мне пора.

Я кивнул и решил воздержаться от комментариев. Затем я вынул из кармана приготовленный заранее кошелек и протянул ему.

– Не носи его с собой, бери только то, что тебе может понадобится на день. У тебя есть надежное место, чтобы его спрятать?

– Спасибо, Том. – Нед взял кошелек и убрал под рубашку. – У меня есть такое место. Точнее, у Сваньи. Я попрошу ее сохранить деньги для меня.

Мне потребовалось немало сил и весь мой многолетний опыт, чтобы скрыть свои сомнения. Я кивнул, словно был уверен в том, что все будет хорошо. Потом я обнял Неда, он попросил меня зря не рисковать, и мы расстались.

Неожиданно я понял, что не хочу возвращаться в замок. День выдался непростой – разговор с Уэбом да еще и признание Неда вывели меня из равновесия. А рыба, которую я съел в «Заколотой свинье», больше раздражила, чем удовлетворила мой желудок, и я подозревал, что она там долго не задержится. Поэтому я свернул в противоположную сторону, чтобы Нед не подумал, будто я за ним слежу, и некоторое время просто шагал по улицам города. Беспокойство в моем сердце сражалось с одиночеством. Оглядевшись по сторонам, я вдруг заметил, что оказался около мастерской портного, где когда-то была свечная лавка Молли. Я сердито покачал головой и упрямо направился в доки.

Я некоторое время прогуливался в порту, подсчитывая суда с Внешних островов, из Джамелии и Удачного и наши. Порт вырос и стал более оживленным, чем во времена моего детства, да и количество иностранных кораблей могло посоперничать с числом наших. Проходя мимо судна с Внешних островов, я услышал, как какой-то матрос грубо пошутил и ему в ответ раздался оглушительный хохот. Я страшно возгордился, что все понял.

Корабли, которые должны были доставить нас на Внешние острова, стояли в главном доке. Я замедлил шаг, чтобы рассмотреть их. Погрузка прервалась на ночь, но стража продолжала охранять их при свете фонарей. Корабли казались огромными, но я знал, что после

нескольких дней, проведенных в море, они словно уменьшались в размерах. Кроме судна, на котором поплывет принц и его свита, было еще три корабля для аристократов, а также грузовой – с подарками и товарами на продажу.

Судно, на котором поплывет принц, называлось «Счастливая невеста», старый корабль, не раз выходивший в море. После того как его отмыли, заново покрасили и полностью обновили оснастку, он выглядел так, словно только что сошел со стапелей. Поскольку его построили как торговое судно, главными его качествами были размеры и надежность: закругленный корпус напоминал брюхо беременной свиньи. Баковую надстройку увеличили, чтобы там могли с удобствами разместиться пассажиры. На мой взгляд, корабль стал слишком неустойчивым из-за перераспределения веса. Интересно, как отнесся его хозяин к изменениям, сделанным ради принца Дьютифула. Я поплыву на борту «Невесты» вместе с почетной стражей принца. Я еще не знал, сумеет ли Чейд устроить так, чтобы у меня была своя каюта, или мне придется мириться с тем, что по статусу полагается простому стражнику. Что без толку гадать, сказал я сам себе. Что будет, то и будет. Я отчаянно не хотел никуда плыть.

Впрочем, я еще помнил времена, когда с нетерпением ждал любой возможности покинуть замок и просыпался на рассвете от радостного предвкушения новых приключений. Я был готов отправиться в путь, когда остальные еще только открывали глаза.

Не знаю, когда я потерял способность чувствовать радостное возбуждение, предвкушая путешествие, но я ее потерял. Я ощущал лишь нарастающий ужас. Одна только мысль о необходимости провести в море, в тесной каюте много дней заставляла меня мечтать о возможности отказаться от этого испытания. Я даже думать не позволял себе о том, какой прием ждет нас на Внешних островах, и о том, что нам придется провести некоторое время среди скал, где царит вечный холод. Воображение отказывало мне, когда я вспоминал, что нам придется разыскать во льдах дракона и отрубить ему голову. Почти каждый вечер я возмущался нарческой, которая выбрала такое необычное испытание для принца, заставив его доказать делом, что он достоин ее руки. Снова и снова я искал в ее поступках мотив, понятный мне, и не находил его.

Сейчас, шагая по улицам Баккипа, по которым разгуливал ветер, я размышлял над тем, что пугало меня больше всего – мгновение, когда Шут узнает, что я открыл его планы Чейду. Хотя я сделал все, что было в моих силах, чтобы помириться с Шутом, с тех пор я редко проводил с ним время. Частично я делал это сознательно, чтобы каким-нибудь жестом или словом не выдать своего предательства. Впрочем, по большей части Шут и сам не слишком стремился со мной встречаться.

Лорд Голден, как он теперь себя называл, недавно резко изменил манеру своего поведения. Огромное состояние позволяло ему одеваться в экстравагантные костюмы и без конца покупать дорогие безделушки. Но сейчас он тратил свои средства на гораздо более вульгарные вещи. Деньги сыпались из его карманов, как пыль из половика, который выбивает старательный слуга. Кроме апартаментов в замке, лорд Голден снял весь верхний этаж в «Серебряном ключе», городской гостинице, популярной среди состоятельных жителей Шести Герцогств. Модное заведение прилепилось, точно листок, к крутому склону скалы – во времена моего детства это место считалось не самым лучшим для строительства. Однако отсюда открывался отличный вид на море и весь город.

В заведении лорд Голден держал собственного повара и множество слуг. Слухи о редких винах и экзотических блюдах, которые там подавались, делали его обеды более популярными, чем королевские. Когда он обедал с близкими друзьями, самые лучшие актеры и менестрели Шести Герцогств сражались между собой за внимание его гостей. Никого не удивляло, когда он приглашал менестреля, акробата и жонглера выступить одновременно в разных углах обеденного зала. За обедом всегда следовали азартные игры, где ставки были так высоки, что в них могли принять участие только самые богатые или расточительные молодые аристократы. День у него начинался поздно, а ночь – на рассвете.

Поговаривали, что лорд Голден улаживал не только свой желудок. Когда в гавань прибывали корабли, заходившие в Удачный, Джамелию или на Пиратские острова, они доставляли ему очередного гостя. Куртизанки, украшенные изысканной татуировкой, бывшие джамелийские рабы, стройные юноши с накрашенными глазами, женщины в боевом снаряжении и моряки с суровыми лицами заходили к нему в комнаты, оставались там на ночь или несколько ночей, а затем снова уплывали на кораблях. Кое-кто утверждал, что они привозили ему изысканные благовония для получения Дыма, а также джидзин, джамелийское развлечение, ставшее популярным в Баккипе и Оленьем замке. Другие говорили, что они удовлетворяют его «джамелийские потребности». Если же кто-то осмеливался задать прямой вопрос касательно гостей лорда Голдена, тот лишь приподнимал брови или упрямо уходил от ответа.

Как это ни странно, столь вызывающее поведение делало его еще более популярным среди определенных слоев аристократии Шести Герцогств. Многих юношей самым суровым образом отзывали из Оленьего замка домой, других неожиданно навещали родители, желающие знать, отчего их чада требуют раз от раза высылать все больше денег, говоря, что эти средства необходимы им для жизни при дворе. Те, кто был настроен более консервативно, утверждали, что молодой иностранец сбивает молодежь с пути истинного. Но невольное восхищение излишествами и порочностью лорда Голдена легко побеждало осуждение. О нем рассказывали самые невероятные истории. Однако в основании сплетен всегда лежало истинное событие. Лорд Голден отправился путешествовать по царству неумеренности, приблизиться к которому не осмеливался никто со времен Регала.

Я не понимал, почему он так себя ведет, и меня это очень беспокоило. Играя свою роль Тома Баджерлока, я не мог открыто общаться с лордом Голденом, а он не искал моего общества. Даже когда он проводил ночь в замке, он заполнял все свое время развлечениями и уходил спать, когда небо начинало сереть. Кое-кто утверждал, что он переселился в город, чтобы быть ближе к местам, где процветают азартные игры и удовольствия самого низкого сорта, но я подозреваю, что он хотел находиться как можно дальше от всевидящего ока Чейда, а таинственные гости были всего лишь посыльными от его друзей на юге. Я не знал ни какие известия они ему приносили, ни зачем он так компрометирует себя и пускает на ветер свое состояние, ни какие сообщения он отправляет в Удачный и Джамелию.

Впрочем, эти вопросы ничем не отличались от моих размышлений о мотивах нарчески, потребовавшей, чтобы принц убил дракона по имени Айсфир. Ответов не было, а я лишь зря тратил часы, которые мог бы вместо этого посвятить сну. Я взглянул на изысканные решетки, украшавшие окна «Серебряного ключа». Ноги сами, не спрашивая совета у головы, принесли меня сюда. В окнах на верхнем этаже горел яркий свет, и я видел, что по огромной комнате расхаживают гости. На единственном балконе о чем-то оживленно разговаривали женщина и юноша. По их голосам я понял, что они уже немало выпили, — сначала они говорили тихо, но потом начали ссориться, и я наклонился, сделав вид, что мне нужно завязать шнурки.

— У меня появилась прекрасная возможность прибрать к рукам кошельки лорда Верданта, но нужны деньги, чтобы сделать ставку. Отдай то, что ты мне должна! — потребовал юноша.

— Не могу. — Женщина старательно выговаривала слова, словно убеждая саму себя, что она совершенно трезва. — У меня нет денег, дружок. Но скоро будут. Когда лорд Голден заплатит мне то, что проиграл вчера, ты получишь свои денежки. Если бы я знала, что ты будешь так жадничать, я бы в жизни не стала у тебя одалживать.

Молодой человек возмущенно вздохнул.

— Когда лорд Голден отдаст тебе деньги? Это все равно что никогда. Всем известно, что он по уши в долгах. Если бы я знал, что ты собираешься с ним играть, я бы ничего тебе не дал.

— Что ты несешь? — возмутилась женщина после потрясенного молчания. — Всем известно, что у него огромное состояние. Когда прибудет следующий корабль из Джамелии, у него будет денег столько, что он сможет расплатиться со всеми.

Спрятавшись в тени за углом гостиницы, я наблюдал за ними и внимательно прислушивался к разговору.

– Если следующий корабль из Джамелии прибудет... в чем я лично сомневаюсь, судя по тому, как развиваются военные действия. Да и вообще судно должно быть размером с гору, чтобы лорд Голден смог отдать все долги! Ты разве не слышала, что он даже за свои комнаты не платит и хозяин держит его здесь только потому, что он привлекает посетителей?

Женщина сердито отвернулась, но юноша схватил ее за запястье.

– Послушай, дура! Я не намерен бесконечно ждать, когда ты сможешь отдать мне долг. Так что постарайся достать деньги сегодня! – Он оглядел ее с головы до ног и хрипло добавил: – Можешь расплатиться не только деньгами.

– А, леди Валериана. Вот вы где. А я вас повсюду ищу, милая плутовка. Неужели вы меня избегаете?

Я услышал ленивый голос лорда Голдена, вышедшего на балкон. Свет, падавший из-за спины, вычертил его силуэт и заставил сиять золотые волосы. Легко опираясь на перила балкона, лорд Голден посмотрел на город, раскинувшийся внизу. Мужчина тут же выпустил руку своей собеседницы, и та, вздернув подбородок, отошла от него и встала рядом с лордом.

Чуть склонив голову набок, она заговорила тоном капризного ребенка:

– Дорогой лорд Голден, лорд Кейпелбл только что заявил, будто вы не намерены отдать мне долг. Прошу вас, скажите ему, что он ошибается!

Лорд Голден приподнял одно изящное плечо.

– Стоит задержаться с выплатой долга на пару дней, как про тебя тут же начинают распространять мерзкие слухи. Вне всякого сомнения, человек не должен больше того, что он может позволить себе проиграть... или без чего сможет обойтись, пока ему не заплатят. Вы со мной не согласны, лорд Кейпелбл?

– Или точнее будет сказать – человек не должен ставить больше того, что он может сразу же заплатить, – ехидно заметил тот.

– Ну-ну, разве в таком случае наши ставки не будут ограничены лишь тем, что мы в состоянии унести в своих карманах? Очень невысокие получатся ставки. Кстати, юная леди, как вы думаете, почему я так настойчиво вас искал, если не затем, чтобы отдать долг? Здесь, думаю, вы найдете большую часть того, что я вам должен. Надеюсь, вы не против того, что я расплачиваюсь с вами не деньгами, а жемчугом.

Женщина вскинула голову, бросая вызов мрачному лорду Кейпелблу.

– Ни капельки не против. А если кто-то и будет возражать, пусть дожидается звонких монет. Мы ведь играем не ради денег, верно, лорд Голден?

– Разумеется. Риск – это наслаждение, а выигрыш – всего лишь удовольствие. Вы со мной не согласны, Кейпелбл?

– А если не согласен, что изменится? – мрачно поинтересовался тот.

Мы с ним оба заметили, что женщина, похоже, не собиралась отдавать ему *свой* долг.

Лорд Голден громко рассмеялся, и его мелодичный смех разорвал холодную тишину весенней ночи.

– Ничего, дружище. Конечно же ничего! А теперь, надеюсь, вы оба готовы последовать за мной и отведать новое вино. Стоя на холодном ветру, можно легко простудиться до смерти. Вне всякого сомнения, друзья могут найти местечко потеплее, чтобы поговорить наедине.

Я подождал еще немного, а потом вышел из тени. Я разозлился на Шута за то, что он без труда заметил меня, да и его предложение встретиться в другом месте прозвучало слишком непонятно. Мне очень хотелось посидеть и поговорить с ним, но еще больше я боялся, что он сумеет узнать о моем предательстве. Я решил, что лучше не встречаться с другом, чем увидеть обиду в его глазах. Печально, в полном одиночестве шел я по ночным улицам города, а холодный ветер неумолимо толкал меня в сторону замка.

III

Тревога

И тогда Хокин расвицепел на тех, кто возмущался его отношением к своей Изменяющей, и решил продемонстрировать свою власть над ней. «Возможно, она еще ребенок, – заявил он. – Но это ее груз, и она должна его нести. И ничто не может подвергнуть сомнениям ее роль или заставить ее пожелать для себя спасения ценой благополучия всего мира».

И он потребовал, чтобы она отправилась к своим родителям и отказалась от них, сказав: «У меня нет матери. И у меня нет отца. Я всего лишь Изменяющая Белого Пророка Хокина». А потом она должна была заявить: «Я возвращаю вам имя, которое вы мне дали. Теперь я больше не Редда, я Косоглазка, так назвал меня Хокин». Он выбрал ей это имя, потому что у нее один глаз всегда смотрел в сторону.

Она не хотела делать то, что он приказал. Она плакала, когда шла к своим родителям, плакала, когда произносила слова, и плакала по пути назад. Два дня и две ночи слезы текли из ее глаз, и он позволил ей эту скорбь. А потом Хокин сказал ей: «Косоглазка, осуши слезы».

И она повиновалась. Потому что таков был ее долг.

Писарь Катерен о Белом Пророке Хокине

Когда до отъезда остается двенадцать дней, кажется, что времени для подготовки вполне достаточно. Даже за семь дней представляется, что можно все успеть. Но когда их всего пять, потом четыре и три, проходящие часы лопаются, точно мыльные пузыри, а дела, выглядевшие прежде легкими, становятся невероятно сложными. Я должен был упаковать все, что могло мне пригодиться в роли королевского убийцы, шпиона и мастера Силы, но при этом так, чтобы казалось, будто я взял с собой только то, что необходимо простому стражнику. А еще мне предстояло попрощаться с друзьями – и я понимал, что это будет очень трудно.

Единственное, что меня радовало в нашем путешествии, так это то, что рано или поздно мы вернемся домой, в Олений замок. Страх и беспокойство отнимают гораздо больше сил, чем тяжелый труд, а мои тревоги нарастали с каждым днем. За три ночи до отплытия я был едва жив от мучивших меня мыслей. Напряжение разбудило меня задолго до рассвета, и я понял, что больше уже не усну. Я сел на кровати. Угли в камине освещали лишь кочергу и совок, стоявшие сбоку от него. Постепенно мои глаза привыкли к сумраку комнаты без окон. Я прекрасно знал ее еще с тех времен, когда был учеником убийцы. Я тогда не думал, что когда-нибудь она станет моей. Я встал с кровати Чейда, не обращая внимания на скомканные простыни и распрощавшись с ее теплом.

Затем я развел в камине огонь и подбросил небольшое полено. Повесил над огнем котелок. Несколько минут я уговаривал себя приготовить чайник и заварить чай, но без особого успеха. Мне так и не удалось отдохнуть за ночь. Беспокойство мешало спать, а усталость – признать, что для меня начался новый день. По мере того как приближался день отплытия, неуютная, жалкая комната становилась все более родной и милой моему сердцу. Я зажег фитиль от огня в камине и поднес к свечам в канделябре, стоявшем на старом, покрытом шрамами столе. Стул, на который я с усталым стоном опустился, показался мне ледяным.

Так и не сняв ночной рубашки, я уселся за стол и принялся изучать карты, которые собрал вчера вечером. Они все были с Внешних островов, но так сильно отличались друг от друга размерами и композицией, что я никак не мог понять, что их связывает. По довольно странной традиции жители Внешних островов делают карты только на шкуре морских млекопита-

ющих или рыб. Я подозревал, что их вымачивают в моче, потому что от них исходил весьма характерный запах. Кроме того, законы Внешних островов требуют, чтобы каждый остров был представлен в виде божественной руны да еще и на отдельной карте.

А это означает, что на картах имелось огромное количество всевозможных украшений, не имевших никакого отношения к очертаниям и характеристикам самого острова. Эти добавления имели огромное значение для жителей Внешних островов, они указывали на течения и якорные стоянки, а также степень «везения» данного острова – хорошее, плохое или нейтральное. Но, на мой взгляд, закорючки только все путали. Четыре карты, которые мне удалось раздобыть, были составлены разными людьми и в разном масштабе. Я разложил их на столе, примерно сопоставив друг с другом, но все равно получил весьма смутное представление о том, какое расстояние нам придется преодолеть. Я проследил наш маршрут по всем картам, а пятна на старом столе изображали неизвестные опасности, которые приготовило нам море.

Из Баккипа мы поплывем на Скирен. Это не самый большой из Внешних островов, но считается, что на нем находятся лучший порт и плодородные земли, а следовательно, там живет больше всего людей. Пиоттр, дядя нарчески, говорил про Зилиг с пренебрежением. Он объяснил Чейду и Кетриккен, что Зилиг, очень оживленный порт Внешних островов, стал прибежищем людей самого разного сорта. Иноземцы приплывают сюда, чтобы заключать торговые сделки или просто поглазеть на острова, и, по мнению Пиоттра, слишком многие из них остаются, прививая местным жителям варварские обычаи. Кроме того, в Зилиг заходят за припасами промысловые суда – они добывают морских животных, источник шкур и масел. Так вот, неотесанные матросы с этих судов развратили многих юношей и девушек, живущих на островах. По его словам, получалось, что Зилиг – это опасное и мерзкое место, а те, кто живет там, – отбросы рода человеческого.

Там мы бросим якорь. Материнский дом Аркона Бладблейда находится на противоположном берегу Скирена, но на Зилиге у него имеется «дом-крепость», где члены семьи останавливаются, когда бывают на острове. Там мы встретимся с представителями Хетгарда, свободного союза вождей Внешних островов, чтобы обсудить наши планы. Мы с Чейдом очень опасались этой встречи. Чейд предполагал, мы столкнемся с противодействием вождей – по части самого бракосочетания, а также испытания, которое назначила принцу нарческа. Многие жители Внешних островов считали Айсфира их стражем, и то, что мы собираемся отрубить ему голову, может быть встречено, мягко говоря, не слишком благосклонно.

После совета на Зилиге мы пересядем с нашего корабля на корабль Внешних островов, более подходящий для мелких вод, с капитаном и командой, знающими их как свои пять пальцев. Они доставят нас в Уислингтон-на-Мейле, поселение на родном острове клана нарвала, к которому принадлежат Эллиана и Пиоттр. Дьютифула представят ее родным и введут в материнский дом. Далее состоится празднование помолвки, а также принц получит инструкции на предмет того, как лучше исполнить волю нарчески. После посещения родной деревни клана мы вернемся в Зилиг, взойдем на борт корабля и отправимся на Аслевджал к дракону, который находится под толщей льда.

Неожиданно я разозлился и резким движением отодвинул карты в сторону. Потом я опустил голову на сложенные руки и стал смотреть в темноту, пойманную в капкан между моими запястьями. Внутри у меня все сжималось от ужаса. Меня пугало не столько предстоящее путешествие, сколько неведомые беды, с которыми нам наверняка придется столкнуться еще прежде, чем мы ступим на борт корабля.

Круг магов Силы не слишком продвинулся в своих занятиях. Я подозревал, что, несмотря на мое предупреждение, Дьютифул и лорд Сивил продолжают использовать Дар и что принца могут поймать. В последнее время он стал открыто приближать к себе людей Древней Крови. Даже если королева и объявила, что в Одаренности нет ничего позорного, простые люди да и многие из ее придворных продолжали с презрением относиться к тем, кто практиковал Звери-

ную магию. Принц рисковал собственным благополучием и, возможно, помолвкой. Я не имел ни малейшего понятия о том, как на Внешних островах относятся к Дару.

Беспокойные мысли без устали, ни на минуту не давая расслабиться, металась в моем мозгу. Нед продолжает волочиться за Сваньей, и мне очень не хотелось оставлять его без присмотра. Пару раз, когда мои сны касались снов Неттл, она казалась мне скрытной и одновременно взволнованной. Свифт с каждым днем становился все более упрямым. Я знал, что с радостью избавлюсь от ответственности за него, но тем не менее буду волноваться, что с ним станет в мое отсутствие. Я еще не сообщил Чейду о том, что Уэб знает мое настоящее имя. Отчаянное желание поговорить с кем-нибудь откровенно, заставляло меня еще острее чувствовать свое одиночество. Мне не хватало Ночного Волка так же сильно, как и прежде.

Я больно стукнулся лбом о стол и мгновенно проснулся. Сон, бежавший, когда я лежал в кровати, настиг меня за столом. Тяжело вздохнув, я выпрямился, расправил плечи и решил, что пора смириться с тем, что для меня начался новый день. У меня было полно дел и очень мало времени. А выспаться я смогу на корабле, да и поволноваться о предстоящих испытаниях тоже. Меньше всего на свете я любил долгие путешествия по морю.

Я встал и потянулся. Скоро рассвет, значит пора одеться и отправляться в Сад Королевы на утреннее занятие со Свифтом. Пока я дремал, вода в котелке почти вся выкипела. Я смешал ее с холодной в тазу, привел себя в порядок и оделся. Простая кожаная куртка, рубашка и синие штаны. Я натянул мягкие сапоги и завязал короткие волосы в воинский хвост.

После занятия со Свифтом я должен был встретиться с кругом Силы, что меня совсем не радовало. С каждым днем мы понемногу продвигались вперед, но для Чейда этого было недостаточно. Он рассматривал свои неудачи как полный провал. Его разочарование создавало напряжение, постоянно сопровождавшее наши встречи. Вчера я заметил, что Олух боится встречаться со стариком глазами, а сквозь вежливое выражение на лице Дьютифула частенько проглядывает отчаяние. Я поговорил с Чейдом, постаравшись убедить его в том, что он должен быть более милосердным к самому себе и терпимым к слабостям остальных членов круга. Он принял мою просьбу за выговор и еще сильнее погрузился в мрачное самобичевание. Разумеется, напряжение от этого меньше не стало.

– Фитц, – позвал меня кто-то очень тихо, и я резко повернулся на голос.

Около двери, которую маскировал шкаф с винными бутылками, стоял Шут. Так бесшумно, как он, не умел двигаться никто из моих знакомых. Даже мой Дар не позволял мне уловить его приближение. Любое другое живое существо я чувствовал отчетливо, лишь Шут умел застать меня врасплох. Он это знал и, думаю, наслаждался этой своей способностью. С извиняющейся улыбкой он вошел в комнату. Светлые волосы он собрал на затылке, на лице не было ни единого мазка краски, которой лорд Голден любил себя разрисовывать, отчего оно показалось мне еще более смуглым, чем когда-либо. Шут заявился ко мне в роскошном халате лорда Голдена, выглядевшем неуместно, поскольку Шут отбросил нарочитую манерность избалованного аристократа.

Раньше он никогда не приходил сюда без приглашения.

– Что ты здесь делаешь? – выпалил я и, тут же спохватившись, добавил: – Но все равно я рад тебя видеть.

– Я не знал, обрадуешься ли ты, если я приду, но, когда я увидел тебя под моим окном, подумал, что ты хочешь встретиться. На следующий день я отправил Чейду зашифрованную записку для тебя, однако ответа не получил. Вот я и решил облегчить тебе жизнь.

– Да. Входи, пожалуйста. – Меня выбило из колеи и его неожиданное появление, и новость о том, что Чейд не передал мне записку. – К сожалению, мне скоро придется уйти – я должен встретиться со Свифтом в Саду Королевы. Но несколько минут есть. Э-э... заварить чаю?

– Пожалуйста. Если есть время. Я не хочу мешать. У нас у всех полно сейчас дел. – Неожиданно он замолчал и посмотрел на меня, а улыбка медленно сползла с его лица. – Ты только послушай, что мы говорим, как мы себя ведем. Такие вежливые, такие предусмотрительные, стараемся не обидеть друг друга. – Он вздохнул и сказал с прямоотой, нехарактерной для него. – После того как я отправил записку и не получил ответа, твое молчание начало меня беспокоить. В последнее время между нами случались разногласия, но мне казалось, что мы помирились. Но тут у меня появились сомнения. Сегодня утром я решил, что должен знать правду. И вот я здесь. Ты хотел меня видеть, Фитц? Почему ты не ответил на мою записку?

Неожиданный тон еще больше вывел меня из равновесия.

– Я не получал твоей записки. Возможно, Чейд чего-то не понял или просто забыл про нее. Он весь в хлопотах.

– А вчера вечером, когда ты стоял под моим окном?

Шут подошел к очагу, налил свежей воды в чайник и снова повесил его над огнем. Когда он опустился на колени, чтобы помешать кочергой угли, я обрадовался, что мне не нужно встречаться с ним глазами.

– Я просто гулял по городу и ломал голову над своими неурядицами. В мои планы не входило с тобой встречаться. Просто ноги сами принесли меня туда.

Мое объяснение прозвучало глупо, но он кивнул. Мы оба чувствовали себя неловко, и это ощущение стояло между нами, точно стена. Я сделал все, что мог, чтобы помириться с Шутом, но память о ссоре была еще свежа. Может быть, он решит, что я отвожу глаза, чтобы скрыть гнев? Или догадается, что меня мучает чувство вины?

– Над своими неурядицами? – выпрямившись, спросил он и принялся отряхивать руки.

Я обрадовался, что он об этом заговорил, и тут же решил рассказать о встрече с Недом – это была самая безопасная тема.

Я поделился с Шутом своими заботами, рассказал о том, что ужасно волнуюсь за Неда, и мы оба постепенно оттаяли. Я нашел травы, бросил их в кипящую воду и поджарил хлеб, оставшийся после вчерашнего ужина. Слушая меня, Шут сдвинул карты на другой конец стола. К тому времени, когда моя история подошла к концу, я уже поставил на стол чашки и Шут стал разливать по ним горячий чай.

Пока я готовил завтрак, мне вдруг вспомнились прежние времена, когда нам было так легко друг с другом. И мне стало еще тяжелее, ведь я знал, что предал Шута. Я хотел, чтобы он держался подальше от Аслевджала, поскольку он верил, что умрет там; Чейд не желал, чтобы Шут вмешивался в испытание, которое предстоит принцу. Однако от этого ничего не менялось. Когда наступит день отплытия, Шут останется в Баккипе. Благодаря мне.

Я погрузился в свои мысли, и мы молча усадились за стол. Шут поднял свою чашку, сделал глоток и сказал:

– Ты ни в чем не виноват, Фитц. Он принял решение, и никакие твои слова или поступки не могут ничего изменить. – На одно короткое мгновение мне показалось, что он отвечает на мои мысли, и у меня упало сердце, ведь он так хорошо меня знал. Но потом он добавил: – Иногда отец может только стоять и смотреть, как все рушится, а когда все закончится, собрать осколки.

Я понял, что снова могу говорить, и ответил:

– Боюсь, Шут, я не увижу, как все рушится, и меня не будет, когда придет время собирать осколки. А что, если Нед угодит в по-настоящему серьезные неприятности и некому будет ему помочь?

Он держал чашку в обеих руках и смотрел на меня.

– Неужели здесь никого не останется, чтобы попросить присмотреть за Недом?

Я с трудом сдержался, чтобы не спросить: «А как насчет тебя?» – но лишь покачал головой.

– Из близких знакомых – никого. Конечно, здесь будет Кетриккен, но не может же королева присматривать за сыном простого стражника. Даже если бы у нас с Джинной сохранились добрые отношения, я не слишком ей доверяю. – Я с отвращением добавил: – Иногда грустно осознавать, как мало на свете тех, кому я на самом деле и безоговорочно верю. Или даже просто хорошо знаю – в роли Тома Баджерлока, разумеется.

Задумавшись над своими последними словами, я замолчал. Я носил маску Тома Баджерлока не снимая, однако так и не привык к ней. Мне было неловко обманывать хороших людей вроде Лорел или Вима. Мое притворство становилось преградой для настоящей дружбы.

– Как у тебя это получается? – неожиданно спросил я Шута. – Ты постоянно, в зависимости от того места, где оказываешься, меняешь свою личность. Разве тебе не жалко, что никто не знает тебя таким, каким ты родился?

Шут медленно покачал головой.

– Я уже давно не тот, кем родился. Да и ты тоже. Я вообще не встречал таких людей. По правде говоря, Фитц, мы знаем лишь некоторые стороны друг друга. Возможно, нам кажется, будто мы узнали человека хорошо, когда нам открываются отдельные черты его личности. Отец, сын, брат, друг, любовник, муж... человек может быть всем этим, но никто на свете не будет утверждать, что он знаком со всеми его воплощениями одновременно.

Я смотрю на тебя в роли отца Неда, однако не знаю тебя, как знал своего отца, а его не знаю, как знал его брат. Когда яставляю себя в новом свете, я не притворяюсь. Просто я показываю миру свою другую сторону – ту, которую он еще не видел. Конечно, в глубине моего сердца навсегда останется место, где я буду Шутом и другом твоих детских игр. Но кроме того, во мне живет и лорд Голден, который обожает хорошие вина, вкусную еду, элегантные костюмы и остроумные речи. Так что, когда я становлюсь им, я никого не обманываю, я всего лишьставляю напоказ другую часть самого себя.

– А как же Янтарь? – тихо спросил я и тут же удивился, что осмелился задать этот вопрос.

Шут спокойно посмотрел мне в глаза.

– Она – одна из сторон моей личности. Не более и не менее того.

Я пожалел, что заговорил об этом, и постарался вернуть разговор к прежней теме.

– Ну, твои рассуждения моей беде не помогут. Даже не знаю, где мне искать надежного человека, который присмотрит за Недом.

Он кивнул, и между нами снова повисло напряженное молчание. Неловкость, которую мы испытывали рядом друг с другом, причиняла мне боль, но я не знал, как изменить сложившееся положение. Шут был моим старым другом, еще со времен детства. А я для него – нет. Его рассуждения о разных «сторонах» личности заставили меня пересмотреть свое представление о нем. Я вдруг почувствовал, что оказался в ловушке: я отчаянно желал остаться и чтобы наша дружба снова вернулась и была такой, как прежде, но одновременно мне хотелось бежать. Он это почувствовал и постарался мне помочь.

– Ну, я сожалею, что пришел не вовремя. Я знаю, у тебя назначена встреча со Свифтом. Может быть, у нас еще будет возможность поговорить перед отплытием.

– Он может подождать, – неожиданно для самого себя сказал я. – Ему не повредит.

– Спасибо, – проговорил Шут.

И снова мы замолчали. Он спас положение, взяв в руки одну из свернувшихся в трубочку карт.

– Это Аслевджал? – спросил он, разложив карту на столе.

– Нет. Скирен. А первый порт, в который мы зайдем, называется Зилиг.

– А тут что такое? – Шут показал на один из берегов острова, где красовалась какая-то надпись с завитками.

– Думаю, просто виньетка. А может быть, надпись означает водоворот, новое течение или мель, заросшую водорослями. Я не знаю. Мне кажется, островитяне видят мир не так, как мы.

– Естественно. А у тебя есть карта Аслевджала?

– Вон та, маленькая, с коричневым пятном на краю.

Он развернул ее, положил рядом с первой и принялся переводить взгляд с одной на другую.

– Да, я понял, что ты имел в виду, – пробормотал он и провел пальцем по кружевному краю береговой линии. – Как ты думаешь, что это такое?

– Тающий ледник. По крайней мере, так считает Чейд.

– Интересно, почему он не передал тебе мою записку.

Я принял невинный вид.

– Может быть, и правда забыл. Спрошу у него сегодня.

– Кстати, мне тоже нужно с ним поговорить. Наедине. Могу я сегодня побывать на вашем уроке Силы?

Мне стало ужасно не по себе, но я не смог придумать, как ему отказать.

– Занятие будет днем, после моего урока со Свифтом и упражнений на оружейном дворе.

Он спокойно кивнул.

– Отлично. Мне нужно кое-что прибрать в своих комнатах внизу. – Словно предлагая мне спросить почему, он добавил: – Я практически из них выехал. То, что там останется, никому не помешает.

– Значит, ты намерен насовсем перебраться в «Серебряный ключ»?

На мгновение у него на лице появилось непонимающее выражение – я его удивил. Затем он покачал головой и мягко улыбнулся.

– Ты не веришь ничему из того, что я тебе говорю, Фитц? Что ж, может быть, твое неверие защитило нас обоих во время бурь, которые нам довелось пережить. Нет, друг мой. Мои комнаты в Оленьем замке останутся пустыми, когда я их покину. А большая часть чудесных вещей и мебели в «Серебряном ключе» принадлежат другим людям – залог за мои долги. По которым я, разумеется, не собираюсь платить. Когда я покину Баккип, кредиторы слетятся как вороны и опустошат мои комнаты. Вот таким будет конец лорда Голдена. Я не вернусь в Баккип. Я вообще никуда не вернусь.

Его голос даже не дрогнул. Он говорил совершенно спокойно, глядя мне в глаза. Однако от его слов у меня возникло ощущение, будто меня лягнули в живот. Он держался как человек, который знает, что умрет, и потому пытается привести свою жизнь и то, что останется после него, в порядок. На меня вдруг накатили совершенно новые чувства. Мне было не по себе рядом с ним из-за нашей недавней ссоры, да еще я не забыл, что обманул его. Я не боялся, что он умрет, поскольку знал, что предотвратил его смерть. Но его беспокоило совсем другое.

Он говорил со мной, как человек, знающий, что ему суждено умереть, станет говорить со старым другом, которому до его смерти нет никакого дела. Каким же жестоким, наверное, я ему казался, когда старался избегать его в эти последние дни. Возможно, он подумал, что я сознательно решил разорвать нашу связь еще до его смерти, чтобы потом не пришлось терпеть боль потери. Неожиданно я произнес единственные честные слова за весь наш разговор:

– Не будь дураком! Я не позволю тебе умереть, Шут! – Неожиданно у меня прервался голос, я схватил чашку с остывшим чаем и сделал несколько больших глотков.

Он на мгновение задохнулся, но тут же рассмеялся, и его смех напомнил мне звон бьющегося стекла. В глазах у него стояли слезы.

– Ты искренне в это веришь, не так ли? О Любимый... Из всего, с чем я должен попроситься, расставание с тобой причиняет мне самую мучительную боль. Прости меня за то, что избегал тебя. Но наверное, будет лучше, если мы постараемся отдалиться друг от друга, прежде чем в наши жизни вмешается судьба.

Я со стуком поставил чашку, и остатки чая выплеснулись на стол.

– Прекрати так говорить! Эда и Эль! Так вот почему ты швырял на ветер деньги, растрачивая свое состояние, и жил будто какой-то джамелийский дегенерат! Прошу тебя, скажи, что ты спустил не все, что еще осталось... на то время, когда ты вернешься.

Я замолчал, опасаясь выдать себя.

На его лице появилась странная улыбка.

– Ничего не осталось, Фитц. Я все истратил или позаботился о том, чтобы деньги получили другие. Избавиться от такого громадного состояния было трудно, но какое неслыханное удовольствие я получил – гораздо большее, чем когда владел им. Я оставил распоряжение, что Малта переходит Барричу. Можешь представить его лицо, когда ему вручат поводья? Я знаю, он будет ее любить и заботиться о ней. Что же касается Пейшенс, жаль, что ты не видел. Я отправил ей целую гору книг и манускриптов на самые разные темы. Она никогда не догадается, откуда они взялись. А еще я позаботился о Гарете, садовнице. Я купил ей домик и кусок земли, а также оставил немного денег, чтобы она не бедствовала. Это обязательно вызовет разговоры: всем станет интересно, с какой стати лорд Голден столь щедро обошелся с простой садовницей. Ну и пусть болтают. Она все поймет, и ей будет наплевать. Джофрон, моей подруге из Джампи, я отправил набор отличного дерева и все свои инструменты для резьбы. Она оценит их и будет с любовью обо мне вспоминать, несмотря на то что я покинул ее весьма неожиданно. Она ведь стала довольно известным мастером-кукольником. Ты знал?

Рассказывая о своих распоряжениях, Шут улыбался, и тень смерти почти покинула его глаза.

– Прошу тебя, прекрати, – взмолился я. – Клянусь, я не допущу, чтобы ты умер.

– Не давай обещаний, которые могут разбить нам обоим сердце, Фитц. Кроме того, – он вздохнул, – даже если тебе удастся разрушить то, что предначертано судьбой, лорд Голден все равно должен исчезнуть. Он изжил себя и свою полезность. Как только я отсюда уеду, он перестанет существовать.

Шут продолжал рассказывать мне, как он поступил со своим состоянием и о том, что его имя скоро все забудут, а мне стало совсем тошно. Он тщательно все продумал и не упустил ни одной детали. Когда мы оставим его на пристани, он окажется в очень тяжелом положении. Я не сомневался, что Кетриккен о нем позаботится, и не важно, что он спустил на ветер свое состояние. Надо будет поговорить с ней наедине перед нашим отплытием, чтобы она в случае необходимости была готова прийти к нему на помощь. Затем я заставил себя вернуться к нашему разговору, потому что заметил странный взгляд, которым наградил меня Шут.

Я откашлялся и попытался произнести какие-нибудь осмысленные слова.

– Мне кажется, ты зря оставил всякую надежду. Если у тебя еще хоть что-нибудь осталось, постарайся зря это не тратить. А вдруг я все-таки окажусь прав и мне удастся тебя спасти. А теперь мне пора – Свифт, наверное, уже ждет меня.

Шут кивнул и встал вместе со мной.

– Ты придешь в мою старую комнату, когда нужно будет идти на урок Силы и встретиться с Чейдом?

– Наверное, – проговорил я, изо всех сил стараясь, чтобы он не понял, как сильно я этого не хочу.

Мимолетная улыбка скользнула по его губам.

– Удачи тебе с сыном Баррича, – пожелал он и ушел.

Чашки и карты по-прежнему лежали на столе, но я чувствовал себя таким измученным, что мне не хотелось их убирать. Да и торопиться на урок со Свифтом тоже не хотелось. Однако я взял себя в руки и поднялся на башню. Оказалось, что ученик уже ждет меня. Он стоял в квадрате солнечного света, прислонившись спиной к холодной каменной стене и лениво наигрывая на маленьком свистке. У его ног несколько голубей что-то клевали с земли, и у меня упало сердце. Но, завидев меня, они тут же поднялись в воздух, и зерно, которое их привлекло,

разметалось по ветру. Свифт заметил облегчение, появившееся у меня на лице, опустил свисток и посмотрел на меня.

– Вы подумали, что я использовал Дар, чтобы привлечь их, и испугались, – заявил он.

Я помолчал несколько мгновений, прежде чем ответить.

– Да, на миг я испугался, – не стал спорить я. – Но вовсе не потому, что подумал, будто ты использовал Дар. Просто я решил, что ты захотел установить связь с одной из птиц.

Свифт покачал головой.

– Нет, только не с птицей. Я коснулся их сознания, но мои мысли отскакивают от них, точно камни от гладкой поверхности. – Затем он снисходительно улыбнулся и добавил: – Впрочем, вам этого не понять.

Я заставил себя промолчать. А потом спросил:

– Ты прочитал манускрипт про короля Слэйера и присоединение Бернса?

Он кивнул, и мы приступили к нашему уроку, но его настроение мне по-прежнему не нравилось. Когда мы отправились на тренировочный двор, я настоял на том, чтобы Свифт продемонстрировал мне свое умение владеть топором, прежде чем заняться луком. Топоры оказались тяжелее, чем я помнил, и, несмотря на то что они надежно завернуты в толстый слой кожи, синяки после такой тренировки остаются ужасающие. Когда Свифт так устал, что уже не мог больше держать в руках оружие, я позволил ему пойти к Крессвеллу на урок стрельбы из лука. А я наказал себя за то, что разозлился на мальчишку, отыскав для себя партнера, умело владеющего топором. Убедившись окончательно и бесповоротно в том, что мне необходимо хорошенько потренироваться, чтобы восстановить свои умения, я пошел в бани.

Оставив там всю свою грязь и раздражение, я быстро перекусил супом с хлебом в комнате стражи. Разговоры там вертелись вокруг предстоящей экспедиции, женщин и выпивки Внешних островов. Все дружно сошлись на том, что и то и другое стоит попробовать. Я пытался смеяться шуткам, но простодушие молодых стражников заставило меня почувствовать себя стариком, так что в конце концов я заявил, что у меня еще куча дел, и поспешил в свою мастерскую.

Оттуда я прошел по тайному проходу в комнату, которую занимал, когда был слугой у лорда Голдена. Прежде чем открыть надежно спрятанную дверь, я внимательно прислушался. Изнутри не доносилось ни звука, и я обрадовался, что Шута в комнате нет. Однако едва я приотворил за собой дверь, он появился на пороге моей бывшей каморки. Шут снова сумел меня удивить. На сей раз он надел простую черную тунику, обтягивающие штаны и низкие черные сапожки. Свет, падавший из окна, позолотил его волосы и очертил силуэт в дверном проеме. Я увидел старую койку, на которой спал, и вещи, оставленные мной, когда я покинул его службу. Чудесный меч, подаренный мне лордом Голденом, лежал поверх кучи яркой и ужасно экстравагантной одежды, которую он для меня заказывал у своего портного. Я удивленно на него посмотрел, и он сказал очень тихо:

– Это твои вещи, и ты должен их забрать.

– Сомневаюсь, что у меня когда-нибудь снова возникнет необходимость так одеваться, – заметил я, и собственный тон показался мне жестким и не слишком дружелюбным.

– Кто знает, – отвернувшись, едва слышно произнес он. – А вдруг наступит день, когда лорд Фитц Чивэл снова появится в Оленьем замке? Тогда эти цвета и фасоны подойдут ему как нельзя кстати.

– Сомневаюсь, что такое возможно. – И эти слова тоже показались мне слишком холодными, вот почему я поспешно добавил: – Но все равно спасибо тебе. Я их заберу – на всякий случай.

Мне снова стало неловко, словно меня окутало душное, толстое одеяло, мешающее дышать.

– И меч, – напомнил мне он. – Не забудь меч. Я знаю, он немного слишком броский на твой вкус, но...

– Но это едва ли не лучшее оружие из всех, что мне доводилось держать в руках. Я буду его беречь. – Я постарался смягчить свой первоначальный отказ, поскольку вдруг понял, что, оставив меч при переезде на новое место, я обидел Шута.

– Да, и еще... Она должна к тебе вернуться.

Он расстегнул резную деревянную сережку, которую постоянно носил лорд Голден. Я знал, что спрятано внутри: серьга свободы. Она перешла от бабки Баррича к самому Барричу, затем к моему отцу, а потом ко мне.

– Нет! – Я схватил его за руку. – Прекрати эти поминки по себе! Я же сказал, что не позволю тебе умереть.

Шут замер.

– Поминки по себе... – прошептал он и вдруг рассмеялся, а я почувствовал запах абрикосового бренди.

– Возьми себя в руки, Шут. Это так на тебя не похоже, что я не знаю, как с тобой разговаривать, – сердито вскричал я, чувствуя раздражение, которое неловкость рождает в человеке. – Неужели мы не можем просто расслабиться и побыть теми, кто мы есть на самом деле? Ведь нам осталось так мало времени.

– Нам осталось мало времени, – повторил он и без видимого усилия высвободил руку.

Я прошел вслед за ним в его большую, светлую комнату. Без его вещей она казалась еще просторнее. Шут налил себе бренди из графина, а потом взял стакан поменьше и наполнил его для меня.

– До отплытия осталось совсем мало времени, – уточнил я и взял свой стакан.

Оглядевшись по сторонам, я заметил, что мебель осталась на местах, зато все прочее исчезло или собиралось покинуть эту комнату. Свернутые ковры и гобелены, точно толстые сосиски, маячили вдоль стен. Дверь в пустой кабинет была открыта, Шут унес оттуда все свои тайны. Держа стакан в руке, я вошел внутрь, и мой голос диковинным эхом отразился от голых стен.

– Ты уничтожил все следы своего пребывания здесь.

Он вошел вслед за мной, и мы встали рядом около окна.

– Я люблю порядок. Человеку приходится оставлять столько незавершенных дел, когда он уходит. И я с удовольствием стираю свои следы.

– Раньше я не замечал, чтобы ты наслаждался подобными вещами. Мне даже кажется, что ты получаешь удовольствие от происходящего. – Я изо всех сил старался, чтобы Шут не услышал отращения в моем голосе.

Странная улыбка скользнула по его губам, а потом он глубоко вздохнул, словно освободился от какого-то груза.

– Ах, Фитц, из всех людей только ты мог сказать мне нечто подобное. Возможно, ты прав. Когда твой конец неизбежен, это всегда трагично. До сих пор мне не доводилось переживать ничего похожего... однако я уверен, что на моем месте ты держался бы иначе. Как-то раз ты попытался объяснить мне, что твой волк всегда жил настоящим и учил тебя радоваться тому, что у тебя есть сейчас. Ты хорошо усвоил урок. Я же всегда жил, стараясь определить будущее до того, как оно наступит, но совершенно неожиданно для себя увидел черту, за которой все черно. Мрак. Вот что мне снится по ночам. А когда я сажусь и пробую потянуться вперед, чтобы увидеть, куда ведет моя дорога, я вижу только черный мрак.

Я не знал, что сказать на его слова. Я видел, что он старается избавиться от своего отчаяния, – так собака пытается стряхнуть волка, вцепившегося ей в глотку. Отпив бренди, я почувствовал, как меня наполняет аромат абрикосов и восхитительное тепло летнего дня, и вспом-

нил время, которое мы провели в моей хижине, бренди напомнило мне о радостях тех дней, когда все было так просто.

– Хорошо... – не подумав, сказал я, и Шут удивленно на меня посмотрел.

Затем он быстро сморгнул слезы, и его улыбка была искренней.

– Да, – тихо проговорил он. – Ты прав. Бренди очень хорошее, и то, что нас ждет впереди, не может этого изменить. Будущее не в силах отнять у нас прошлое... если только мы ему не позволим.

Где-то в самой глубине души он миновал какой-то важный перекресток и немного успокоился. Глядя на холмы за Баккипом, я сделал еще глоток. Когда я снова повернулся к Шуту, я увидел, что он смотрит на меня с любовью, выносить которую у меня не было сил. Ведь если бы он знал, как я его обманул, он бы вел себя иначе. Однако ужас перед предначертанным ему на Аслевджале убедил меня в том, что я принял правильное решение.

– Мне очень жаль, но Чейд и остальные уже, наверное, ждут.

Шут серьезно кивнул, поднял свой стакан, словно хотел произнести тост, и залпом осушил его. Я последовал его примеру и замер на мгновение, наслаждаясь теплом, которое согрело меня изнутри. Потом, глубоко вздохнув, я в последний раз насладился запахом и вкусом абрикосов.

– Очень хорошее бренди, – повторил я.

– Ты получишь все оставшиеся бутылки, – криво ухмыльнувшись, заявил Шут и расхохотался, увидев мой сердитый взгляд.

Однако его шаги показались мне легкими и уверенными, когда он шел за мной по коридорам и лестницам потайного лабиринта, спрятанного внутри стен Оленьего замка. Окутанный сумраком проходов, я задавал себе вопрос: что бы я чувствовал, если бы знал день и час своей смерти? В отличие от лорда Голдена, вещей, от которых необходимо избавиться, у меня немного. И я принялся мысленно перечислять свои сокровища, решив, что никому, кроме себя, ничего не должен. Нет, тут же сказал я себе, неправда. И с эгоистичным сожалением дал себе слово это исправить. Впрочем, мы уже подошли к скрытому входу в башню. Я отодвинул панель, и мы появились из-за камина.

Все уже собрались, так что я не мог поговорить с Чейдом наедине. Когда мы шагнули в комнату, принц радостно вскрикнул и бросился навстречу лорду Голдену. Олух мрачно нахмурился, его явно охватили подозрения. Чейд наградил меня осуждающим взглядом, но тут же соорудил дружелюбную мину и поздоровался с Шутом. Впрочем, в комнате сразу повисло напряжение. Олух, выведенный из равновесия присутствием незнакомого человека, бесцельно бродил по комнате, вместо того чтобы сесть за стол. Мне казалось, что я вижу, как принц, вспомнив рассказ королевы, пытается представить лорда Голдена, даже в этом простом костюме, в роли шута короля Шрюда. Наконец Чейд поинтересовался – на мой взгляд, излишне прямо:

– Итак, друг мой, что привело вас сюда? Разумеется, мы рады вас видеть, но нам нужно очень многому научиться, а времени осталось в обрез.

– Я все понимаю, – ответил Шут. – Но у меня тоже мало времени, чтобы поделиться тем, что я знаю. Поэтому я пришел в надежде поговорить с вами наедине после урока.

– А я очень рад, что вы пришли, – безыскусно вмешался принц. – Лично я считаю, что вас нужно было с самого начала включить в наш круг. Ведь именно вы помогли нам объединить наши усилия, чтобы спасти Тома. Вы имеете не меньше прав находиться здесь, чем любой из нас.

Шута явно тронули слова Дьютифула. Он посмотрел на свои руки в черных перчатках, рассеянно соединил кончики пальцев и сказал:

– Я не обладаю собственной Силой. Я использовал только то, что осталось от прикосновения Верити. И то, что я знаю про... Тома.

При упоминании имени отца принц вскинул голову, словно гончая, учуявшая запах лисицы. Он потянулся к Шуту, как будто мог впитать от него все, что тот знал про короля Верити.

– И тем не менее, – заверил он лорда Голдена, – я рад, что вы отправитесь с нами на Внешние острова. Я полагаю, вы станете ценным членом нашего круга, несмотря на невысокий уровень владения Силой. Может быть, вы присоединитесь к нам сейчас, посмотрим, на что вы способны?

Я видел, что Чейда раздирают противоречивые чувства. Шут мог дать нашему кругу дополнительные возможности, о которых он мечтал; но старый убийца боялся, что Шут помешает принцу отрубить голову дракону. Мне показалось, что я вижу зависть в глазах своего бывшего наставника, когда он переводил взгляд с Шута на меня. Мы с Шутом всегда были близки, и Чейд знал, что я отношусь к нему как к другу. Однако сейчас больше, чем обычно, ему хотелось главенствовать надо мной.

Победила жажда Силы, и он поддержал Дьютифула:

– Прошу вас, лорд Голден, присоединяйтесь к нам. В худшем случае вы развлечетесь.

– Хорошо, – ответил Шут, и я услышал удовлетворение в его голосе.

Он выдвинул кресло и с готовностью уселся за стол. Мне стало интересно, видят ли остальные более темные течения, которые прячутся за его внешне безмятежной учтивостью. Мы с Чейдом заняли места по обе стороны от Шута, а Дьютифул уговорил Олуха присоединиться к нам. Когда он устроился, наша четверка одновременно сделала глубокий вдох, и мы попытались погрузиться в то состояние открытости, что помогало нам связываться друг с другом при помощи Силы. Неожиданно на меня снизошло озарение – пугающее и подтвердившее мои опасения. Шут здесь чужой. За то короткое время, что мы пытались стать кругом, нам удалось добиться единения. Я не понимал этого до тех пор, пока не появился Шут. Когда я соединил свое сознание с Дьютифулом и Олухом, я почувствовал, что Чейд бьется, точно бабочка, на самой границе нашего круга. Олух потянулся к нему и уверенно помог установить более тесный контакт с нами. Чейд был одним из нас, а Шут – нет.

Я скорее ощущал его отсутствие, чем присутствие. Много лет назад я заметил, что он закрыт для моего Дара. Сейчас я сознательно потянулся к нему Силой, но это было все равно что пытаться смахнуть солнечные блики с поверхности неподвижного пруда.

– Лорд Голден, вы избегаете контакта с нами? – едва слышно спросил Чейд.

– Я здесь, – ответил он, и его слова, казалось, прошелестели по комнате, словно я не только услышал, но и почувствовал их.

– Дайте мне вашу руку, – предложил Чейд и положил свою на стол ладонью вверх, рядом с рукой моего друга. Его слова прозвучали как вызов.

Я почувствовал едва различимую вспышку страха. Она возникла между мной и Шутом, и я понял, что наша связь по-прежнему существует. Затем Шут поднял руку в перчатке и положил ее на ладонь Чейда.

И тут я его почувствовал, хотя мне было бы трудно описать свои ощущения. Если наша объединенная Сила представляла собой тихий пруд, Шут походил на листок, плавающий на его поверхности.

– Соединитесь с ним, – предложил Чейд, и мы все потянулись к нему.

Смятение Шута стало сильнее, но, думаю, никто, кроме меня, его не почувствовал. Казалось, они могут к нему прикоснуться, но он, точно вода, расступался перед ними и превращался в единое целое у них за спиной. Он был неуловим, как круги, возникающие на поверхности озера. Его страх становился все сильнее, и я осторожно потянулся к нему, стараясь понять, что его испугало.

Обладание. Он не хотел, чтобы чужое прикосновение позволило другому человеку им обладать. Слишком поздно я вспомнил, что сделали с ним Регал и его круг. Они нашли Шута

благодаря нашей с ним связи, забрали часть его сознания и использовали против меня, чтобы шпионить за мной и узнать, где находится Молли. Он по-прежнему стыдился этого предательства, и оно причиняло ему невыносимую боль. Шут продолжал нести груз вины за события, случившиеся столько лет назад. Мне стало не по себе, поскольку скоро он должен был узнать о том, что я тоже его предал.

Ты ни в чем не виноват, – попытался я утешить его, воспользовавшись нашей связью.

Он не желал утешения. А в следующее мгновение я услышал его мысли. Они звучали словно издалека и одновременно были четкими и ясными.

Я знал, что это произойдет. Сам предсказал, еще ребенком. Что тебя предаст самый близкий человек. Но я не мог поверить, что эта роль уготована мне. Я исполнил собственное пророчество.

Мы выжили.

Чудом.

– Вы разговариваете между собой при помощи Силы? – язвительно поинтересовался Чейд, и я одновременно услышал и почувствовал его слова.

Я сделал глубокий вдох и постарался еще сильнее погрузиться в Силу.

– Да, – ответил я. – Я могу до него дотянуться. Но с большим трудом. И то лишь потому, что раньше между нами существовала связь.

– Попробуем еще? – Голос Шута прозвучал едва слышно, но я услышал в нем вызов, хотя и не понял, что он имеет в виду.

– Да, пожалуйста. Попробуйте, – попросил я его.

Краем глаза я заметил, что Шут что-то делает, но взгляд у меня был затуманен, и я не разгадал его намерений, пока он не положил руку на мое запястье. Кончики его пальцев безошибочно нашли их собственные потускневшие серые отпечатки, оставленные на моей руке много лет назад. Прикосновение было нежным, но острой стрелой пронзило мне сердце. Я дернулся, словно рыба, попавшаяся на крючок, и замер. Шут пронесся по моим жилам, обжигающий, точно бренди, холодный, как лед. На одно ослепительное мгновение мы разделили физическое ощущение друг друга. Оно оказалось таким сильным, какого до сих пор мне испытывать не приходилось, более интимным, чем поцелуй, и глубже, чем удар ножа.

Это ощущение выходило за пределы Силы, оно не имело ничего общего ни с плотским наслаждением, ни с моей связью через Дар с Ночным Волком. Мы не делились своей сутью друг с другом, мы становились друг другом. Ни боль, ни экстаз не могли быть определением происходящего. И что самое ужасное, я почувствовал, что открываюсь навстречу новому переживанию, словно моя любимая коснулась губами моих губ и я не знаю, кто из нас будет поглощен. Еще один удар сердца – и мы станем единым целым, узнаем друг друга так, как не знают никакие иные два человека.

И ему станет известна моя тайна.

– Нет! – выкрикнул я, прежде чем он успел узнать о моем заговоре против него.

Я разорвал физическую и мысленную связь между нами. Я очень долго падал и наконец повалился на каменный пол, а потом быстро откатился под стол, чтобы сбежать от его прикосновения. Я задыхался. Мне показалось, что я надолго погрузился во мрак, но прошло лишь несколько секунд, прежде чем Чейд вытащил мое скрюченное тело наружу. Стоя рядом со мной на коленях, он прижал меня к груди. Словно издалека, до меня донеслись его слова:

– Что случилось? Тебе плохо? Что ты с ним сделал, Шут?

Я услышал, как всхлипнул Олух. По-видимому, он единственный знал, что произошло. Меня отчаянно трясло, и я ничего не видел вокруг себя. Впрочем, я почти сразу сообразил, что плотно закрыл глаза и скорчился, превратившись в тугой комок. И все равно мне было ужасно трудно убедить себя в том, что я могу расслабиться. В тот миг, когда я открыл глаза, в моем сознании возникла мысль Шута и раскрылась там, словно листок под лучами солнца.

Моя любовь не знает преград.

– Это слишком, – едва слышно пролепетал я. – Никто не может столько отдать. Никто.

– Вот бренди, – сказал Дьютифул, оказавшийся рядом со мной.

Чейд заставил меня сесть и поднес чашку к моим губам. Я проглотил бренди, точно это была вода, и закашлялся. Когда мне удалось повернуть голову, я увидел, что Шут единственный продолжает сидеть в своем кресле за столом. Он снова надел перчатки, и взгляд, которым он меня награждал, был совершенно непроницаемым. Олук скорчился в одном из углов и дрожал, обхватив себя руками. Его окутывала музыка, песня его матери, – так он пытался успокоиться.

– Что произошло? – сердито потребовал ответа Чейд.

Я продолжал опираться на него и чувствовал, как гнев волнами исходит от его тела. Я знал, что его возмущенный вопрос адресован Шуту, но я все равно на него ответил.

– Между нами возникла слишком сильная связь Силы, такая полная, что я потерял себя. Как будто мы стали одним существом.

Я назвал эту связь Силой, но не был уверен, что это правильно. Так можно назвать солнце яркой искрой. Я глубоко вздохнул.

– Я испугался и разорвал ее. Я не ожидал ничего подобного.

Эти слова были обращены ко всем остальным, но и к Шуту тоже. Я видел, что он их услышал, но понял по-своему, не то, что я хотел сказать.

– А на вас это никак не повлияло? – спросил у него Чейд.

Дьютифул помог мне подняться на ноги, и я тут же повалился в кресло. Однако не чувствовал усталости, я был весь насквозь пропитан энергией. Я мог бы легко взобраться на самую высокую башню замка, если бы сумел вспомнить, что нужно делать, чтобы согнуть ноги в коленях.

– Повлияло, – тихо проговорил Шут. – Только иначе. – Он встретился со мной глазами и сказал: – Я не испугался. Попробуем еще раз, – с невинным видом предложил Шут.

– Нет! – выкрикнули мы с Дьютифулом и Чейдом одновременно, только с разной силой.

– Нет, – повторил Шут в наступившей тишине. – Лично я достаточно узнал сегодня.

– Наверное, и мы тоже, – мрачно заявил Чейд. Затем откашлялся и добавил: – Пора расходиться. Нас ждут другие дела.

– У нас еще полно времени, – запротестовал Дьютифул.

– При обычных обстоятельствах так и было бы, – не стал спорить Чейд. – Но сейчас время летит стремительно. У тебя полно дел, ты еще не совсем готов к путешествию, Дьютифул. Повтори свою речь, в которой ты благодаришь жителей Внешних островов за прием. Помни, что «ч» у них горловой звук.

– Я читал свою речь раз сто, – застонал Дьютифул.

– Когда придет время ее произнести, она должна звучать так, словно ты обращаешься к ним от самого сердца, а не бормочешь что-то по бумажке.

Дьютифул неохотно кивнул и с тоской посмотрел в окно, где стоял ясный день и резвился легкий ветерок.

– Хорошо, тогда за дело, – сказал Чейд, и всем стало ясно, что он отпускает двоих – Дьютифула и Олуха.

На лице принца промелькнуло разочарование, он повернулся к лорду Голдену и сказал:

– Когда мы выйдем в море, у нас будет больше времени и меньше дел. Надеюсь, вы расскажете мне про моего отца. Если вы, конечно, не против. Я знаю, вы хорошо к нему относились, когда... в конце его жизни.

– Очень, – мягко проговорил Шут. – Я буду рад поделиться своими воспоминаниями с вами.

– Спасибо, – ответил Дьютифул.

Потом он подошел к Олуху, который так и не вышел из своего угла, и ласково спросил, что его так напугало, ведь никто не пострадал. К моей радости, Олух ничего внятного не ответил.

Когда они стояли около двери, я вдруг вспомнил принятое чуть раньше решение.

– Принц Дьютифул, не могли бы вы зайти в мою мастерскую сегодня вечером? У меня для вас кое-что есть.

Он удивленно приподнял бровь, но я молчал, и он сказал:

– Постараюсь найти время. Увидимся вечером.

Дьютифул ушел, Олух тащился за ним по пятам. Но возле двери он обернулся и наградил Шута странным взглядом, в котором сквозило уважение, а затем перевел глаза на меня. Мне стало интересно, сколько из того, что произошло между мной и Шутом, он успел понять. Но в следующее мгновение Олух исчез за дверью и нарочито плотно прикрыл ее за собой.

Я опасался, что Чейд начнет расспрашивать нас с Шутом, что на самом деле произошло между нами, но, прежде чем он успел раскрыть рот, Шут проговорил:

– Принц Дьютифул не должен убивать Айсфира. Это самое важное из того, что я должен сказать тебе, Чейд. Жизнь дракона необходимо сохранить любой ценой.

Чейд подошел к шкафу, где стояли бутылки со спиртным, выбрал из множества одну, молча налил себе и снова повернулся к нам.

– Поскольку он закован в лед, по-моему, уже несколько поздно беспокоиться за его жизнь. – Он сделал глоток из своего стакана. – Или ты думаешь, будто живое существо может так долго продержаться без тепла, воды и пищи?

Шут приподнял плечи и покачал головой.

– Что мы знаем про драконов? Сколько времени проспали каменные драконы, прежде чем Фитц их разбудил? Если они являются хотя бы отдаленными родственниками истинных драконов, в таком случае, возможно, искра жизни в Айсфире еще не погасла.

– А что тебе известно про Айсфира? – с подозрением спросил Чейд, вернулся к столу и уселся.

Я остался стоя наблюдать за ними.

– Не больше, чем тебе, Чейд.

– Тогда почему ты возражаешь против того, чтобы мы отрубили ему голову, ведь тебе известно, что нарческа потребовала ее, заявив, что в противном случае не выйдет за Дьютифула. Или ты думаешь, что наш мир выиграет и пойдет по новой, лучшей дороге, если наши королевства будут продолжать воевать друг с другом?

Я поморщился от его язвительного тона. Мне даже в голову не пришло бы насмехаться над Шутом, который не скрывал от нас, что главная цель его жизни – изменить мир. Меня возмутило, что Чейд позволил себе такую чудовищную несдержанность, и я понял всю глубину их противостояния.

– Я не сторонник военных действий, Чейд Фаллстар, – тихо проговорил Шут. – Однако война между людьми – это не самое худшее, что может случиться. Лучше война, чем более страшный и непоправимый вред, который мы можем причинить нашему миру. В особенности когда у нас появляется пусть и ничтожная, но возможность исправить практически неисправимое зло.

– Какое?

– Если Айсфир не умер... должен признаться, меня удивит, если это так... но, если в нем еще теплится искра жизни, мы должны отдать все свои силы на то, чтобы освободить его из-под льда и вернуть в наш мир.

– С какой стати?

– Ты ему не сказал?

Шут посмотрел на меня, и я увидел в его глазах упрек. Я постарался не встречаться с ним взглядом, а он не стал ждать моего ответа.

– Тинталья из Удачного, единственная взрослая драконица в мире. С каждым проходящим годом становится все яснее, что молодые драконы, вылупившиеся из своих коконов, перестали расти, они слабы, не могут ни охотиться, ни летать. Драконы спариваются в воздухе. Если молодняк не поднимется в воздух, они не смогут иметь потомства. И драконы вымрут. На сей раз навсегда. Если мы не отыщем взрослого дракона, который сможет взлететь и спариться с Тинталей, чтобы на свет появились новые детеныши.

Я говорил об этом Чейду. Неужели он задал свой вопрос, чтобы проверить, насколько Шут искренен?

– Иными словами, ты хочешь сказать, – осторожно проговорил Чейд, – что мы должны рискнуть заключением мира с Внешними островами ради того, чтобы возродить драконов? И что мы от этого выиграем?

– Ничего, – признал Шут. – Как раз наоборот. Возрождение драконов принесет людям множество забот. И им придется приспосабливаться к новым условиям жизни. Драконы высокомерны и злонравны. Они презирают границы и не знакомы с понятием собственности. Если голодный дракон увидит в загоне корову, он ее съест. Для них все очень просто. Бери от мира все, что он может тебе дать.

Чейд криво улыбнулся.

– В таком случае я должен последовать их примеру. У нас появилась возможность жить в мире без драконов, почему бы нам ею не воспользоваться?

Я не сводил с Шута глаз. Слова Чейда его несколько не расстроили. Он помолчал несколько мгновений, а потом сказал:

– Как пожелаешь. Потому что, когда наступит нужный момент, решение, возможно, будешь принимать не ты. Может быть, я. Или Фитц. – В глазах Чейда вспыхнул гнев, и Шут добавил: – Не только наш мир, но и человечество нуждается в драконах.

– Это еще почему? – презрительно поинтересовался Чейд.

– Чтобы сохранить равновесие, – ответил Шут и посмотрел на меня, потом в окно, и в его глазах появилось задумчивое выражение. – Человечество не боится никаких соперников. Вы забыли, каково это – делить мир с существами столь же высокомерными, как вы сами. Вы стремитесь устроить все по собственному желанию. Вы составляете карты, проводите по ним границы и заявляете свои права на земли только потому, что умеете изобразить их на бумаге. Вы считаете, что вам принадлежат растения и животные этих земель, не только сегодняшние, но и те, которым еще суждено появиться на свет. Вы не сомневаетесь, что имеете полное право поступать с ними по своему усмотрению. А потом, ослепнув от злобы и заблуждений, развязываете войны и убиваете друг друга из-за линий, проведенных вами на лице мира.

– Полагаю, драконы лучше нас, потому что они ничего подобного не делают, просто берут то, что видят. Дети природы, они наделены свободным духом и высокой нравственностью – и все потому, что они неспособны думать? – все так же ядовито поинтересовался Чейд.

Шут покачал головой и улыбнулся.

– Нет. Драконы не лучше людей. На самом деле они почти ничем не отличаются от людей. Но они – зеркало человеческого эгоизма. Они напоминают вам, что все ваши разговоры о землях и владениях очень похожи на рычание собаки, сидящей на цепи, или на боевую песню воробья. Они реальны ровно до тех пор, пока не стихнет ваш голос. Вы можете заявлять все, что пожелаете, выдвигать какие угодно претензии, мир вам не принадлежит. А вот люди *принадлежат* миру. Вы не можете владеть землей, в которую рано или поздно упрячут ваше тело, да она и не вспомнит имени, каким вы когда-то ее называли.

Чейд ответил не сразу. Я решил, что его поразили слова Шута и заставили иначе посмотреть на окружающий мир. Но уже через пару минут он презрительно фыркнул:

– Чушь! Твои слова убеждают меня в том, что от возрождения драконов никто не выиграет. – Он устало потер глаза. – Да и чего ради мы тратим время на дурацкие споры? Никто из нас не знает, что мы обнаружим, когда прибудем на место. А пока все это философские рассуждения и детские сказки. Когда придет время выбирать, я и буду думать, что делать. Вот так. Ты доволен?

– Не думаю, что мои чувства имеют для тебя какое-либо значение. – Шут бросил на меня косой взгляд.

Однако меня удивил не сам взгляд, а то, что Шут как будто указывал Чейду на меня.

– Ты совершенно прав, – спокойно проговорил Чейд. – Меня несколько не занимает, останешься ли ты доволен. Главное – это согласие Фитца. Однако я знаю, что, если ему придется принимать столь важное решение, твои слова будут иметь для него огромный вес, даже если ценой будет благополучие Видящих. – Мой бывший наставник наградил меня задумчивым взглядом, словно я вдруг превратился в старую хромую клячу и он пытается понять, выдержу ли я еще одно сражение. Улыбка, появившаяся у него на лице, была почти отчаянной. – Впрочем, надеюсь, он выслушает и мои доводы. – Чейд посмотрел мне в глаза. – Когда придет время принимать решение, *мы* его примем. А до тех пор вопрос остается открытым. Тебя такая формулировка устраивает?

– Почти, – ответил Шут и добавил холодно: – Дай мне слово Видящего, что, когда наступит решающий миг, Фитц сможет поступить так, как посчитает нужным.

– Слово Видящего! – Чейд был возмущен.

– Именно, – спокойно подтвердил Шут. – Если только твои слова не пустая болтовня, при помощи которой ты хочешь заставить Фитца плясать под свою дудку.

Шут откинулся на спинку кресла и положил руки на подлокотники. Он держался совершенно спокойно. На мгновение я узнал стройного человека в черном, с убранными назад блестящими волосами. Мальчик, которого я знал в детстве, превратился во взрослого мужчину. Затем он повернул голову к Чейду, и наваждение исчезло. На его лице застыла неколебимая твердость. Я еще ни разу не видел, чтобы кто-нибудь столь уверенно бросал вызов Чейду.

Ответ Чейда поразил меня до глубины души. Старик странно улыбнулся, посмотрел на меня, потом перевел взгляд на Шута и обратно на меня. Глядя мне в глаза, он произнес:

– Я даю мое слово Видящего. Я не стану просить Фитца поступать против собственной воли. Ну вот. Ты доволен?

Шут медленно кивнул.

– О да. Я доволен. Я вижу, что решение будет принимать он, так же ясно, как то небольшое, что мне еще осталось увидеть. – Он кивнул, словно соглашаясь с самим собой. – Нам с тобой нужно еще кое-что обсудить, но это можно сделать уже после отплытия. Ну, время бежит, а у меня еще куча дел, о которых я должен позаботиться до отъезда. Хорошего вам дня, лорд Фаллстар.

Легкая улыбка коснулась его губ, он посмотрел на меня, потом на Чейда и вдруг неожиданно широко развел руки в стороны и изящно поклонился Чейду, словно они вели светскую беседу. Выпрямившись, он повернулся ко мне и тепло проговорил:

– Хорошо, что нам удалось провести вместе немного времени, Фитц. Я по тебе скучал. – Затем он вздохнул, словно вспомнил, что ему предстоит неприятное дело. Думаю, вернулись мысли о смерти, и его улыбка погасла. – Прощу меня простить, господа, – пробормотал он и ушел через потайную дверь за очагом, грациозно, словно лорд, покидающий банкет.

Я сидел и смотрел ему вслед. Станные переживания, постигшие меня, когда мы все объединились в Силе, все еще были со мной, они навевали диковинные слова и еще более необычные жесты. Шут вступил в единоборство с Чейдом и победил. Однако я не был уверен, что понимаю, о чем они договорились.

Старый убийца заговорил так, будто подслушал мои мысли.

– Он напоминает мне о верности тебе! Как он смеет? Мне, который практически тебя вырастил! С чего он взял, что может сложиться так, что мы будем не согласны друг с другом? Особенно учитывая, что мы оба знаем, как много зависит от успешного завершения нашей миссии. Слово Видящего! Ну и дела! А ты, по его мнению, кто такой?

Он повернулся ко мне, словно ожидал, что я с ним молча соглашусь.

– Возможно, – тихо проговорил я, – он считает себя Белым Пророком, а меня своим Изменяющим. – Затем я сделал глубокий вдох и задал вопрос: – Как вы могли спорить о моей преданности так, будто я сам неспособен принять никакого решения? – Я возмущенно фыркнул. – По-вашему получается, что мозгов у меня не больше, чем у лошади или шелудивого пса.

Когда Чейд заговорил, он смотрел мимо меня в окно и, думаю, полностью отдавал себе отчет в собственных словах.

– Не лошадь и не пес, Фитц. Я бы никогда так о тебе не подумал. Нет. Ты клинок. Таким я тебя сделал – ты оружие. А Шут считает, что ты лучше всего подходишь для его руки. – Старик презрительно хмыкнул. – Он глуп. – Затем Чейд посмотрел на меня и кивнул. – Ты правильно сделал, что рассказал мне о его планах. Хорошо, что мы оставим его на берегу.

Ответить было нечего, и я покинул башню, воспользовавшись потайным лабиринтом. Я увидел сегодня своих друга и наставника в новом свете, и мне это совсем не понравилось. Возможно, Шут хотел показать нам, какую власть он имеет надо мной, когда вошел со мной в контакт Силы. Впрочем, я чувствовал, что это не так. Разве он не спросил моего согласия? И тем не менее у меня возникло ощущение, что он намеренно показал мне, как прочна связь между нами.

Случайно ли, что Чейд стал свидетелем? Или Шут стремился открыть мне, как на самом деле ко мне относится мой бывший наставник, сказать без слов, что Чейд уверен, будто я всегда готов исполнить его волю. Я покачал головой. Неужели Шут полагает, что я этого не знаю? Я стиснул зубы. Скоро мой друг поймет, что мы с Чейдом обманули его.

Я вернулся в свою мастерскую, однако всю дорогу меня терзали тревожные мысли.

Стоило мне открыть дверь, как я сразу понял, что Шут побывал здесь до меня. Он оставил на столе рядом с моим стулом подарок. Я провел рукой по спине Ночного Волка. Вырезанный из дерева, мой волк был в расцвете сил. Мертвый кролик лежал между передними лапами зверя, голова волка приподнята, умные черные глаза, исполненные мудрости и терпения, смотрят на меня.

Я взял его в руки. Шут начал вырезать его, когда сидел за столом в моей хижине. Тогда я не понял, что это будет, и забыл о его обещании показать мне, когда работа подойдет к концу. Я прикоснулся к кончикам ушей фигурки. А потом сел и стал смотреть в огонь, сжимая в руке своего волка.

IV Обмен оружием

Наставник по оружию Ходд сначала была подмастерьем наставника Кренда. Она с огромной пользой провела эти годы, поскольку познакомилась не только с каждым видом оружия, но и научилась делать хорошие клинки. По правде говоря, до сих пор многие твердят, что ее главный талант заключался в изготовлении отличного оружия и что Олений замок только выиграл бы, если бы кто-нибудь другой стал наставником, а она осталась бы в кузнице. Однако король Шрюд считал иначе. После смерти Кренда Ходд без промедления назначили на его место, и она занялась тренировкой всех воинов Оленьего замка. Она отлично послужила Видящим и отдала свою жизнь в сражении рядом с будущим королем Верити.

Федверен, «Хроники»

Я решил последовать примеру Шута, который целенаправленно избавился от нажитого имущества, и пересмотреть мои собственные вещи. Вечером, вместо того чтобы собираться в путь, я сидел на старой кровати Чейда в окружении своего добра. Если бы я был подвержен фаталистической меланхолии, возможно, я бы испытал грусть. Неожиданно я заметил, что ухмыляюсь тому, как мало у меня есть своего. Даже Джилли, хорек, обнюхав мои жалкие пожитки, казалось, остался недоволен.

Стопка одежды из комнат Шута и великолепный меч с чересчур красивой рукоятью – вот почти что и все мое имущество. Старая одежда, в которой я ходил, когда жил в лесной хижине, кучей тряпья валялась рядом с рабочим столом. Правда, у меня имелось два комплекта новой формы гвардии принца. Один я аккуратно сложил и вместе со сменой белья убрал в матросский сундучок, стоявший около кровати.

Под одеждой я спрятал маленькие пакетики с ядами, снотворным и восстанавливающими силы порошками. Все эти снадобья мы с Чейдом приготовили заранее. На кровати рядом со мной удобно устроились самые разные мелкие инструменты. Отмычки и прочие необходимые приспособления лежали в небольшом свертке, который я мог легко спрятать под рубашкой. Я убрал их в сундучок. Поджидая Дьютифула, я перебирал свою необычную коллекцию.

Фигурка Ночного Волка стояла на каминной полке. Я не собирался брать ее с собой – не хотел, чтобы с ней что-нибудь случилось. Амулет, который сделала для меня Джинна, когда мы с ней еще были в добрых отношениях, я поклялся себе больше не надевать, но мне почему-то ужасно не хотелось с ним расставаться, и я положил его вместе с одеждой, навязанной мне лордом Голденом. Маленькая лисичка, подаренная королевой Кетриккен, осталась на своем законном месте – под рубашкой, рядом с сердцем. Она будет со мной всегда. В стороне я сложил несколько вещей для Неда – по большей части то, что покупал или мастерил, когда он был ребенком: волчок, паяц на веревочке и тому подобное. Я аккуратно упаковал их в коробку с желеудом на крышке и решил отдать, когда мы будем прощаться.

Посреди кровати лежали вырезанные из дерева перья, найденные мной на берегу Иных. Я попытался отдать их Шуту, поскольку думал, что они подойдут к его резной короне. Я был в этом уверен. Но он только взглянул на них и не взял. Я развернул мягкую кожу, в которую спрятал их, посмотрел на каждое в отдельности и снова завернул. И убрал в дальний угол сундучка. За ними последовали иголки и мотки ниток. Запасные ботинки и всякие мелочи. Бритва. Кружка, миска и ложка.

И все. Больше складывать было нечего. Да и осталось совсем немного. Моя Вороная, но я не очень много для нее значил, и она делала только то, что была должна. Она предпочитает общество себе подобных и не будет по мне скучать. Мальчишка-конюх будет регулярно ее выводить на свежий воздух, и, пока главным конюшим остается Хендс, мне нечего беспокоиться, что с ней будут плохо обращаться.

Джилли вылез из кучи одежды и, промчавшись по кровати, подбежал ко мне.

– Ты тоже вряд ли будешь по мне скучать, – сказал я ему, когда он игриво наскочил на мою руку.

В потайных коридорах замка полно мышей и крыс, так что голод ему не грозит. Кроме того, хорек будет доволен, что получит мою кровать в полное свое распоряжение. Он и так уже считает, что подушка принадлежит только ему. Я обвел глазами комнату. Чейд забрал себе все свитки, которые я привез из своей хижины. Он их рассортировал, самые безобидные отправил в библиотеку Оленьего замка, а те, что хранили наши тайны, спрятал в своих шкафах. По этому поводу я не испытал ничего, даже отдаленно похожего на сожаление.

Я отнес ворох одежды в старый шкаф Чейда и уже собрался было засунуть ее туда как попало, но в последний момент у меня проснулась совесть, и я принялся аккуратно все складывать. Занимаясь этим, я совершенно неожиданно для себя обнаружил, что далеко не все вещи такие уж ярко-крикливые, как мне казалось, и я даже решил прихватить с собой отделанный мехом плащ. Покончив с этим, я положил украшенный драгоценными камнями меч на сундучок. Он отправится со мной. Несмотря на слишком красивую рукоять, сам меч был отлично сбалансирован и являлся настоящим шедевром работы оружейного мастера. За яркой, великолепной внешностью скрывалось его истинное назначение – как и у человека, который мне его подарил.

В дверь вежливо постучали, а в следующее мгновение медленно сдвинулась в сторону полка для вина и в комнату устало вошел Дьютифул. Джилли тут же соскочил с кровати, подбежал к нему и сделал вид, что нападает на его ноги.

– Я тоже рад тебя видеть, – поздоровался с ним Дьютифул и взял маленького зверька в руки.

Ласково почесав ему шею, принц опустил хорька на пол, и Джилли тут же вновь атаковал его ноги. Стараясь не наступить на него, Дьютифул вошел в комнату и сказал:

– Ты хочешь, чтобы я еще что-то с собой взял? – Он с тяжелым вздохом опустился на кровать рядом со мной. – Мне так надоело собирать вещи, – признался он. – Надеюсь, это что-то маленькое.

– На столе, – сообщил я. – И он совсем не маленький.

Когда Дьютифул направился к столу, меня вдруг охватило почти непереносимое сожаление о том, что я собирался сделать, и я понял, что с удовольствием переменял бы свое решение, если бы мог. Разве он может столько значить для этого мальчика, сколько значит для меня? Дьютифул посмотрел на стол, потом перевел на меня удивленный взгляд.

– Я не понимаю. Ты решил дать мне меч?

Я встал.

– Это меч твоего отца. Верити подарил его мне, когда мы с ним расстались. Теперь он твой, – тихо проговорил я.

Выражение, появившееся на лице Дьютифула, прогнало все мои сомнения. Он протянул к мечу руку, но тут же быстро отдернул ее и посмотрел на меня. В его глазах сияло смущение и удивление одновременно.

– Я сказал, что он твой, – повторил я. – Возьми его, взвесь на руке, присмотришься. Я только что почистил и наточил его, так что будь осторожен.

Дьютифул опустил руку на рукоять. Я наблюдал за ним, ждал, когда он возьмет меч и почувствует, как тот поразительно точно сбалансирован. Но Дьютифул снова убрал руку.

– Нет.

Я был потрясен его ответом. В следующее мгновение принц вскричал:

– Подожди здесь. Пожалуйста. Просто подожди.

Дьютифул быстро развернулся и выбежал из комнаты, я услышал его топот в потайном коридоре.

Он сумел меня удивить. Я видел, что в первое мгновение он был счастлив. Я подошел к столу и посмотрел на меч, сверкающий в свете свечей. Великолепное, элегантное оружие, предназначенное убивать. И ничто в его внешнем виде не указывало ни на какие другие цели. Его сделала для Верити мастер Ходд, некогда научившая меня владеть мечом и пикой. Когда Верити отправился в свое путешествие, она сопровождала его и умерла за него. Это было оружие, достойное короля. Почему же Дьютифул отверг его?

Я сидел перед очагом, сжимая в руках чашку с горячим чаем, когда Дьютифул вернулся. В руках он держал какой-то длинный сверток, разворачивал его на ходу и одновременно говорил:

– Не знаю, почему мне раньше не пришлось это в голову, когда мать рассказала, кто ты такой. Наверное, потому, что я получил его давным-давно, а потом она убрала его до тех пор, пока я не вырасту. Вот!

Кусок кожи упал на пол, и Дьютифул, широко ухмыляясь, перехватил меч и протянул мне. В его глазах сияли восторг и предвкушение.

– Возьми, Фитц Чивэл Видящий, меч твоего отца!

Я вздрогнул, и внутри у меня все похолодело. Осторожно поставив чашку, я медленно поднялся на ноги.

– Меч Чивэла?

– Да. – Мне казалось, что шире улыбаться невозможно, но мальчику это каким-то образом удалось.

Я не сводил глаз с меча. Даже если бы Дьютифул мне ничего не сказал, я бы его узнал. Этот клинок приходился старшим братом тому, которым владел Верити. Их отличало лишь то, что меч Чивэла был немного наряднее и длиннее, его сделали для человека выше ростом, чем Верити. Гарду украшало стилизованное изображение оленя, и я сразу понял, что меч предназначался наследному принцу. Значит, он никогда не будет мне принадлежать, но мне все равно ужасно хотелось им владеть.

– Где ты его взял? – с трудом выдавил из себя я.

– Естественно, он был у Пейшенс. Перебравшись в Олений замок, она оставила его в Ивовом Лесу. Потом, после окончания войны красных кораблей, когда собралась переехать в Тредфорд, она решила, выражаясь ее словами, «разобрать хлам». И обнаружила его в шкафу. «Хорошо, что я не взяла его в Олений замок, – заявила она, отдавая меч мне. – Регал забрал бы его и продал. Или оставил себе».

Это было так похоже на Пейшенс, что я улыбнулся. Королевский меч среди «хлама».

– Возьми его, – с нетерпением попросил меня Дьютифул, и мне не оставалось ничего другого, как подчиниться.

Когда я взял у него меч, он показался мне невесомым. Великолепное оружие покоилось в моей руке, точно маленькая птичка. Как только я забрал у Дьютифула меч Чивэла, принц тут же подошел к столу и поднял клинок Верити. Я услышал, как он удовлетворенно выдохнул, и улыбнулся, когда Дьютифул взял меч в обе руки и уверенным движением разрубил воздух.

Эти клинки были великолепным оружием, предназначенным для того, чтобы разить врага. Некоторое время мы, точно мальчишки, размахивали своими мечами, проверяя их возможности. И очередной удар Дьютифула чудом не рассек свитки, лежащие на столе.

Меч Чивэла подходил мне идеально, и я испытал истинное удовольствие от этого, хотя и понимал, что он слишком хорош для меня. Мое мастерство владения мечом оставляло желать лучшего. Мне стало интересно, что почувствовал бы отрекшийся от престола наслед-

ный принц, узнав, что его единственный сын гораздо увереннее обращается с топором и склонен скорее использовать яд, чем честное оружие. Не слишком приятные мысли, но, прежде чем я успел погрузиться в них, Дьютифул подошел ко мне, чтобы сравнить наши клинки.

– Меч Чивэла длиннее!

– Чивэл был выше Верити. Однако мне кажется, что этот меч легче. Верити обладал силой, которую мог вложить в свой удар, и Ходд это учла. Всегда интересно, какое оружие будет тебе подходить, когда ты вырастешь.

Он сразу понял, что я имел в виду.

– Фитц, я отдаю тебе этот меч навсегда. Я серьезно.

Я кивнул.

– Я тебе благодарен. Но не могу принять твой подарок. Это королевский меч, Дьютифул. Он не может принадлежать стражнику, не говоря уже о наемном убийце или бастарде. Посмотри на рукоять. Олень Видящих, его невозможно не заметить. На мече Верити тоже такой есть, только меньших размеров. Но я все равно после войны красных кораблей постоянно прятал его под несколькими слоями кожи. Если бы его кто-нибудь разглядел, он бы сразу понял, что такой меч не может принадлежать мне по праву. А уж клинок Чивэла и подавно.

Я с сожалением и благоговением опустил меч на стол.

Дьютифул осторожно положил клинок Верити рядом с ним, и на его лице появилось упрямое выражение.

– Разве я могу взять у тебя меч моего отца, если ты отказываешься от клинка Чивэла? Мой отец дал тебе этот меч. Он хотел, чтобы он принадлежал тебе.

– Верно, так и было, но с тех пор прошло время. Его меч служил мне верой и правдой много лет. Теперь он должен принадлежать тебе. Я уверен, что Верити со мной согласился бы. Мы уберем на время клинок Чивэла. Когда ты будешь коронован, твои придворные захотят видеть у тебя в ножнах королевское оружие.

Дьютифул нахмурился.

– А разве у короля Шрюда не было меча? Что с ним случилось?

– Наверняка у него был меч. А вот что с ним произошло, я не имею ни малейшего понятия. Может быть, он у Пейшенс; а возможно, Регал продал его или присвоил себе и после его смерти меч стал добычей мародеров. В любом случае он исчез. Когда придет твое время занять престол, я думаю, ты должен будешь стать новым владельцем этого меча. А вот на Аслевджал возьми меч своего отца.

– Так я и сделаю. Но неужели ни у кого не возникнет вопроса, как он ко мне попал?

– Вряд ли. Попросим Чейда придумать какую-нибудь историю о том, что он сохранил меч для тебя. Люди обожают подобные сказки и с радостью ему поверят.

Дьютифул задумчиво кивнул, а затем проговорил:

– Меня огорчает, что ты не можешь носить открыто меч Чивэла, как я клинок своего отца.

– Меня тоже, – честно ответил я. – Я бы очень хотел, чтобы было иначе, Дьютифул. Впрочем, у меня есть меч, который мне подарил лорд Голден. Его качество тоже превосходит мои умения. Я возьму с собой его. Но если мне придется поднять оружие в твою защиту, я бы предпочел, чтобы в руках у меня оказался топор.

Дьютифул задумчиво опустил глаза, а потом положил руку на рукоять меча Чивэла.

– Пусть этот меч останется у тебя, а потом ты вернешь его мне – в день моей коронации. – Он вздохнул. – Я отдам тебе меч своего отца, когда клинок твоего станет моим.

В этом я не мог ему отказать.

Вскоре он ушел тем же потайным коридором, которым пришел, и унес с собой меч Верити. Я сделал себе чашку свежего чая и сидел, глядя на меч моего отца. Я попытался понять, что этот человек для меня значит, но находил лишь диковинную пустоту внутри. Даже недавнее открытие, что он не совсем отказался от меня, а наблюдал за мной при помощи Силы через

своего брата, не восполнило пустоты его отсутствия. Возможно, он меня любил, издали, но воспитывал меня Баррич, а учил – Чейд. Я смотрел на меч и старался почувствовать связь со своим отцом, хотя бы что-нибудь, но у меня ничего не получалось. Я допил чай, но так и не нашел ответа, впрочем, я не до конца был уверен, что знаю вопрос. Зато я дал себе слово перед отъездом еще раз повидать Неда.

Я забрался в постель и умудрился отвоевать у Джилли подушку. Однако спал я плохо, и даже это жалкое подобие отдыха было прервано. Неттл пробралась в мой сон, точно ребенок, ищущий утешения, и возникла совершенно неожиданно среди совсем иных видений.

Мне снилось, что я иду по крутому каменистому склону, возвращаясь из своего путешествия в Горное Королевство. И несу безжизненное тело Шута. Во сне я не чувствовал его тяжести, однако склон становился все более крутым и казался бесконечным. Я то и дело поскальзывался на мелких камнях и уже не сомневался, что вот-вот полечу вниз. Все тело у меня болело от напряжения, по спине стекал пот. И тут краем глаза я заметил какое-то движение. Я повернул голову – медленно, потому что боялся потерять равновесие, – и увидел, что на вершине холма спокойно восседает Неттл и наблюдает за моим спуском.

Она сидела на мягкой траве среди полевых цветов. На ней было зеленое платье, голову украшал венок из крошечных маргариток. Неттл казалась взрослой женщиной, но сидела, как маленькая девочка, подтянув к подбородку колени и обхватив их руками. У нее были голые ноги, в глазах застыла тревога.

Я по-прежнему пытался удержаться на крутом, скользком склоне. Она же, в своем сне, соединившись с моим, сидела на горном лугу. Ее присутствие заставило меня признать, что я сплю, однако я никак не мог избавиться от ощущения кошмара. Я не знал, чего боюсь больше: свалиться вниз и погибнуть или проснуться.

– В чем дело? – крикнул я ей, продолжая спускаться по склону.

Сколько я сделал шагов, не имело ни малейшего значения. Безопасная земля оставалась далеко, а Неттл – надо мной.

– Мой секрет... – тихо проговорила она. – Он меня мучает. И я пришла, чтобы спросить твоего совета.

Она замолчала, но я ничего ей не ответил. Я не хотел знать ее секрет и не собирался давать советы. Я не имел права ей помогать. Даже во сне я помнил, что скоро покину Олений замок. Впрочем, в любом случае я знал, что не могу войти в жизнь Неттл, не рискуя ее разрушить. Лучше оставаться смутным видением, маячащим на грани реальности. Несмотря на мое решение не отвечать, она снова заговорила:

– Если ты дал слово кое-что не говорить, не понимая, сколько боли причинит твое молчание, должен ли ты сдержать обещание?

Оставить без ответа такой серьезный вопрос я не мог.

– Ты и сама знаешь ответ, – сказал я. – Слово женщины – это ее слово. Она его держит, или оно ничего не стоит.

– Но когда я его давала, я не знала, сколько горя это принесет. Ним ведет себя так, словно он лишился части самого себя. Я не думала, что мама будет во всем винить папу и что он начнет пить, согласившись с ней, что он один за все отвечает.

Я остановился. Это было рискованно, но я повернулся и посмотрел на Неттл. Ее слова грозили мне еще более серьезной опасностью, чем крутизна склона под ногами.

– И ты решила, что нашла способ обойти свое обещание, – осторожно проговорил я. – Ты хочешь рассказать мне то, что обещала не говорить им.

Неттл прижалась лбом к коленям, и ее голос прозвучал едва слышно:

– Ты сказал, что знаешь моего папу много лет. Я не имею понятия, кто ты на самом деле; но, может быть, ты по-прежнему с ним знаком. Ты бы мог с ним поговорить. В прошлый раз, когда Свифт убежал из дома, ты сказал мне, что они с папой возвращаются домой. Прощу тебя,

Сумеречный Волк! Не знаю, каким образом ты связан с моей семьей, но я уверена, что такая связь существует. Пытаясь помочь Свифту, я разрушила нашу семью. Мне больше не к кому обратиться за помощью. Я не обещала Свифту, что ничего не скажу тебе.

Я посмотрел себе под ноги. Неттл превратила меня в свое представление обо мне. Ее сон начал поглощать мой. Я стал человеком-волком. Мои черные когти впились в землю. Передвигаясь на четырех лапах, я медленно поднимался вверх по склону, к ней. Вблизи я увидел высохшие дорожки от слез на ее щеках.

– Чего ты мне не скажешь? – прорычал я.

Большого ей и не требовалось.

– Они думают, будто Свифт убежал к морю, потому что мы с ним так все представили. Прошу тебя, не смотри так на меня! Ты ведь не знаешь, как здесь было ужасно! Папа вечно бушевал, Свифт ему не уступал. Ним расстраивался, когда папа его хвалил, потому что он не мог разделить его похвалу со своим близнецом. А мама... Мама как сумасшедшая каждый вечер допытывалась у них, что с ними происходит, а они отказывались отвечать. Так что, когда Свифт попросил меня помочь ему сбежать из дома, мы с ним решили, что это будет самое разумное.

– И как же ты ему помогла?

– Я дала ему денег, своих собственных, я их заработала, когда прошлой весной помогала Госсойнам с ягнятами. Мама часто посылала Свифта в город, чтобы он отнес мед или свечи покупателям. Я придумала план. Мы начнем расспрашивать соседей про лодки, рыбаков и море. А потом, в самом конце, я написала письмо и поставила под ним папино имя, как я это часто делаю. Его глаза... он может писать, но рука у него дрожит, и он не видит букв, которые выводит. Поэтому в последнее время я часто составляла для него разные бумаги. Например, когда он продавал лошадь или еще что-нибудь в таком же роде. Все говорят, что у нас с ним очень похожий почерк. Может быть, потому что он учил меня писать. Так вот...

– Ты написала для Свифта письмо, где говорилось, что отец отпустил его и теперь он может делать все, что пожелает, – медленно проговорил я.

Каждое сказанное Неттл слово тяжелым грузом ложилось мне на плечи. Баррич и Молли ссорятся, и он снова начал пить. Ему изменяет зрение, он думает, что это из-за него Свифт ушел из дома. У меня разрывалось сердце, но я знал, что ничем не могу им помочь.

– Мальчишке трудно найти работу, если люди думают, будто он чей-то сбежавший ученик или обманул отца и улизнул из дома, – проговорила Неттл, пытаясь оправдать свою подделку. Я не осмеливался на нее смотреть. – Мама сложила шесть коробок свечей и отправила Свифта в город, чтобы он доставил их заказчикам и принес назад деньги. Когда он со мной прощался, я сразу поняла, что он решил воспользоваться этой возможностью. Он не вернулся.

Вокруг Неттл цвели цветы и собирали нектар пчелы.

Я попытался разобраться в том, что услышал.

– Он украл деньги за свечи, чтобы отправиться в путешествие? – Мое отношение к Свифту начало меняться.

– Это не... ну, не совсем воровство. Он всегда помогал с ульями. А деньги ему были нужны!

Я медленно покачал головой. Меня расстроило, что Неттл оправдывает Свифта. Впрочем, у меня никогда не было младшего брата. Может быть, все сестры ведут себя так же.

– Ты мне не поможешь? – жалобно спросила Неттл, когда молчание затянулось.

– Я не могу, – беспомощно проговорил я. – Не могу.

– Почему?

– А как я это сделаю?

Я полностью находился в ее сне. Под ногами у меня была луговая трава, стоял теплый весенний день, мимо моего уха промчалась пчела, и я от нее отмахнулся. Но я знал, что мой

кошмар никуда не делся, что он меня поджидает. Стоит мне сделать два шага, и я снова окажусь на полном опасностей предательском склоне.

– Поговори за меня с папой. Скажи ему, что он не виноват в том, что Свифт ушел из дома.

– Я не могу поговорить с твоим папой. Я очень далеко. Только во сне мы можем преодолевать такие огромные расстояния.

– А разве ты не можешь прийти к нему во сне, ты же появляешься в *моих* снах. Поговори с ним так же, как со мной.

– Не могу.

Давным-давно мой отец закрыл Баррича от всех других обладателей Силы. Баррич сам мне об этом сказал. Чивэл черпал у него Силу, и связь между ними означала, что он становился уязвим для других магов. Неожиданно мне стало интересно, обладал ли Баррич в те дни способностью направлять Силу? Или просто они были так близки, что Чивэл мог одалживать у него энергию?

– Почему? Ты же приходишь в мои сны. И вы с папой были друзьями. Так больше не может продолжаться. Он себя убивает. И мою мать, – быстро добавила она. – Думаю, ты должен ему помочь.

Пчела слетела с цветка и принялась жужжать у самого моего носа. Я отмахнулся от нее и решил, что мне нужно как можно скорее разорвать связь с Неттл. Она слишком многое поняла насчет меня и своего отца.

– Я не могу проникнуть в сны твоего отца, Неттл. Но возможно, я все-таки сумею кое-что сделать. Я поговорю с человеком, который отыщет Свифта и отправит его домой.

Я сказал это, и внутри у меня все похолодело. Да, у Свифта тяжелый характер, но я прекрасно понимал, что для него будет означать возвращение к Барричу. Я заставил себя успокоиться. В конце концов, это не моя забота. Свифт – сын Баррича, и они должны сами решить свои разногласия.

– Значит, ты знаешь, где Свифт? Ты его видел? Он в порядке, ему ничто не угрожает? Я постоянно о нем думаю. Он такой маленький, один в огромном мире. И зачем я только позволила ему себя уговорить! Расскажи мне о нем.

– Он в порядке, – коротко сообщил я Неттл.

Мимо моего уха снова пролетела пчела и уселась мне на спину. Я попытался достать ее лапой, но уже в следующее мгновение меня прижало к земле огромным весом какого-то большого животного. Я вскрикнул и начал отбиваться, но, прежде чем я сумел сделать вдох, выяснилось, что меня держит в зубах драконица. Она бесцеремонно встряхнула меня, предупредая, чтобы я не дергался, – убивать меня она не собиралась. Она аккуратно держала меня зубами за шкуру, умудрившись даже не повредить кожу.

Когда Неттл возмущенно вскочила на ноги и потянулась ко мне, драконица подняла меня выше. Я болтался над Неттл, а потом вдруг повис над пропастью из своего кошмара.

– Ай-ай-ай! – предупредила нас обоих драконица. – Будете сопротивляться – и я брошу его вниз. Волки не умеют летать. – Ее слова возникли не из пасти или глотки, они проникли в мои мысли, словно она прикоснулась ко мне своим сознанием.

Неттл замерла на месте.

– Чего ты хочешь? – сердито спросила она, и ее темные глаза стали жесткими, точно два камня.

– Он знает, – ответила Тинталья и слегка встряхнула меня. Но мне показалось, будто все мои косточки встали на новые места. – Отвечайте, что вам известно про дракона, закованного в лед. И про остров, который люди называют Аслевджал.

– Я ничего не знаю, – сердито ответила Неттл и сжала руки в кулаки. – Отпусти его.

– Хорошо. – Драконица отпустила меня, и я несколько мгновений парил в воздухе. Потом она вытянула голову на змеиной шее и подхватила меня. На сей раз она сжала челюсти на

моих ребрах и сдавила их, показывая, что может легко меня прикончить. – А ты что знаешь, волчонок?

– Ничего! – выдохнул я, и она сжала меня сильнее.

Это скоро закончится, попытался утешить я себя. Долго мне врать не придется. Драконица не отличается терпением и быстро меня прикончит. Я оглянулся, чтобы в последний раз посмотреть на дочь.

Неттл неожиданно начала увеличиваться в размерах и вдруг резко раскинула руки в стороны. Ее волосы взметнул ветер, который чувствовала только она, и они окутали ее голову, точно нимб.

– Это ^{сон!} – откинув назад голову, крикнула она. – *Мой сон!* И я говорю тебе – прочь из моего сна!

Последнее она произнесла на одном дыхании, непререкаемым тоном королевы, и я впервые сумел до конца осознать, сколь велика Сила моей дочери. Ее способность создавать сны и управлять тем, что в них происходит, являлась проявлением огромного таланта.

Тинталья выпустила меня, и я начал падать в бесконечную пропасть. Внизу я видел не каменистый склон из своего кошмара, а огромную бесцветную пустоту. В последнее мгновение я успел заметить, что послушная воле Неттл драконица снова превратилась в пчелу. А потом я закрыл глаза, чтобы хоть как-то справиться со своим головокружительным полетом. Но как только я открыл рот, чтобы закричать, Неттл тихонько проговорила мне на ухо:

– Это всего лишь сон, Сумеречный Волк. И он принадлежит мне. В моих снах тебе никогда не будет грозить опасность. Открой глаза. Проснись в своем собственном мире.

За мгновение до того, как проснуться, я почувствовал под собой мягкую опору – матрас, а когда открыл глаза в темноте своей комнаты, страх отступил.

Неттл очистила мой кошмар от ужаса. На мгновение я испытал облегчение. Затем я сделал глубокий вдох и, прежде чем снова погрузиться в сон, успел поразиться невиданной Силе моей дочери. Впрочем, стоило мне натянуть на себя одеяло и отобрать у Джилли половину подушки, как ко мне вернулся мой первый сон и я окончательно проснулся. Свифт солгал. Баррич не отпускал его из дома. Более того, и это самое плохое, его исчезновение нарушило привычное течение жизни семьи Баррича.

Я лежал неподвижно, не открывая глаз и мечтая снова погрузиться в сон. Вместо этого я терзался вопросами. Что мне делать? Мальчика следует отправить домой, но мне не хотелось в этом участвовать. Он обязательно спросит, откуда мне известно, что он соврал. Ладно. Я скажу Чейду, что Баррич не отпускал мальчишку из дома. Значит, мне придется признаться, что я при помощи Силы вошел в контакт с Неттл. Да, ничего не поделаешь, мрачно подумал я. Все мои секреты имеют обыкновение рано или поздно выходить наружу.

Итак, я принял решение и постарался убедить себя в том, что это единственный выход. Я представил себе, как Баррич напивается каждый день, а Молли не находит себе места от беспокойства за сына и переживает из-за мужа, который снова пристрастился к бутылке. Я изо всех сил отгонял от себя мысли о том, что Барричу начали отказывать глаза. Хватит с него и того, что он либо не пытался разыскать сына, либо потерпел неудачу.

Я поднялся на рассвете, взял в казарме хлеб, молоко и бекон и отправился со своей добычей в Женский сад, чтобы позавтракать. Я сидел, прислушиваясь к пению птиц и наслаждаясь теплом нового дня, прогревающим землю. Подобные вещи всегда радовали меня и снимали напряжение. Этим утром они в очередной раз показали мне, что добро, которое дарует нам земля, не знает предела, и я отчаянно захотел остаться, чтобы увидеть, как наступит лето и созреют на деревьях плоды.

Я почувствовал ее присутствие еще прежде, чем увидел. Старлинг была в бледно-голубом халате, изящные узкие ступни – в простых сандалиях. Волосы распущены и окутывают плечи. В руках она держала дымящуюся чашку. Я смотрел на нее и жалел, что между нами все так

непросто. Старлинг заметила меня на скамейке под деревом и изобразила удивление, но тут же улыбнулась и села рядом, сбросив сандалии и подобрав под себя ноги.

– Доброе утро, – поздоровалась она, и я заметил в ее глазах удивление. – Я тебя не сразу узнала, Фитц. Ты помолодел лет на десять.

– Том, – напомнил я ей, прекрасно понимая, что она назвала меня моим настоящим именем, чтобы подразнить. – Я действительно чувствую себя так, будто помолодел лет на десять. Наверное, простая жизнь гвардейца – как раз то, что мне было нужно.

Она скептически хмыкнула и сделала глоток из чашки. Потом подняла голову и грустно добавила:

– Вижу, ты не можешь сказать того же обо мне.

– Чего сказать? Что жизнь гвардейца пошла бы тебе на пользу? – самым невинным тоном спросил я. Она сделала вид, что собирается меня стукнуть, и я добавил: – Старлинг, для меня ты всегда выглядишь как Старлинг. Не старше и не моложе, чем я ожидаю, ты всегда Старлинг.

Она на мгновение нахмурилась, потом пожала плечами и рассмеялась.

– Я никогда не могу понять, как относиться к тому, что ты говоришь, – как к комплименту или совсем наоборот. – Затем она придвинулась ко мне и принялась. – Мускус? Ты начал душиться, Том Баджерлок? Если ты хочешь привлечь внимание женщины...

– Нет, я не начал душиться мускусом. Просто в моей кровати спит хорек.

Я ответил совершенно честно, и взрыв ее смеха меня удивил. Через пару секунд я тоже ухмыльнулся, а Старлинг покачала головой, не сводя с меня глаз. Потом она перевернула позу, и ее нагретое солнцем бедро прижалось к моему.

– Это так на тебя похоже, Фитц. Так похоже... – Она удовлетворенно вздохнула и лениво спросила: – Могу ли я предположить, что твой траур подошел к концу и ты снова установил связь с животным?

От ее слов яркое сияние утра померкло. Я откашлялся и, старательно подбирая слова, ответил:

– Нет. Сомневаюсь, что это когда-нибудь произойдет. Мы с Ночным Волком подходили друг другу, точно кинжал и ножны. – Взглянув на клумбу с ромашками, я добавил: – После него не может быть никого другого. Это будет несправедливо по отношению к любому живому существу, с которым я соединюсь, потому что оно станет лишь заменой и никогда не будет моим настоящим вторым «я».

Она придавала гораздо больше смысла моим словам, чем я хотел до нее донести. Положив руку на спинку скамейки, Старлинг опустила на нее голову и стала вглядываться в небо сквозь нависшие над нами ветки деревьев. Я допил свое молоко и отставил кружку в сторону. Только я собрался извиниться и сказать, что у меня занятие со Свифтом, Старлинг вдруг спросила:

– А ты никогда не думал о том, чтобы вернуть Молли?

– Что?

Старлинг подняла голову.

– Ты же ее любил. По крайней мере, ты сам это говорил. Она родила твоего ребенка, хотя понимала, чем это грозит ей. Ты же прекрасно знаешь, что, если бы она хотела, она могла бы от него избавиться. А раз сохранила, значит она тоже любила тебя. Ты должен забрать Молли.

– Мы с Молли были вместе давным-давно. Она вышла замуж за Баррича. Они выстроили свою жизнь. У них шестеро детей, – сердито напомнил я Старлинг.

– И что с того? – Она посмотрела мне в глаза. – Я видела Баррича, когда он приехал в Баккип, чтобы забрать Свифта домой. Он был мрачным и неразговорчивым, когда я с ним поздоровалась. А еще он очень постарел. Он хромает, и глаза у него никуда не годятся. – Старлинг покачала головой. – Если ты решишь забрать у него Молли, он не станет сопротивляться.

– Я никогда с ним так не поступлю!

Не сводя с меня пристального взгляда, Старлинг сделала несколько глотков из своей кружки.

– Я знаю, – сказала она, опустив кружку. – Даже несмотря на то, что он отобрал ее у тебя.

– Они оба думают, что я умер! – напомнил я ей, и мой голос прозвучал резче, чем мне хотелось.

– А ты сам-то уверен, что живой? – насмешливо спросила Старлинг. Затем, увидев выражение моих глаз, гораздо мягче проговорила: – О Фитц!.. Ты никогда ничего не делаешь для себя, верно? Никогда не берешь то, чего хочешь? – Она придвинулась ко мне. – Ты думаешь, Молли поблагодарила бы тебя за твое решение? Неужели ты и в самом деле считаешь, что имеешь право решать за нее? – Старлинг откинулась на спинку, чтобы посмотреть на мое лицо. – Ты отдал ее с ребенком, словно постарался пристроить щенка в хорошие руки. Почему?

Я так часто отвечал на этот вопрос, что мне даже думать не пришлось.

– Баррич лучше ей подходит. Это было верно тогда – и верно сейчас.

– Ты так думаешь? Интересно, а что сказала бы Молли?

– Как дела у твоего мужа? – довольно грубо спросил я.

На лицо Старлинг набежала тень.

– Кто знает. Он отправился ловить форель в горы с лордом и леди Редоукс. Как тебе прекрасно известно, я никогда не любила подобные развлечения. – Затем, отвернувшись, она добавила: – А вот их симпатичная дочурка Айви, очевидно, страстная поклонница рыбалки. Мне сказали, что она страшно обрадовалась, когда узнала о предстоящем приключении.

Ей не нужно было ничего объяснять, и я взял ее за руку.

– Старлинг, мне очень жаль.

Она вздохнула.

– Правда? На самом деле мне все равно. У меня есть его титул и владения. К тому же он не возражает против моих привычек менестреля. Я могу уезжать и возвращаться, когда пожелаю. – Склонив голову набок, Старлинг посмотрела на меня. – Я подумываю о том, чтобы присоединиться к свите принца и отправиться на Внешние острова. Как тебе моя идея?

Внутри у меня все похолодело. Только не это!

– Думаю, это будет намного хуже, чем рыбалка в горах. Я подозреваю, что большую часть пути и все время там мы будем постоянно мерзнуть. А еда... еда там просто ужасная. Если тебе подают топлёный свиной жир, перемешанный с медом и костным мозгом, знай, это верх их кулинарного искусства.

Старлинг грациозно поднялась на ноги.

– И рыбный паштет, – проговорила она. – Ты забыл про рыбный паштет, который они мажут на все подряд. – Старлинг смотрела на меня несколько мгновений, потом протянула руку и убрала с моего лица несколько прядей волос. Ее пальцы осторожно коснулись шрама. – Наступит день, – тихо сказала она, – когда тебе вдруг откроется, что мы с тобой, ты и я, были идеальной парой. Что в твоей жизни был только один человек, который тебя по-настоящему понимал и, несмотря на это, любил.

Я удивленно уставился на нее. За все годы, что мы провели вместе, она ни разу не произнесла слово «любовь».

Старлинг прикрыла мне рот ладонью и предложила:

– Нам бы следовало почаще завтракать вместе.

И она ушла, продолжая прихлебывать из своей кружки и зная, что я смотрю ей вслед.

– Ну, по крайней мере, тебе удалось заставить меня забыть о моих тревогах, – тихо проормотал я себе под нос.

Я отнес свою кружку на кухню и поспешил в Сад Королевы. Возможно, тому виной был разговор со Старлинг, но, когда я вышел на верхнюю площадку башни и увидел, как Свифт кормит голубей, я не стал с ним церемониться.

– Ты солгал, – сказал я, не дав ему даже открыть рот, чтобы поздороваться. – Твой отец тебя не отпускал. Ты сбежал. И украл деньги.

Мальчишка страшно побледнел и удивленно вытаращился на меня.

– Кто... откуда?..

– Откуда я знаю? Если я отвечу на твой вопрос, я отвечу на него и перед королевой и Чейдом. Ты хочешь, чтобы они узнали то, что известно мне?

Я молил всех богов, чтобы они вразумили мальчишку. Когда он тяжело сглотнул и покачал головой, я понял, что моя молитва услышана. Он непременно воспользуется шансом вернуться домой так, чтобы никто, кроме меня, не узнал о его позоре.

– Твои родные места себе не находят, они за тебя волнуются. Ты не имеешь никакого права заставлять людей, которые тебя любят, беспокоиться за твою судьбу – они же не знают, что с тобой случилось. Собирай вещи и возвращайся домой. Тем же путем, каким явился сюда. Вот, держи. – Я достал из пояса кошель. – Здесь хватит, чтобы благополучно добраться домой и вернуть то, что ты взял. Надеюсь, ты не забудешь это сделать.

Свифт не мог заставить себя посмотреть мне в глаза.

– Конечно, господин.

Свифт не взял кошель, и я вложил деньги ему в ладонь. Я выпустил руку мальчишки, но он продолжал смотреть на меня. И тогда я показал ему на дверь, ведущую на лестницу. Он так и не пришел в себя от потрясения и потому медленно повернулся и, спотыкаясь, побрел к двери. У порога Свифт вдруг остановился.

– Вы не понимаете, какая жизнь меня там ждет, – жалобно прошептал он.

– Отлично понимаю. Гораздо лучше, чем тебе кажется. Возвращайся домой, начни слышать отца и служи своей семье, пока не станешь взрослым, как пристало честному мальчику. Разве твои родители не вырастили тебя? Разве не они дали тебе жизнь, наполняли едой твою тарелку и обеспечивали тебя одеждой, чтобы ты не мерз? Твой труд принадлежит им, пока ты по закону не сможешь назвать себя мужчиной. Только тогда ты получишь возможность выбирать собственный путь. После этого у тебя впереди будут годы, чтобы разобраться в своей магии, твои годы, заработанные честным трудом, когда ты сможешь жить, как твоей душе угодно. Твой Дар подождет.

Он замер около двери и на мгновение прижался к ней лбом.

– Нет. Моя магия не станет ждать.

– Ей придется! – резко возразил я. – А теперь отправляйся домой, Свифт. Сегодня же.

Он опустил голову и ушел, плотно притворив за собой дверь. Я прислушивался к его стихающим шагам и чувствовал, как постепенно исчезает его присутствие. Только когда он ушел далеко, я позволил себе тяжело вздохнуть. Я отправил мальчишку навстречу трудностям. Мне хотелось надеяться, что ему хватит характера с ними справиться и что его возвращение вернет мир в семью, – впрочем, на это я не очень надеялся. Я подошел к парпету и посмотрел на двор, раскинувшийся внизу.

V Отъезд

Не стоит легкомысленно относиться к тем, кто считает, будто могущество Силы заключено в строительстве снов. Этой способностью, как правило, наделены Одиночки – те, кто не входит в круги магов Силы. И хотя их возможности в традиционном применении Силы ограничены, они прилагают свой редкостный талант на службе своих монархов умело и незаметно для постороннего глаза. Пугающие сны, посланные вражескому вождю, могут заставить его пересмотреть свои решения, а сны о победе и славе укрепляют отвагу любого военачальника. Сон может стать наградой, а в некоторых случаях утешением для тех, кто устал сердцем или потерял веру.

Трикни, «Неочевидное использование Силы»

Вечером я сказал Чейду, что Свифт страшно соскучился по дому и я отправил его к Барричу в надежде, что они сумеют помириться. Старик рассеянно кивнул: у него хватало других забот.

Я также рассказал ему о своем разговоре с Уэбом, закончив следующими словами:

– Он знает, кто я такой на самом деле. Думаю, знал уже, когда прибыл в замок.

Это взволновало Чейда куда сильнее.

– Проклятье! Ну почему твоя тайна должна быть открыта именно сейчас, когда у меня и без того дел по горло?

– Не думаю, что моя тайна открыта, – жестко проговорил я. – Скорее всего, это знание передал ему кто-то другой, а сейчас оно всплыло. Как ты думаешь, что я должен делать?

– Делать? А что ты можешь сделать? – язвительно поинтересовался он. – Правда выплыла. Нам остается только надеяться, что Уэб не желает нам зла. И что эта правда не стала достоянием большого числа Одаренных. – Он с грохотом поставил кожаный футляр для свитков и принялся его завязывать. – Холли, говоришь? – спросил он через некоторое время. – Ты думаешь, ему сказала Холли?

– Он дал мне понять, что это так.

– А когда ты видел ее в последний раз?

– Много лет назад, когда я жил в поселении Одаренных. Она была женой Рольфа.

– Я знаю! Мои мозги еще не окончательно мне отказали. – Чейд задумался, занимаясь другим футляром. – Времени нет, – наконец объявил он. – Я бы послал тебя с ней повидаться и спросить, кому еще она открыла твою тайну. Но у нас не осталось времени. Так что давай думать вместе, Фитц. Как они могут использовать свое знание?

– Я не уверен в том, что Уэб собирается его использовать. То, как он это сказал... он явно хотел мне помочь. Я не почувствовал с его стороны никакой угрозы, и мне не показалось, что он намерен болтать о том, что знает. Скорее, он пытался убедить меня, что я должен быть честен со Свифтом и что только так я смогу завоевать доверие мальчика.

– Хм-м, – задумчиво пробормотал старик, закрывая последний футляр. – Передай мне чайник. – Затем, наливая себе чай, он проговорил: – Уэб загадочный тип. Он много знает, и не только сказки про Дар, которые рассказывает. Я бы не назвал его образованным человеком, однако, как он сам говорит, он всегда находил способ узнать то, что его интересовало. – Чейд уставился в пространство, и я сразу понял: он немало времени потратил на то, чтобы понять, что представляет собой Уэб. – Мне совсем не понравилось предложение Сивила, что, раз у принца нет круга Силы, у него должен быть «круг Дара». Мы не делали публичных заявлений

на сей счет. Однако это стало известно. У нас есть Сивил Брезинга со своим котом, менестрель Кокл и Уэб. И все они собираются сопровождать нас на Внешние острова. Я подозреваю, хотя принц ничего не говорит, что они являются своего рода магическим кругом.

Они собираются вместе в комнате, куда у меня нет доступа. Мне представляется, что Уэб у них за главного. Он выступает скорее в роли пастыря, чем вожака, – не руководит ими, а дает советы и часто рассуждает о служении «духу мира» и «божественному». Он не боится, что, произнося подобные слова, может выглядеть глупо. Если у него есть амбиции, он опасен. С его знаниями он может всех нас ввергнуть в пропасть. Те несколько раз, что он со мной беседовал, он вел себя очень сдержанно и ничего не говорил прямо. Но у меня возникло ощущение, будто он пытается заставить нас действовать, но не открывает нам, что мы должны сделать. Хм-м...

– В таком случае, – сказал я и начал загибать пальцы, – возможно, Уэб всего лишь хотел, чтобы я был честен со Свифтом. Ну, учитывая, что мальчик отправился домой, проблема отпала. Может быть, Уэб пытался сказать мне, что я должен сообщить всем правду о своем Даре или о том, что наследник Видящих наделен Звериной магией. Или, если оба секрета откроются одновременно, это будет означать, что Дар у Видящих в крови.

И тут я онемел. Неужели Дар действительно присущ Видящим? Последним из принцев, обладавших Даром, был принц Полукровка, а он не оставил наследников. Корона перешла к другой линии Видящих. Возможно, я получил свой Дар от матери, рожденной в горах. И передал его по наследству, когда Верити позаимствовал мое тело, чтобы зачать Дьютифула. Впрочем, я не собирался рассказывать об этом Чейду. Я был уверен, что Дьютифул является сыном духа Верити. Однако вопрос о том, что, возможно, воспользовавшись моим телом, Верити невольно передал своему наследнику мою магию, возник и не желал уходить.

– Фитц, – окликнул меня Чейд, и я вздрогнул, услышав его голос, – мои мысли унесли меня далеко от нашего разговора. – Не волнуйся ты так. Если бы Уэб хотел нам навредить, он не стал бы раскрывать свои карты. Он поплывет с нами на Внешние острова, и мы сможем за ним присмотреть. И поговорить с ним. В особенности ты. Тебе следует сделать вид, что ты хочешь побольше узнать про Дар. Это поможет тебе завоевать его доверие.

Я тихонько вздохнул. Я устал от обмана и сказал это Чейду.

Он язвительно фыркнул:

– Ты родился для обмана, Фитц. И я тоже, как и все бастарды. Мы очень непростые штучки, сыновья, но не наследники, в наших жилах течет королевская кровь, но мы не принцы. Я думал, что ты уже давным-давно с этим смирился.

– Я попробую получше познакомиться с Уэбом за время нашего путешествия и постараюсь узнать о его планах, – ответил я.

Чейд серьезно кивнул.

– Корабль – отличное место для этого. Делать там нечего, остается только разговаривать. А если окажется, что он представляет для нас опасность... тогда и решим.

Ему не было необходимости добавлять, что в море с человеком может многое случиться. Я жалел, что он упомянул об этом. А он продолжал:

– Это ты подал Старлинг идею, что она должна плыть с нами? Потому что она попросила разрешения. Произнесла длинную речь перед королевой, заявила, что только менестрель может привезти домой правдивый рассказ о подвигах принца.

– Не я, конечно. Королева дала свое согласие?

– Я отказал Старлинг под предлогом, что все места на корабле принца уже заняты и с нами поплывет менестрель Кокл, который давно вызвался сопровождать нас. А что? Ты думаешь, от нее будет польза?

– Нет. Я боюсь, что это мое последнее приключение, и чем меньше правды о нем доберется до дома, тем лучше.

Я обрадовался, что Чейд отказал Старлинг, а с другой стороны, где-то в глубине души испытал разочарование. Мне стало стыдно, и я решил не давать воли этому чувству.

На следующий день мне удалось повидать Неда. Встреча получилась короткой, и мы разговаривали, пока он работал. Один из подмастерьев выполнял заказ на инкрустацию и поручил Неду ошкурить детали. Задание показалось мне смертельно скучным, но Нед был явно поглощен работой, когда я к нему подошел. Он устало улыбнулся, увидев меня, и с очень серьезным видом взял из моих рук маленькие подарки, которые я для него приготовил.

Когда я спросил, как у него идут дела, он не стал притворяться, что не понял моего вопроса.

– Мы со Сваньей по-прежнему вместе, ее родители ничего не знают, и я продолжаю совмещать встречи с ней с обязанностями ученика. Я надеюсь, что, если мне удастся проявить себя здесь, я быстрее стану подмастерьем. И тогда отец Сваньи, возможно, отнесется ко мне как к подходящему кандидату в мужа дочери. – Он вздохнул. – Я устал прятаться, Том. У меня такое впечатление, что Сванье это нравится, делает ее жизнь более яркой. Ну а я... я люблю, когда все правильно. Вот получу работу подмастерья и все исправлю.

Я успел вовремя прикусить язык и не стал ему говорить, что иногда ученичество продолжается годами. Мы оба это знали и без моих напоминаний. Главное, что Нед не увиливал от своих обязанностей, а, наоборот, изо всех старался выполнять их как можно лучше, чтобы добиться успеха и осуществить свою мечту. А чего еще можно желать? Я обнял сына и сказал, что буду скучать по нему. Он сильно сжал меня в объятиях в ответ и проговорил: «Тебе не придется краснеть за меня, Том. Обещаю, тебе не придется краснеть за меня».

Вместе с остальными стражниками я погрузил свой сундучок в фургон и отправился в доки. В городе вовсю готовились к Весеннему празднику. Гирлянды цветов украшали двери, повсюду были развешаны флаги. Двери таверн и кабаков стояли гостеприимно распахнутыми, а песни и соблазнительные ароматы манили прохожих зайти внутрь. Кое-кто из парней принялся ворчать, возмущаясь, что им придется пропустить праздник, но первый день весны считался благоприятным для начала путешествия.

Завтра утром мы при полном параде проводим принца на борт корабля. Сегодня мы устраивались на борту «Счастливой невесты», по-дружески сражаясь за лучшее место на нижней палубе, отведенной для нас. Здесь было темно, душно и все пропиталось запахом мужчин, которым приходится жить в страшной тесноте, а еще воняло трюмной водой. Я дважды ударился головой о низкий потолок и после этого ходил, согнувшись в три погибели. Похоже, мы будем тут как селетки в бочке, а о тишине и уединении придется забыть. Прокопченные дымом шпангоуты, казалось, выпускали тяжелые, давящие миазмы. Вода громко плескалась о корпус корабля, не давая мне забыть о том, что между мной и холодным морем стоит лишь не слишком толстая деревянная доска.

Отчаянно желая оказаться подальше отсюда, я быстро пристроил свои вещи. Мне было совершенно все равно, какая койка мне достанется. Я решил, что постараюсь как можно больше времени проводить на верхней палубе и свежем воздухе. Примерно половина стражников чувствовали себя вполне сносно, они уже не раз участвовали в подобных путешествиях. Они страшно обрадовались, что нам отвели помещение, отдельное от простых матросов, которых они презирали, считая пьяницами, ворами и забияками. Я подозревал, что моряки относились к стражникам точно так же.

Разобравшись со своими вещами, я поспешил на палубу, но там оказалось полно матросов и пассажиров, у всех были неотложные дела, и все почему-то так и норовили меня толкнуть. Над головой болтались какие-то коробки и ящики, которые путешествовали с берега на борт корабля, а затем отправлялись в трюмы. Матросы орали друг на друга или дико поносили всех остальных за то, что они путаются под ногами.

Покинув корабль, я вздохнул с облегчением. Очень скоро я окажусь узником на его борту, и бежать будет некуда. Но когда я спускался по трапу, внутри у меня все похолодело. На берегу стоял лорд Голден, который был в ярости. У него за спиной топтались слуги с коробками, ящиками, сумками и свертками самого разного вида и размера. Ему не давал пройти перепуганный писец со свитком в руках. Пряча глаза, он качал головой, а лорд Голден на него насккивал.

– Совершенно очевидно, что произошла ошибка! Только, похоже, ты не понимаешь, что это не моя ошибка. Несколько месяцев назад принято решение, что я буду сопровождать принца на Внешние острова. Кто может дать ему более ценный совет, чем я – человек, который много путешествовал и знаком с разнообразными культурами? Так что отойди с дороги! Я сам выберу себе каюту, поскольку ты утверждаешь, будто моего имени в твоём списке нет. Я постараюсь как можно удобнее устроиться на корабле, а ты пойдешь и выяснишь, кто виноват в этой дурацкой ошибке. И побыстрее!

Писец так и не перестал качать головой, а когда он заговорил, я понял, что он повторяет слова, которые уже произносил:

– Лорд Голден, я нижайше сожалею о том, что произошла ошибка. Но мой список составлен лордом Чейдом, он лично передал его мне в руки с самыми строжайшими указаниями пропускать на борт корабля только тех, чье имя в нем значится. Более того, я не имею права покинуть свой пост и, следовательно, не могу выяснить, кто виноват в недоразумении. Я получил четкий приказ. – И, словно надеясь избавиться от лорда Голдена, он добавил: – Возможно, вам отвели место на одном из кораблей сопровождения.

Лорд Голден раздраженно вздохнул. Когда он повернулся к своему слуге, его глаза, казалось, на одно мимолетное мгновение скользнули по моему лицу, и мы встретились взглядами.

– Поставь на землю! – приказал он, и слуга с явным облегчением избавился от тяжелого ящика.

Лорд Голден тут же уселся на него и, скрестив ноги в зеленых панталонах, величественно махнул рукой своим людям.

– Эй, вы! Ставьте вещи там, где стоите.

– Но... вы загораживаете... прошу вас, лорд Голден...

Он проигнорировал отчаянный вопль писца.

– Я останусь здесь до тех пор, пока дело не будет улажено, – обиженным тоном объявил он и сложил на груди руки.

Гордо вскинув голову, лорд Голден принялся изучать воду, словно больше ничто на свете его не интересовало.

Писец быстро заглянул ему за спину и увидел, что он очень эффективно заблокировал подходы к кораблю. Другие пассажиры, а также грузчики с носилками, полными припасов, начали собираться позади него. Писец сделал глубокий вдох и постарался придать суровости своему голосу:

– Лорд Голден, вам придется уйти с дороги и убрать свои вещи, пока ваш вопрос не будет решен.

– Даже не подумаю. Полагаю, тебе следует отправить посыльного к лорду Чейду, чтобы он распорядился пропустить меня на борт. На меньшее я не согласен.

У меня упало сердце. Я знал, что его слова предназначены для меня, а не для несчастного писца. Шут меня видел и думал, что я поспешу в замок и сообщу о случившемся Чейду, а тот быстро все уладит. Он еще не подозревал, что это я ему все устроил и что, даже если я и сожалею о случившемся, Чейд будет достаточно тверд и пойдет до конца. В тот момент, когда я отворачивался, чтобы не видеть безобразия, которое он устроил на берегу, я успел заметить, что он едва заметно мне подмигнул. Вне всякого сомнения, он надеялся, что скандальный отъезд лорда Голдена из Баккипа станет темой будущих легенд.

Я больше не хотел смотреть на его представление и зашагал по крутым улочкам города в сторону замка, уговаривая себя, что у меня нет причин переживать. Лорд Голден будет сидеть на своем месте до тех пор, пока его оттуда не изымут – тем или иным способом. И не более того. А когда завтра мы отплывем без него, ну, он останется в безопасности Баккипа, нам же предстоит справляться со скукой и неудобствами долгого путешествия. И не более того.

Однако остаток дня тянулся бесконечно. После суматохи сборов последние часы казались невыносимыми. Все было сделано, заняться нечем. Мое место в бараке опустело, если не считать оружия и одежды, которую я надену завтра. Стража принца будет выглядеть просто великолепно – легинсы, рубашка и верхняя туника, все традиционного синего цвета. На груди вышит олень Видящих. Сапоги были сделаны на заказ, по моей ноге, и нигде не жали. Я уже промазал их жиром, чтобы они не промокали. И хотя наступила весна, нам выдали плащи из толстой шерсти, чтобы они защитили нас от холодов Внешних островов. Великолепный меч, подарок Шута, словно немой укор, лежал поверх одежды. Я оставил его там, понимая, что в бараке, где единственным достоянием человека является его честь, он в полной безопасности.

В моей рабочей комнате в башне ничего не изменилось; если Чейд и заметил, что теперь над камином висит меч Чивэла, он не посчитал возможным прокомментировать этот факт. Я бесцельно расхаживал по комнате, убирая мелочи, которые Чейд разбросал, когда собирал свои вещи. Карты Внешних островов и бумаги, которые, по его мнению, могли нам пригодиться, уже были упакованы. Так что мне ничего не оставалось, как лечь на кровать и играть с Джилли. Но вскоре хорьку это надоело, и он отправился охотиться на крыс. Я же пошел в бани, как следует помылся, а потом дважды побрился. Затем в своем бараке улегся на узкую койку. В полупустой комнате царила тишина. Лишь несколько стариков решили, как и я, лечь спать пораньше. Остальные проводили вечер в городе, где наверняка весьма шумно и сердечно прощались с тавернами и шлюхами. Я закутался в одеяло и уставился в потолок.

Я раздумывал над тем, насколько Шуту хватит упрямства, чтобы попытаться последовать за нами. Чейд заверил меня, что он не сможет отплыть из Баккипа. Ему придется отправиться в другой порт и заплатить огромные деньги, чтобы уговорить какого-нибудь капитана выполнить его просьбу. У лорда Голдена таких денег нет. Кроме того, я сомневался, что после своих недавних эскапад он сможет найти кого-нибудь, кто согласится дать ему в долг. Иными словами, он застрял в Баккипе.

И естественно, он страшно разозлится на меня. У Шута острый ум, и он быстро сообразит, что случившееся – моих рук дело. Он поймет, что я предпочел его жизнь тому, что он считал своей судьбой. Предполагалось, что Изменяющий должен помочь миру выйти на новую дорогу, а не мешать своему Белому Пророку.

Я закрыл глаза и вздохнул. Мне потребовалось сделать несколько попыток, прежде чем я сумел успокоиться. Когда наконец я начал погружаться в сон, я потянулся к Неттл. На этот раз она была одета в платье из крылышек бабочек и сидела на дубе. Я посмотрел на нее с кочки под деревом. Я снова превратился в волка, как и всегда в ее снах.

– Сколько мертвых бабочек, – печально проговорил я и покачал головой.

– Не говори глупостей, это всего лишь сон.

Неттл выпрямилась на ветке и прыгнула вниз. Я встал на задние лапы и протянул руки, чтобы ее поймать, но крылышки вдруг разом затрепетали, и она, легкая как пушинка, медленно опустилась на землю рядом со мной. Большая желтая бабочка, точно бант, украшала ее волосы, платье постоянно меняло цвет и переливалось, бабочки лениво шевелили крылышками.

– Хм. А разве их лапки тебя не щекочут?

– Нет. Ты не забыл? Это сон. Здесь легко избавиться от неприятных вещей.

– А кошмары тебе никогда не снятся? – не в силах скрыть восхищение, спросил я.

– Думаю, снились, когда я была очень маленькой. Теперь никогда. Зачем оставаться во сне, который тебе не нравится?

– Не все из нас умеют контролировать свои сны, детка. Ты должна радоваться, что тебе это по силам.

– А тебе кошмары снятся?

– Иногда. Помнишь, где ты меня нашла в прошлый раз? Я спускался по очень крутому и опасному склону.

– Ах да. Помню. Только я решила, что тебе это нравилось. Некоторые люди любят опасности.

– Возможно. А некоторые уже пресытились опасностями и, будь на то их воля, постарались бы избежать кошмаров.

Она медленно кивнула.

– Иногда у моей матери бывают ужасные кошмары. Даже когда я там появляюсь и уговариваю ее проснуться, она не может. Она не может или не хочет меня видеть. А отец... Я знаю, что у него случаются плохие сны, потому что иногда он кричит по ночам. Но в его сны я никогда не могу попасть.

Она остановилась на мгновение, чтобы подумать.

– Мне кажется, он снова начал пить именно из-за этого. Когда он пьян, он проваливается в забытие, вместо того чтобы заснуть. Как ты думаешь, может быть, он прячется от своих кошмаров?

– Не знаю, – сказал я, жалея, что она рассказала мне все это. – У меня для тебя новости, которые понравятся им обоим. Свифт возвращается домой.

Неттл хлопнула в ладоши и глубоко вздохнула.

– Спасибо тебе, Сумеречный Волк. Я знала, что ты мне поможешь.

Я постарался напустить на себя суровый вид.

– Мне не пришлось бы тебе помогать, если бы ты вела себя разумно. Свифт еще слишком молод, чтобы встать на ноги и жить самостоятельно. Ты не должна была идти у него на поводу.

– Теперь я это понимаю. Почему жизнь не может быть такой же, как сны? Во сне, если что-нибудь идет не так, как мы задумали, можно легко все изменить.

Она дотронулась руками до плеч и одернула платье, и я вдруг увидел, что оно из маковых лепестков.

– Видишь? Больше нет щекотных лапок. Ты просто должен прогнать прочь то, что тебе не нравится.

– Именно так ты отослала драконицу?

– Драконицу?

– Ты знаешь, кого я имею в виду. Тинталью. Вначале она кажется маленькой ящеркой или пчелой, затем становится все больше и больше, а потом ты ее прогоняешь.

– А... Так вот ты о ком.

Неттл нахмурилась.

– Она приходит только вместе с тобой. Я думала, она – часть твоего сна.

– Нет. Тинталья вообще не является частью сна. Она так же реальна, как и мы с тобой.

Внезапно меня встревожило, что Неттл не поняла этого. Может, наши беседы во сне подвергают ее большей опасности, чем я думаю?

– Кто же она, если не сон?

– Я говорил тебе. Это драконица.

– Драконов не бывает, – провозгласила Неттл со смешком, чем повергла меня в молчание, длившееся, однако, недолго.

– Ты не веришь в драконов? Но в таком случае кто спас Шесть Герцогств от красных кораблей?

– Я думаю, солдаты и матросы. Не имеет значения, не правда ли? Все это было давно.

– Для некоторых из нас это имеет огромное значение, – пробормотал я. – Особенно для тех, кто был там.

– Наверное, но я заметила, что очень не многие могут рассказать о том, что там происходило в действительности и что спасло Шесть Герцогств. Они видели драконов далеко в небе, а потом начали тонуть красные корабли. А драконы к тому времени уже исчезли из виду.

– Драконы необычным образом влияют на человеческие воспоминания, – объяснял я. – Они... они как будто поглощают их, проходя мимо людей. Как тряпка, которая впитывает пролитое пиво.

Неттл ухмыльнулась.

– Но если это правда, почему Тинталья не влияет на нас?

Я предупреждающе поднял руку.

– Давай больше не будем упоминать ее имя. Я бы не хотел встретиться с ней вновь. Я думаю, мы помним ее, потому что она появляется, как создание сна, а не реальное существо. А может быть, она не отнимает наших воспоминаний, потому что она из плоти и крови, а не...

Я вспомнил, с кем говорю, и остановился. Я слишком много ей рассказал. Если я не начну следить за собой, она скоро узнает от меня о драконах, вырезанных из камня памяти при помощи Силы, и об Элдерлингах, существах из баллад и легенд.

– Продолжай, – упрасивала она меня. – Если Тинталья не из крови и плоти, из чего же она может быть сотворена? И почему она нас спрашивает про черного дракона? Не хочешь же ты сказать, что он тоже настоящий?

– Не знаю, – осторожно ответил я. – Я даже не уверен, что он и вправду существует. Давай не будем сейчас это обсуждать.

Я начал нервничать уже после того, как она упомянула имя Тинталья. Казалось, оно предательски мерцает в воздухе, словно дым от костра, на котором мы готовим еду.

Если имя и наделено магией, которая призывает его владельца, когда мы произносим его вслух, этой ночью нам повезло. Я попрощался с Неттл. Почему-то, покидая ее сон, я вернулся в свой кошмар. Я поскользнулся, и каменистый склон начал уходить у меня из-под ног. Я падал навстречу своей смерти. И вдруг услышал, как Неттл кричит: «Преврати свое падение в полет, Сумеречный Волк! Представь сон, в котором ты летишь». Но я не знал, как последовать ее совету. Вместо этого я резко сел на своей узкой койке в казарме.

Близилось утро, и уже почти все кровати были заняты. Впрочем, немного времени, чтобы поспать, еще осталось. Я не мог уснуть и встал раньше обычного. Ни один из моих приятелей не пошевелился. Я надел новую форму и довольно долго пытался убедить свои волосы не падать на лицо. Я подстриг их в память о Ночном Волке, и они еще не отросли, чтобы их можно было завязывать в хвост. Я стянул их в смешной обрубок, понимая, что скоро они выбьются из прически и будут висеть, обрамляя мое лицо.

Потом я отправился в караулку и усердно съел роскошный завтрак, который приготовила для нас кухня. Я знал, что надолго прощаюсь с нормальной едой, и поэтому взял горячее мясо, свежий хлеб и кашу с медом и сливками. Если море будет бурным и кок побоится разводить огонь, нам придется есть пищу холодной и закусывать черствым хлебом. Не слишком радужная перспектива.

Я вернулся в казарму и обнаружил, что большинство моих товарищей уже просыпаются. Я наблюдал, как они натягивают синие туники и жалуются на тяжелые шерстяные плащи в теплый весенний день. Чейд никогда не признавал этого, но я подозревал, что некоторое количество стражников являются одновременно и его шпионами. Они держались тихо и настороженно, и я понял, что они видят больше, чем кажется на первый взгляд.

Риддл, молодой человек лет двадцати, был, наоборот, чересчур возбужден. Дюжину раз он обращался к зеркалу, уделяя огромное внимание своим новеньким усам. Это он настоял на том, чтобы одолжить мне помаду для волос, заявив, что не может допустить, чтобы я отпра-

вился в путь в такой важный день похожим на нечесаного крестьянина. Сам он тщательно нарядился и теперь сидел на своей койке, нетерпеливо постукивал ногой по полу и не смолкая болтал. Сначала он принялся дразнить меня из-за слишком роскошной рукояти моего меча, а потом стал расспрашивать, правда ли, что убить дракона можно, попав ему в глаз стрелой. Его бьющая через край энергия раздражала, как пес, который путается под ногами. Я испытал истинное облегчение, когда Лонгвик, наш новый капитан, приказал нам строиться снаружи.

Его приказ вовсе не означал, что пришла пора отправиться в путь. Просто нам следовало выстроиться и ждать принца и его свиту. Стража проводит гораздо больше времени в ожидании, чем в сражениях и на учениях. Это утро не стало исключением. Прежде чем мы получили приказ сдвинуться с места, я выслушал исключительно подробный отчет о трех любовных приключениях Хеста, причем Риддл помогал ему, задавая наводящие вопросы. Впрочем, нам следовало пройти лишь во двор перед главным входом в замок. Здесь мы перестроились, окружив лошадь принца и конюха, и еще немного подождали. Вскоре к нам присоединились слуги и лакеи, которые, как и мы, были одеты и расставлены во дворе в соответствии с положением их хозяев. Одни из них придерживали головы лошадей, другие вывели на поводках собак. А третьи, как мы, просто стояли в новой форме, с оружием в руках и ждали.

В конце концов появился принц со своей свитой. За ним по пятам шли Олух и Сада, женщина, которая присматривала за дурачком в подобных ситуациях. Сегодня принц даже не посмотрел в мою сторону; я был таким же безликим, как и все остальные. Королева и ее свита шествовали впереди нас, а Чейд и его эскорт – позади. Я заметил Сивила с кошкой, он о чем-то разговаривал с Уэбом, когда они заняли свои места в процессии. Несмотря на возражения Чейда, королева объявила, что «несколько ее друзей Древней Крови» отправятся на Внешние острова вместе с принцем. Двор отреагировал по-разному. Кто-то говорил, что скоро мы увидим, есть ли какая-нибудь польза от Звериной магии. Другие бормотали, что по крайней мере Одаренные уберутся из Оленьего замка.

За ними шли придворные, которые будут сопровождать Дьютифула в его путешествии: одни увязались, чтобы завоевать расположение принца, другие – в надежде разведать возможности торговых сделок с Внешними островами. Замыкали шествие те, кто попрощается с нами на берегу и останется на Весенний праздник в Баккипе. Я отчаянно вертел головой, однако мне так и не удалось увидеть лорда Голдена. К тому моменту, когда Дьютифул вскочил в седло и мы безупречным строем направились к воротам замка, казалось, все его обитатели собрались нас проводить. Я поблагодарил судьбу, что мое место оказалось в передних рядах процессии, поскольку, когда все пройдут, дорога будет представлять собой почти непреодолимое препятствие из жидкой грязи и конского навоза.

Мы добрались до кораблей, но на этом дело не закончилось – не могли же мы просто взойти на борт и отплыть. Некоторое время ушло на речи, цветы и подарки. Я бы не удивился, если бы увидел на пристани лорда Голдена с вещами и слугами, но его там не оказалось. Я с беспокойством задавал себе вопрос: что с ним случилось? Он исключительно изобретательный человек. Неужели ему удалось найти способ попасть на борт корабля?

Я терпеливо перенес все формальности, потом мы проводили Дьютифула на борт корабля, и он сразу же направился в свою каюту, где еще некоторое время должен был принимать аристократов, которые не будут нас сопровождать и захотят попрощаться с принцем. Тем временем остальные пассажиры устраивались на корабле. У каюты принца выставили несколько стражников, и наш отряд, в том числе и я, получил приказ отправляться на нижнюю палубу, чтобы не путаться под ногами.

Большую часть этого ужасного дня я провел, сидя на своем сундучке. На верхней палубе бурлила жизнь, где-то отчаянно лаяла собака. У меня было ощущение, будто меня засунули в гроб и кто-то из всех сил колотит по нему палкой. Сумеречный, вонючий гроб, добавил я про себя, который окутывает вонь трюмной воды и в который напихали такое количество людей,

что они орут, чтобы услышать друг друга. Я попытался отвлечься размышлениями о Шуте и о том, что с ним могло произойти, но от этих мыслей стал задыхаться еще сильнее. Тогда я опустил подбородок на грудь, закрыл глаза и попытался остаться в одиночестве.

Не помогло.

Риддл плюхнулся на сундучок рядом со мной.

– Ну и вонища тут! Думаю, будет еще хуже, когда мы отплывем и трюмная вода начнет плескаться у нас под ногами.

– Наверное.

Я не хотел думать об этом раньше времени. Мне уже приходилось плавать на кораблях, но тогда я спал на палубе или, по крайней мере, имел туда свободный доступ. Здесь же, в замкнутом, сумеречном пространстве, даже от ритмичного покачивания корабля у причала у меня разболелась голова.

– Ну ладно. – Он пнул ногой сундучок, и у меня возникло ощущение, будто он треснул меня по голове. – Я еще ни разу не был в море. А ты?

– Пару раз. На небольших кораблях, где у меня по меньшей мере был свет и воздух. Так – никогда.

– Понятно. А на Внешних островах ты был?

– Нет.

– Ты в порядке, Том?

– Не очень. Слишком много выпил вчера и не выспался.

Вранье сработало. Риддл ухмыльнулся, дружелюбно пихнул меня в бок и оставил в покое. Шум давил на меня со всех сторон. Я чувствовал себя ужасно, был напуган и жалел, что съел столько сладкого за завтраком. Никто не обращал на меня внимания. Воротник моей куртки оказался слишком тугим, а Сада уже покинула корабль и ничем не могла мне помочь.

– Олух, – прошептал я, сообразив наконец, в чем причина моих неприятных ощущений.

Я выпрямился, вдохнул мерзкого воздуха, и меня затошнило, но я справился. Затем я потянулся к нему:

Эй, дружочек. Ты в порядке?

Нет.

Где ты?

В маленькой комнате. Здесь круглое окно и пол качается.

Тебе лучше, чем мне. У меня окна нет.

Пол качается.

Я знаю. Все будет хорошо. Скоро лишние люди покинут корабль, моряки отдадут швартовы и мы отправимся навстречу нашему приключению. Здорово будет, правда?

Нет, я хочу домой.

Как только мы отплывем, будет лучше. Вот увидишь.

Не будет. Пол качается. А еще Сада сказала, что у меня будет морская болезнь.

Я пожалел о том, что никому не пришлось в голову предупредить Саду, чтобы она не пугала Олуха.

Сада поплывет с нами? Она на борту?

Нет. Только я, один-одинешенек. У Сады ужасная морская болезнь. Она меня жалела, что мне придется плыть. Сказала, для нее день на корабле все равно что год. И что тут совсем нечего делать, только тошнить, тошнить, тошнить.

К сожалению, Олух был совершенно прав. День клонился к вечеру, когда провожающих выпроводили с корабля. Мне удалось подняться на палубу, но лишь на короткое время, поскольку капитан отчаянно поносил стражников и приказал нам отправляться вниз и не мешать команде работать. Я успел бросить короткий взгляд на толпу, собравшуюся на берегу,

но Шута нигде не было видно. Я ужасно боялся встретить его обвиняющий взгляд, но, обнаружив, что его там нет, заволновался еще больше.

А потом меня вместе с остальными стражниками выпроводили на нижнюю палубу и у нас над головой задраили люки, совсем лишив света и воздуха. Я снова уселся на свой сундук. Отвратительный запах просмоленного дерева стал еще сильнее. Наверху капитан отдавал команды, наш корабль медленно отчаливал от пристани. Постепенно звуки начали меняться, капитан выкрикивал непонятные приказы, и я слышал топот босых ног.

Потом отошли лодки, корабль словно нырнул в пустоту, а затем ритм его движения снова изменился. По-видимому, ветер надул паруса. Ну вот, мы наконец покинули Баккип. Кто-то пожалел нас и чуть-чуть приоткрыл люк, однако от этого стало только хуже.

– Мне уже скучно, – пожаловался Риддл, который стоял рядом со мной и ковырял ножом в деревянной переборке корабля.

Я издал неопределенный звук, но он своего занятия не оставил.

Ну, Том Баджерлок, вот мы и отплыли. Как у тебя дела?

Настроение у принца было приподнятое. А чего еще можно ожидать от пятнадцатилетнего мальчишки, впервые отправившегося в морское путешествие, да еще чтобы убить дракона и завоевать руку нарчески? Я чувствовал присутствие Чейда где-то на заднем плане и решил, что он сидит за столом рядом с принцем и пальцы Дьютифула легко касаются его руки. Я вздохнул. Нам еще многое предстоит сделать, чтобы наш круг Силы начал работать.

Мне ужасно скучно. А Олух расстроен.

Что ж, думаю, тебе понравится дело, которое я для тебя придумал. Сейчас я пошлю человека к вашему капитану. Олух на корме, и компания ему не повредит. Ты пойдешь к нему.

Я безошибочно определил, что это Чейд обращается ко мне через принца.

Его уже тошнит?

Нет еще. Но он убедил себя, что непременно будет.

Ну, по крайней мере, я смогу выбраться на свежий воздух, мрачно подумал я.

Через некоторое время капитан Лонгвик выкрикнул мое имя. Когда я подошел, он сообщил, что я должен заняться слугой принца Олухом, которому стало плохо. Он на корме. Парни, услышавшие его распоряжение, принялись потешаться надо мной, будто бы меня назначили нянькой к полоумному. Я ухмыльнулся и заявил, что уж лучше находиться на верхней палубе с одним полоумным, чем внизу с целой кучей придурков. Под дружный хохот я взобрался вверх по лестнице и глотнул наконец свежего морского воздуха.

Олух стоял на корме, вцепившись руками в борт, и печально провожал глазами Баккип. Черный замок, притулившийся на скале, медленно исчезал из виду. Рядом с Олухом я увидел Сивила и его охотничьего кота. Вид у обоих был не то чтобы слишком счастливый, а когда Олух перевешивался через перила и издавал весьма характерные звуки, кот прижимал уши.

– Олух, пришел Том Баджерлок. Теперь с тобой все будет в порядке, не так ли?

Сивил коротко мне кивнул – аристократ и стражник. Как и всякий раз, когда мы встречались, он испытующе посмотрел на меня. Сивил понимал, что я не тот, за кого себя выдаю. Однажды я спас ему жизнь, когда его чуть не прикончили Полукровки в Баккипе. Естественно, он не раз спрашивал себя, как так получилось, что я появился очень вовремя и пришел к нему на помощь. Меня же, в свою очередь, мучил вопрос, что успел рассказать ему Лодвайн про меня и лорда Голдена. Мы никогда об этом не говорили, и я не собирался ничего менять. Напустив на себя равнодушное выражение, я поклонился.

– Я выполняю приказ, господин, – старательно изображая уважение, проговорил я.

– Я рад тебя видеть. Ну, до свидания, Олух. Ты в хороших руках. А я возвращаюсь в свою каюту. Уверен, что скоро тебе будет лучше.

– Я умру, – с отчаянием в голосе ответил Олух. – Я вытошню все свои внутренности и умру.

Сивил с сочувствием посмотрел на меня, но я сделал вид, что ничего не заметил, и встал рядом с Олухом. Он снова свесился за борт и начал издавать душераздирающие звуки. Я крепко вцепился в его куртку. Н-да, вот вам и приключение на море.

VI

Сказочное путешествие

...другие виды всеми презираемой Звериной магии. Невежественные считают, что Дар дает людям возможность разговаривать с животными (так, что другие их не слышат), а также изменять свой облик с дурными намерениями. Ганроди Лиан, последний из людей, открыто признававший при дворе, что он имел... (большой кусок пергамента обгорел) для исцеления рассудка. Он утверждал, что от животных обретают чутье на лечебные травы, а также осторожность... (эта часть здесь заканчивается, и начинается фрагмент из другого пергамента)... положил руки ей на голову, держал ее и смотрел в глаза. Так он стоял над ней, пока свершалась страшная операция, и она ни разу не отвела глаз и не вскрикнула от боли. Я видел это сам, но... (снова обгоревший край. Последние три слова могут быть следующими: «...но не осмелился рассказать».)

Отрывки из посвященного Дару манускрипта мастера Силы Лефтвелла, которые Чейду Фаллстару удалось восстановить по обгоревшим фрагментам, найденным в стене замка Баккип

Мне удалось дотянуть до следующего утра, прежде чем и меня вытошнило. Я сбился со счета, сколько раз я цеплялся за куртку Олуха, который то и дело свешивался за борт, отдавая морю содержимое своего желудка. Насмешки матросов не облегчали моего положения, и, если бы я мог отойти от Олуха, я бы поквитался с парочкой зубоскалов. Их издевки были не такими добродушными, как моих товарищей, которые сами чувствовали себя на море не лучшим образом. Матросы напоминали мне ворон, слетевшихся поизмываться над одиноким орлом.

Олух у них не считался за человека – какой-то гнусный безмозглый растяпа, и они страшно радовались его мучениям как лишнему доказательству того, что он по сравнению с ними существо низшее. Даже когда к нам присоединились еще несколько страдалцев, больше всего доставалось дурачку.

Матросы слегка притихли, когда принц и Чейд вышли вечером прогуляться по палубе. Морской воздух и возможность покинуть стены Оленьего замка пошли принцу на пользу, он казался оживленным и полным сил. Когда он остановился, чтобы о чем-то тихо поговорить с Олухом, Чейд встал рядом со мной и незаметно положил свою руку так, что она касалась моей. Он повернулся ко мне спиной и сделал вид, что прислушивается к разговору принца с Олухом.

Как он?

Чувствует себя отвратительно и ужасно страдает. Чейд, насмешки матросов только усугубляют положение.

Я этого боялся. Но если принц сделает им выговор, капитан не оставит его без внимания. Ты же знаешь, что последует.

Да. Они сумеют отыскать тысячу возможностей сделать жизнь Олуха невыносимой.

Именно. Так что постарайтесь не обращать на них внимания. Думаю, скоро им надоест. Тебе что-нибудь нужно?

Пара одеял. И ведро свежей воды, чтобы он мог полоскать рот.

Я оставался рядом с Олухом всю ночь, показавшуюся мне бесконечной, чтобы не дать ему ненароком свалиться за борт и защитит от нападков матросни, которая вполне могла перейти от слов к делу. Дважды я пытался уговорить его пойти в каюту. Но мы успевали сделать лишь несколько шагов, и его снова начинало тошнить. Даже когда в желудке у него ничего не оста-

лось, он категорически отказывался покинуть палубу. Глубокой ночью на море поднялось волнение, и к утру ветер принес дождь. Олух промок и замерз, но не желал расставаться с перилами.

– Ты можешь блевать в ведро, – сказал я ему. – Внутри тепло.

– Нет, мне плохо, я даже шевелиться не могу, – простонал он.

Олух сосредоточился на своем состоянии и твердо решил быть несчастным. Я ничего не мог с этим поделать. Оставалось лишь надеяться, что со временем, когда он уже не сможет больше переносить свои страдания, он согласится пойти в каюту.

На рассвете Риддл принес мне завтрак. Я начал подозревать, что этот наивный и добродушный паренек на самом деле состоит на службе у Чейда, который приставил его ко мне. Жаль, конечно, но все равно я был ему благодарен за миску теплой каши. Несмотря на морскую болезнь, Олух проголодался, и мы поделили завтрак. Этого делать не следовало, потому что вид каши, покидающей желудок Олуха, заставил и меня расстаться со своей порцией.

У меня сложилось впечатление, что это стало единственной радостью Олуха за все утро.

– Видишь, у всех морская болезнь. Мы должны вернуться в Баккип.

– Мы не можем, малыш. Мы должны плыть дальше, к Внешним островам, чтобы принц убил дракона и получил руку нарчески.

Олух тяжело вздохнул. Его начало трясти от холода, несмотря на то что он был закутан в несколько одеял.

– Мне она не нравится. И принцу тоже. Может оставить свою руку себе. Давай вернемся домой.

Я был с ним полностью согласен, однако вслух ничего не сказал.

– Я ненавижу корабль, – продолжал он. – Зачем я согласился на нем плыть?

Странно, порой человек привыкает к каким-то вещам настолько, что перестает обращать на них внимание. Только когда Олух произнес эти слова вслух, я понял, насколько глубоко они соответствуют его дикой песне Силы, которая всю ночь билась в мои защитные стены и состояла из мелодии хлопающих на ветру парусов, скрипа снастей и обшивки, плеска волн, ударяющих в корабль. Олух превратил эти звуки в песнь отвращения и страха, страдания, холода и скуки. Он вытащил на свет все худшее, что может человек почувствовать к кораблю, и создал гневный гимн.

Не все люди ощущают присутствие Силы, но те, что чувствуют его, обязательно испытают беспокойство. А на близком расстоянии песня Олуха непременно вселит тревогу и страх в сердца матросов.

Я несколько минут наблюдал за командой. Они работали толково, но с сердитыми лицами. Их действия были окрашены злобой, и боцман, дававший им задания, внимательно следил за малейшим проявлением рассеянности или лени. Слаженность их действий, которую я заметил, когда они снаряжали корабль, исчезла, и я почувствовал, что они начинают двигаться вразнобой.

Как осиное гнездо, обитатели которого почувствовали глухой удар топора, раздающийся у основания дерева, они сновали со злостью, не имевшей пока мишени. И если бы их ярость продолжала расти, они запросто могли бы подраться или, что еще хуже, устроить мятеж на корабле. Я видел, как закипает вода в котелке, и понимал, что, если я ничего не сделаю, кипятик выплеснется на нас.

Олух, у тебя слишком громкая музыка. И очень пугающая. Ты можешь сделать ее другой? Спокойной. Нежной, как песня твоей матери?

Не могу! – при помощи Силы жалобно пролепетал он. – *Я сильно болен.*

Олух, ты пугаешь моряков. Они не понимают, откуда берется твоя песня. Они ее не слышат, но некоторые чувствуют, совсем чуть-чуть. Это расстраивает их.

Мне все равно. Они злые, они меня обижают. Пусть повернут корабль назад.

Они не могут, Олух. Команда должна подчиняться капитану, а тот, в свою очередь, обязан делать то, что скажет принц. А принцу нужно попасть на Внешние острова.

Он должен заставить их вернуться. Я сойду и останусь в Оленьем замке.

Но, Олух, мы не можем без тебя обойтись.

Я умираю. Мы должны вернуться.

И с этой мыслью его музыка превратилась в крещендо страха и отчаяния. Неподалеку группа моряков натягивала дополнительные паруса. Свободные штаны матросов развевались на ветру, но они, казалось, этого не замечали. Мускулы выступали на обнаженных руках, когда они медленно натягивали паруса. Но как только мрачная песня Олуха настигла их, действия команды потеряли свою ритмичность. Тот матрос, что стоял первым, взял на себя слишком большой вес, не удержался на ногах и со злым возгласом полетел вперед. В следующее мгновение моряки вернулись к прерванному занятию, но мне этого было достаточно.

Я начал мысленно искать принца. Он играл с Сивилом в кости в своей каюте. Я поспешно рассказал ему о новой проблеме.

Ты можешь передать Чейду?

Это будет не просто сделать. Он здесь, наблюдает за нашей игрой. А еще тут Уэб и его мальчик.

У него есть мальчик?

Да, Свифт.

Он на борту?

Ты его знаешь? Он появился вместе с Уэбом и, похоже, служит пажом. Почему ты спросил? Это важно?

Только для меня, подумал я и поморщился.

Потом. Как только появится возможность, расскажи Чейду. Ты можешь найти Олуха и успокоить его?

Я попробую. Черт! Ты отвлек меня, и Сивил только что выиграл!

Я думаю, это поважнее игры в кости! – раздраженно ответил я и разорвал связь с принцем.

На палубе у моих ног, грустно раскачиваясь из стороны в сторону, сидел Олух; его музыка создавала тошнотворный аккомпанемент его движениям. Но не только это угнетало меня. Я обещал Неттл, что ее брат вернется к ней, и не сдержал слово. Что я мог сказать ей? Я заставил себя не думать о них, потому что сейчас другие проблемы были важнее. Я присел рядом с Олухом.

– Послушай, – тихо сказал я. – Моряки не понимают твоей музыки, и она пугает их. Если это будет и дальше так продолжаться, они могут...

Тут я смешался. Я не хотел, чтобы он боялся матросов. Страх часто ведет к ненависти.

– Пожалуйста, Олух, – беспомощно проговорил я, но он упрямо уставился на волны.

Утро прошло в ожидании Чейда. Я подозревал, что Дьютифул пытается успокоить Олуха Силой, но тот старательно не замечает усилий принца. Я смотрел на след нашего корабля и на другие баккипские суда. Три каракки, похожие на толстых утят, плыли за нами. Еще две маленькие шлюпки служили связными между большими кораблями, позволяя путешествующим аристократам обмениваться сообщениями и навещать друг друга. В шлюпках имелись и весла, и паруса, их использовали для того, чтобы проводить более тяжелые судна через переполненные гавани. Иными словами, Баккип отправил на Внешние острова довольно большую флотилию.

Дождь превратился в мелкую морось, а потом и вовсе прекратился, но солнце по-прежнему пряталось за тучами. Ветер дул не переставая, и я решил объяснить Олуху, что это очень хорошо.

– Смотри, как ветер подгоняет наш корабль. Скоро мы доберемся до Внешних островов. Представляешь, как будет здорово увидеть новые места!

Но Олух проворчал:

– Из-за ветра мы все дальше и дальше от дома. Я хочу назад.

Риддл принес нам обед, состоявший из черствого хлеба, сушеной рыбы и водянистого пива. Думаю, он был страшно рад, что ему удалось выйти на палубу. Стражники по-прежнему оставались внизу, чтобы не мешать матросам. Никто не говорил об этом вслух, но все понимали, что чем дальше мы находимся друг от друга, тем меньше шансов, что между нами возникнет драка. Я помалкивал, зато Риддл болтал без умолку, и я узнал, что стражникам тоже приходится несладко. Кое у кого разыгралась морская болезнь, и они отчаянно ругались и твердили, что ничего подобного раньше с ними не происходило. Плохая новость. Я поел, и мне даже удалось удержать обед в желудке, но уговорить Олуха попробовать хотя бы галеты не получилось.

Риддл забрал миску и ушел. Когда наконец появились принц и Чейд, мое раздражение превратилось в тупое смирение. Пока Дьютифул разговаривал с Олухом, Чейд быстро рассказывал мне, что они с принцем еле-еле сумели уйти из каюты вдвоем. Кроме Уэба, Свифта и Сивила к нему заявили еще три аристократа, которые ни за что не желали уходить. Чейд совершенно справедливо заметил чуть раньше, что на корабле делать нечего, остается только вести бесконечные разговоры, и аристократы, сопровождавшие Дьютифула, решили воспользоваться представившейся возможностью, чтобы завоевать его расположение. Причем весьма рьяно.

– Ну и когда мы вернемся к нашим занятиям Силой? – шепотом спросил я.

– Сомневаюсь, что нам удастся заниматься регулярно, – нахмурившись, ответил Чейд. – Но я постараюсь что-нибудь сделать.

Дьютифул тоже ничего не добился с Олухом, который мрачно смотрел на воду, пока принц что-то говорил ему с самым серьезным видом.

– По крайней мере, нам удалось отплыть без лорда Голдена, – заметил я.

Чейд покачал головой.

– Это оказалось гораздо труднее, чем я думал. Полагаю, ты слышал, что он перекрыл подходы к кораблю, чтобы его пустили на борт. Он сдался, только когда явилась городская стража и арестовала его.

– Ты приказал его арестовать? – в ужасе переспросил я.

– Да ладно, приятель, успокойся. Он аристократ, и против него выдвинуто совсем несерьезное обвинение. С ним будут обращаться не так, как обращались с тобой. Его подержат дня три, ровно столько, чтобы наши корабли успели отойти подальше от Баккипа. Я решил, что так будет проще всего. Мне совсем не хотелось, чтобы он заявился в замок и начал предъявлять мне претензии или, того хуже, потребовал аудиенции у королевы.

– Кетриккен знает, почему мы так поступили?

– Знает. Однако ей это совсем не понравилось. Она считает себя в долгу у Шута. Но не волнуйся. Я позаботился о том, чтобы лорд Голден не смог получить у нее аудиенцию.

Я не думал, что настроение у меня может стать еще хуже, но ошибся. Мне было страшно представить Шута в тюрьме, да и после освобождения его ждал не слишком благодушный прием у аристократии Оленьего замка. Я же прекрасно знал, как действует Чейд: слово здесь, намек или слух, что лорд Голден впал в немилость у королевы, там. К тому моменту, когда он будет на свободе, он станет изгоем. Причем без гроша в кармане и с огромными долгами.

Я хотел лишь оставить его в Баккипе, чтобы защитить, а из-за нас он попал в очень трудное положение. Что я и сказал Чейду.

– О, не беспокойся за него, Фитц. Шут очень способный и изобретательный человек. Он справится. Если бы я поступил иначе, он бы уже мчался за нами по пятам.

Он был совершенно прав, но меня его слова ничуть не утешили.

– Морская болезнь Олуха скоро пройдет, – оптимистично заметил Чейд, – и тогда я распушу слух, что он очень к тебе привязался. Отличный повод, чтобы постоянно оставаться рядом с ним, а иногда и в его каюте, которая примыкает к каюте принца. У нас появится время для занятий.

– Возможно, – не слишком весело проговорил я.

Несмотря на все усилия Дьютифула, нестройная музыка Олуха не становилась тише и спокойнее, что не способствовало улучшению моего собственного настроения. Усилием воли мне удалось уговорить себя, что недомогание Олуха не имеет ко мне никакого отношения.

– Ты уверен, что не хочешь вернуться в каюту? – спросил Олуха Дьютифул.

– Уверен. Там пол поднимается, а потом падает.

У принца на лице появилось озадаченное выражение.

– Но палуба тоже поднимается и опускается.

Теперь удивился Олух.

– Нет. Корабль скачет на воде. Это не так плохо.

– Понятно. – Похоже, Дьютифул потерял надежду договориться с Олухом. – Ладно, скоро ты привыкнешь, и твоя морская болезнь пройдет.

– Ничего не пройдет, – мрачно ответил Олух. – Сада сказала, что меня все будут утешать и говорить, будто я привыкну, но это вранье. Ее тошнит всякий раз, когда она садится на корабль, и ничего никуда не девается. Вот почему она не поплыла со мной.

Я понял, что начинаю ненавидеть Саду, а ведь я даже не был с ней знаком.

– Ну, Сада ошибается, – резко возразил Чейд.

– Ничего не ошибается, – упрямо повторил Олух. – Видишь, меня тошнит. – И он наклонился над перилами.

– У него пройдет, – сказал Чейд, но его голос звучал не так уверенно, как прежде.

– У тебя есть какие-нибудь травы? – спросил я. – Может быть, имбирь?

Чейд остановился.

– Отличная мысль, Баджерлок. Думаю, я смогу что-нибудь найти. Я попрошу заварить для него крепкий имбирный чай и пришлю сюда.

Когда прибыл чай, он пах не только имбирем, но еще валерианой и бальзамником. Я оценил идею Чейда. Сон может стать лучшим лекарством для болезни Олуха. Протягивая ему чашку, я твердо сказал, что это известное средство, которым моряки пользуются при морской болезни, и что оно наверняка ему поможет. Олух с сомнением посмотрел на чашку; по-видимому, мои слова казались ему не настолько заслуживающими доверия, как мнение Сады. Он сделал глоток, решил, что ему нравится вкус имбиря, и осушил чашку до дна. К сожалению, через пару минут чай с такой же скоростью извергся из него в море. Часть пошла носом, ошпарив нежную кожу, и Олух категорически отказался выпить еще даже маленькими глотками.

Я провел на борту корабля два дня, но мне казалось, что не меньше полугода.

Наконец солнце вышло из-за туч, но ветер и брызги уносили то малое тепло, которое оно нам обещало. Закутавшись в сырое одеяло, Олух провалился в сон. Он дергался и стонал, сражаясь с кошмарами, пропитанными его болезненной песней. Я сидел рядом с ним на мокрой палубе и пытался разобраться с заботами, свалившимися на мою голову. Здесь и нашел меня Уэб.

Я поднял голову, и он мне кивнул. Потом он встал около перил и поднял глаза к небу. Проследив за его взглядом, я увидел морскую птицу, которая лениво кружила над кораблем. Я никогда не встречал ее, но догадался, что это Рииск. Связь между человеком и птицей, казалось, была соткана из голубого неба и пенящейся воды. Я почувствовал их общее удовольствие, которым они приветствовали день, и постарался не думать о своем одиночестве. Магия Дара предстала передо мной в своем естественном проявлении, это было единение человека и

животного, их взаимное уважение друг к другу и радость союза. Сердце Уэба парило вместе с птицей. Я знал, что они разговаривают, и представил себе, как Рииск делится радостью полета с человеком.

Только когда я чуть-чуть расслабился, я понял, как сильно были напряжены мои мышцы. Олух погрузился в более глубокий сон, его лицо немного разгладилось, а песня стала не такой пугающей. Покой, который излучал Уэб, коснулся нас обоих, но я понял это не сразу. Его теплое спокойствие окутало меня, и мои страхи и беспокойство куда-то отступили. Возможно, он использовал Дар, но я до сих пор ничего подобного не встречал и не переживал. Я вдруг обнаружил, что улыбаюсь, Уэб улыбнулся мне в ответ, и я увидел, как сверкнули белые зубы.

– Отличный день для молитвы. Впрочем, для молитвы годится любой день.

– Так вот вы что делали! Молились? – Он кивнул, и я поинтересовался: – И о чем вы просили богов?

– Просил? – Уэб удивленно приподнял брови.

– Разве не для этого нужна молитва? Чтобы попросить богов дать тебе то, что ты хочешь.

Уэб рассмеялся, и его голос прозвучал точно порыв ветра, только добрее:

– Думаю, так молятся некоторые люди. Я – нет. Больше – нет.

– В каком смысле?

– Ну, мне кажется, дети просят богов помочь им отыскать пропавшую куклу, чтобы отец принес домой хороший улов рыбы или чтобы никто не вспомнил, что они не выполнили поручения. Дети думают, будто они знают, что для них лучше, и не боятся просить об этом богов. Но я повзрослел много лет назад, и мне стыдно заблуждаться на сей счет.

Я сел, поудобнее прислонившись к лееру. Думаю, если приспособиться к качке, в таком положении можно даже отдохнуть. Мои мышцы отчаянно протестовали, и я понял, что у меня болит все тело.

– Ну хорошо, а как молится взрослый мужчина?

Уэб с изумлением посмотрел на меня, а потом опустился рядом.

– Разве вы не знаете? А как вы сами молитесь?

– Никак. – Впрочем, я подумал немного и, рассмеявшись, поправился: – Если только я не напуган до смерти. Тогда я молюсь, как молятся дети: «Помоги мне выбраться отсюда, и я больше не буду совершать глупостей. Позволь остаться в живых».

Уэб расхохотался вместе со мной.

– Ну, складывается впечатление, что до сих пор все ваши молитвы были услышаны. А вы сдержали слово, данное богам?

Я покачал головой и грустно улыбнулся.

– Боюсь, что нет. Просто я всякий раз нахожу новые приключения на свою голову и совершаю новые глупости.

– Именно. Мы все так поступаем. В конце концов я понял, что недостаточно мудр, чтобы просить что-нибудь у богов.

– Понятно. В таком случае как же вы молитесь, если вы ни о чем не просите?

– Ну, для меня молитва – это скорее возможность послушать, чем попросить. После стольких лет у меня осталась всего одна молитва. Мне потребовалась целая жизнь, чтобы ее найти. Думаю, она одинакова для всех людей; нужно только подумать – и вы поймете.

– И какова же она?

– Подумайте, – улыбаясь, предложил он мне. Потом Уэб встал и посмотрел на воду. Паруса плывущих за нами кораблей раздувались, точно горлышки голубей, ухаживающих за самками. Красивое зрелище. – Я всегда любил море. И начал плавать на кораблях еще прежде, чем научился говорить. Мне жаль, что у вашего друга сложится не слишком приятное впечатление о нашем путешествии. Скажите ему, пожалуйста, что это пройдет.

– Я пытался. Он мне не верит.

– Печально. Ну, желаю вам удачи. Возможно, когда он проснется, ему будет лучше. Уэб уже собрался уйти, когда я вспомнил, что у меня к нему есть дело. Я вскочил на ноги и окликнул его:

– Уэб? Свифт сел на корабль вместе с вами? Помните, мальчик, о котором я вам говорил? Он остановился и повернулся ко мне.

– Да. А что?

Я жестом попросил его подойти поближе.

– Вы помните, что именно с ним я просил вас поговорить? Про Дар?

– Разумеется. Вот почему я так обрадовался, когда он пришел ко мне и предложил стать моим пажом, если я соглашусь взять его к себе и учить. Можно подумать, я знаю, что должен делать паж! – Он рассмеялся такому очевидно забавному предположению, но тут же посерьезнел, увидев мое мрачное лицо. – А что такое?

– Я велел ему возвращаться домой, поскольку узнал, что он не получил разрешения родителей находиться в Оленьем замке. Они думают, что он сбежал из дома, и ужасно переживают из-за его исчезновения.

Уэб молча обдумывал новость, причем на его лице ничего не отразилось. Затем он с сочувствием покачал головой.

– Наверное, это ужасно, когда кто-то, кого ты любишь, вдруг исчезает и ты не знаешь, что с ним стало.

Я подумал о Пейшенс и спросил себя, не для меня ли предназначены его слова. Возможно, и нет, но упрек в них все равно меня задел.

– Я велел Свифту возвращаться домой. Он должен работать в доме своих родителей до тех пор, пока либо не станет взрослым, либо они не отпустят его.

– Так считают некоторые. – Тон Уэба говорил о том, что он не согласен. – Но порой родители предают своих детей, и тогда, я думаю, дети перестают быть их должниками. Я считаю, что дети, с которыми плохо обращаются в семье, поступают мудро, покинув свой дом.

– Плохо обращаются? Я много лет знаком с отцом Свифта. Да, он может дать мальчишке подзатыльник или отругать его, если сын того заслуживает. Но если Свифт сказал, что его били или не уделяли внимания, боюсь, он врет. Баррич на такое неспособен.

Мне стало не по себе, когда я представил, что Свифт мог сказать *такое* про своего отца.

Уэб медленно покачал головой, посмотрел на Олуха, чтобы убедиться в том, что тот спит, а потом ответил:

– Можно ведь и по-другому обидеть ребенка и продемонстрировать ему свое пренебрежение. Отрицать то, что расцветает в его душе, поставить под запрет магию, которую он не звал, навязать невежество, грозящее его благополучию, сказать малышу: «Ты не должен быть тем, что ты есть». Так нельзя. – Его голос звучал мягко, но я услышал в нем осуждение.

– Он воспитывает своего сына так, как воспитывали его самого, – резко возразил я.

Я чувствовал себя необычно, защищая Баррича, ведь я сам столько раз возмущался тем, что он сделал со мной.

– И он не сумел извлечь урок. Ни из собственного невежества, ни из того, как его воспитание повлияло на первого мальчишку, вверенного его заботам. Я хотел бы испытывать к нему жалость, но стоит мне подумать, как сложилась бы ваша жизнь, если бы вы с раннего детства получили правильное образование...

– Он прекрасно меня воспитал! – сердито прервал его я. – Баррич взял меня к себе, когда я был никому не нужен, и я не намерен выслушивать про него всякие мерзости!

Уэб сделал шаг назад, и по его лицу пробежала тень.

– В ваших глазах горит жестокость, – пробормотал он.

Его слова словно окатили меня ледяной водой. Но прежде чем я успел спросить, что он имел в виду, он грустно кивнул мне.

– Возможно, нам следует поговорить об этом чуть позже.

И, быстро развернувшись, Уэб пошел прочь. Я узнал его походку. Она ничем не напоминала бегство. Так Баррич уходил от животного, которое озлобилось от плохого обращения и которое нужно всему учить заново, – очень медленно. Мне стало стыдно.

Я опустил на палубу рядом с Олухом и закрыл глаза. Наверное, я задремал, потому что почти сразу же погрузился в его кошмар. У меня появилось ощущение, будто я спускаюсь по лестнице в шумный прокуренный зал дешевого постоялого двора. Тошнотворная музыка Олуха бушевала в моем сознании, а его страх усиливал качку, – казалось, корабль беспорядочно падает вниз, в пропасть, а потом снова взмывает на гребень волны. Лучше уж не спать, чем этот жуткий сон.

Пока Олух спал, Риддл принес мне миску с соленым жарким и кружку водянистого пива. Он прихватил и свою еду, видимо, чтобы поесть на палубе, а не в тесноте внизу. Когда я собрался разбудить Олуха, чтобы поделиться с ним едой, Риддл меня остановил:

– Пусть бедолага поспит. Если сможет. Ему завидуют все парни внизу.

– Почему?

Он чуть дернул одним плечом.

– Не знаю. Может быть, дело в тесноте. Но ребята напряжены, никто не может толком спать. Половина ничего не ест, опасаясь, что их начнет тошнить, а другие чувствуют себя относительно прилично. Если удастся заснуть, тебя будит чей-то крик во сне. Может быть, через пару дней все утрясется, но сейчас я бы лучше предпочел попасть в загон со злобными псами, чем возвращаться туда. Только что двое парней подрались из-за того, кто получит еду первым.

Я кивнул с умным видом, изо всех сил стараясь скрыть свою тревогу.

– Уверен, что все успокоится. Первые дни всегда самые трудные.

Я ему наврал. Как правило, первые дни, когда путешествие только начинается и тебя еще не успела захватить скука, самые лучшие. Сны Олуха отравляли сон стражников. Я постарался сохранять спокойствие, дожидаясь, когда Риддл уйдет. Как только он собрал наши пустые миски и зашагал прочь, я принялся трясти Олуха, пытаюсь его разбудить. Он сел с жалобным стоном, словно ребенок, которого обидели.

– Тише. Тебя никто не обидит. Олух, послушай меня. Нет, ты помолчи и послушай. Это очень важно. Ты должен заставить замолчать свою музыку или по крайней мере сделать ее тише.

Олух обиделся, что я так грубо его разбудил. Он сморщился, и его лицо стало похоже на сушеную сливу, в круглых глазках появились слезы.

– Я не могу! – заныл он. – Я умру!

Матросы на палубе начали поворачивать в нашу сторону хмурые лица. Один что-то пробормотал и сделал знак, защищающий от несчастий. На каком-то глубинном уровне они понимали, кто виновен в их тревожном состоянии. Олух хлюпал носом и злился, но категорически отказывался сделать свою музыку тише и не желал верить, что морская болезнь пройдет и ему нечего бояться. Я осознал, насколько велика его дикая Сила, только когда попытался добраться до Дьютифула сквозь какофонию его ужаса. Чейд и Дьютифул, видимо сами того не заметив, укрепили свои защитные стены – обращаться к ним при помощи Силы было все равно что пытаться перекрыть ураган.

Когда Дьютифул понял, что он почти не слышит меня, его охватила паника. Было время очередной трапезы, он сидел за столом и не мог без видимой причины встать и уйти. Но ему удалось найти способ сообщить Чейду о наших трудностях. Они быстро закончили есть и поспешили на палубу.

К этому времени Олух снова задремал.

– Я могу составить сильное снотворное, – тихо предложил Чейд. – А потом мы заставим Олуха его выпить.

Дьютифул поморщился.

– Я бы не стал так с ним поступать. Олух долго помнит обиды. Кроме того, что мы выиграем? Он сейчас спит, а его песня звучит так громко, что мертвого из могилы поднимет.

– Может быть, если погрузить его в более глубокий сон... – неуверенно начал Чейд.

– Это опасно для его жизни, – перебил я. – А поможет далеко не наверняка.

– В таком случае у нас только один выход, – тихо проговорил принц. – Повернуть и отвезти Олуха домой. Снять его с корабля.

– Мы не можем этого сделать! – возмущенно вскричал Чейд. – Во-первых, мы потеряем много времени, а во-вторых, нам нужна Сила Олуха, когда дело дойдет до дракона.

– Лорд Чейд, мы уже видим, как Сила Олуха действует на окружающих. Она не подчиняется дисциплине, и мы не в состоянии ее контролировать.

Я уловил в голосе Дьютифула новые нотки – он говорил как истинный правитель и тем напомнил мне Верити, старательно взвешивавшего слова. Я улыбнулся, и принц наградил меня хмурым взглядом. Я тут же поспешил очистить свое сознание от посторонних мыслей.

– В настоящий момент Сила Олуха стала неуправляемой, даже он сам не может с ней совладать. Он не желает нам зла, но его музыка угрожает всеобщему благополучию. Представьте себе, что он может натворить, если разозлится по-настоящему. Или если кто-нибудь его всерьез обидит. Даже если мы справимся с морской болезнью и заглушим его песню, Олух будет оставаться обоюдоострым оружием. До тех пор, пока нам не удастся найти надежный способ обуздать его Силу, он будет угрожать успеху нашей миссии. Возможно, разумнее всего вернуться и позволить ему сойти на берег.

– Мы не можем вернуться! – снова запротестовал Чейд, а когда мы с Дьютифулом удивленно на него посмотрели, взмолился: – Дайте мне на размышление еще одну ночь. Я уверен, что смогу найти выход. Может быть, за эту ночь Олух привыкнет к кораблю. А вдруг к рассвету его болезнь пройдет...

– Хорошо, – через минуту ответил Дьютифул.

И снова я услышал ту новую нотку в его голосе. Мне стало интересно, как он этому научился. Впрочем, может быть, мальчик взрослеет и привыкает к своей будущей роли правителя. В любом случае я был рад, что эта нотка появилась. Однако я не мог с уверенностью сказать, правильно ли он поступил, дав Чейду еще один день. С другой стороны, он принял решение и держался очень уверенно. А это просто замечательно.

Когда Олух проснулся, его снова начало тошнить. Он страшно ослабел – от голода и морской болезни. Все тело у него болело, особенно мышцы живота и горло. Мне не удавалось уговорить его съесть хотя бы что-нибудь, он лишь пил воду, да и то неохотно. День выдался не слишком холодный, но Олух в отсыревшей одежде дрожал. Однако мое предложение пойти в каюту, чтобы переодеться и согреться, встретило сердитое сопротивление. Мне отчаянно хотелось силком оттащить его туда, но я знал, что дурачок будет упираться и вопить, а его музыка станет еще более дикой и ожесточенной. С другой стороны, я опасался, что скоро он по-настоящему заболеет.

Время тянулось бесконечно. И не только для нас. Дважды я слышал, как помощник капитана ругал свою раздраженную команду. Во второй раз он пригрозил матросу поркой, если тот не будет вести себя более уважительно. Я чувствовал, как на корабле нарастает напряжение.

Вечером снова начался дождь, и нас окутал промозглый туман. У меня появилось ощущение, словно я весь отсырел и никогда не был сухим. Я отдал свое одеяло Олуху в надежде, что оно хотя бы немного согреет несчастного страдальца. Он задремал, но метался и дергался во сне, словно собака, которую преследуют кошмары. Я часто слышал шутку: «Умереть от морской болезни невозможно, но очень хочется». У меня появились вполне обоснованные сомнения на этот счет. Сколько еще тело Олуха выдержит такое издевательство над собой?

Дар сообщил мне о появлении Уэба прежде, чем его силуэт возник на фоне тусклого фонаря.

– Вы благородный человек, Том Баджерлок, и верный своему долгу, – заметил он, усаживаясь рядом со мной. – Вам выпала неприятная работа, но вы ни разу не покинули своего Олуха подопечного.

Похвала Уэба согрела и одновременно смутила меня.

– Это моя обязанность, – ответил я, стараясь не обращать внимания на его комплимент.

– И вы относитесь к ней очень серьезно.

– Меня научил этому Баррич, – язвительно проговорил я.

Уэб легко рассмеялся.

– А еще он научил вас держаться за свои обиды. Так охотничий пес вцепляется в морду быка. Успокойтесь, Фитц Чивэл Видящий, я больше не стану обсуждать с вами этого человека.

– Я был бы вам признателен, если бы вы не произносили вслух это имя, – ответил я после минутного напряженного молчания.

– Оно принадлежит вам. Это часть вас, которой не хватает. Вам следует вернуть его себе.

– Он умер. И ради всех, кто мне дорог, должен оставаться мертвым.

– Ради них или вас? – спросил он у ночи.

Я не смотрел на него, я наблюдал за другими кораблями, следовавшими за нами сквозь водянистую ночь, – их черные силуэты и паруса словно погасили свет звезд, а фонари падали в пучину и взлетали вверх, точно далекие резвые светлячки.

– Чего вы от меня хотите? – спросил я у него наконец.

– Чтобы вы начали думать, – успокаивающим тоном ответил он. – Мне не хочется вас сердить, хотя, похоже, это у меня неплохо получается. Впрочем, наверное, ваш гнев всегда с вами, он отравляет вас изнутри, а я – тот нож, который вскрыл нарыв и выпустил наружу гной.

Я молча покачал головой, хотя понимал, что он меня не видит. Сейчас меня занимали совсем другие заботы, и мне хотелось побыть одному.

Словно прочитав мои мысли, Уэб проговорил:

– Впрочем, сегодня я не собирался направлять вас на дорогу размышлений. По правде говоря, я пришел предложить вам помощь. Я посижу с Олухом, а вы сможете пару часов отдохнуть. Сомневаюсь, что вам удалось нормально поспать за то время, что вы несете около него вахту.

Мне ужасно хотелось немного побродить по кораблю, посмотреть, что происходит с остальными пассажирами. И поспать, конечно. Предложение Уэба показалось мне очень соблазнительным. И тут же разбудило мою подозрительность.

– Зачем вам это?

Уэб улыбнулся.

– Неужели никто никогда не проявлял к вам доброты?

Его вопрос диковинным образом вывел меня из равновесия.

– Иногда мне кажется, что никто и никогда, – глубоко вздохнув, ответил я.

Я медленно поднялся на ноги и обнаружил, что в холодном ночном воздухе у меня затекло все тело. Олух что-то пробормотал во сне. Я поднял руки, потянулся и одновременно связался с Дьютифулом.

Уэб предлагает немного посидеть с Олухом вместо меня. Я могу согласиться?

Конечно. – Его явно удивил мой вопрос.

Впрочем, иногда принц бывает чересчур доверчивым.

Сообщи об этом Чейду.

Получив его ответ, я сказал вслух, обращаясь к Уэбу:

– Спасибо вам. Я с благодарностью приму ваше предложение.

Уэб осторожно уселся рядом с Олухом и достал из-под рубашки самые маленькие морские рожки, какие мне доводилось когда-либо видеть. Это, вероятно, самый популярный музыкальный инструмент на флоте, поскольку рожкам нипочем ни плохая погода, ни безжалостное обращение. Научиться на них играть легко, по крайней мере простенькие мотивчики, однако талантливый исполнитель может посоревноваться с самым лучшим менестрелем. Я не удивился, увидев их в руках Уэба. Он был рыбаком и, наверное, во многих отношениях продолжал им оставаться.

Он помахал мне рукой, показывая, что я могу идти. Уходя, я услышал легкий вздох музыки – Уэб тихонько заиграл детскую песенку. Неужели он сердцем почувствовал, что нужно, чтобы успокоить Олуха? Почему я не подумал о том, что ему может помочь музыка? Я вздохнул. Да, я становлюсь жертвой своего образа жизни. Пора снова учиться быть гибким.

Я отправился на камбуз в надежде получить там какую-нибудь горячую еду. Но мне выдали лишь черствый кусок хлеба и крошечный ломтик сыра. Повариха сообщила, что я должен радоваться и такой малости. У нее нет ни грамма лишней еды, ни грамма, на этой тяжелой, переполненной людьми посудине. Тогда я попросил немного воды, чтобы смыть соль с лица и рук, но она заявила, что рассчитывать мне не на что, ведь я свою дневную порцию уже получил. Так что придется довольствоваться тем, что есть. Стражники понятия не имеют о том, что жизнь на корабле требует жесткой дисциплины.

Я почел за благо убраться подальше от ее острого языка. Мне очень хотелось поесть на палубе, но здесь я находился на чужой территории, и матросы были готовы мне это доказать. Я спустился вниз, где остальные стражники храпели и бормотали во сне или играли в карты при свете болтающегося фонаря. После нескольких дней плавания воздух здесь не стал лучше. Да и Риддл сказал правду, тут царили ужасные настроения. Комментария одного из парней о том, что «вернулась наша нянечка», вполне хватило бы, чтобы устроить хорошую потасовку, однако я сдержался и проигнорировал все насмешки.

Быстро проглотив ужин, я вытащил из своего сундучка одеяло, но отыскать место, чтобы лечь, оказалось невозможно. Тела стражников буквально усеивали пол, и мне пришлось забраться в самую середину. Я бы предпочел спать у стены, но надежды на это не было. Я сбросил сапоги и ослабил ремень. Мой сосед что-то сердито пробормотал и перекатился на то место, где я собирался улечься. Я сделал глубокий вдох, моля богов о благословенном сне и радуясь возможности закрыть глаза и уснуть. По крайней мере, я смогу на время сбежать от своих кошмаров.

Но когда я ступил на окутанную сумраком территорию между сном и бодрствованием, я понял, что, возможно, нашел решение своих проблем. Вместо того чтобы погрузиться в глубокий сон, я отправился на поиски Неттл.

Это оказалось труднее, чем я думал. Музыка Олуха никуда не отступила, и найти в ней нужную мне дорогу было все равно что брести в тумане сквозь густые заросли ежевики. Стоило мне об этом подумать, как у звуков появились шипы и длинные гибкие щупальца. Музыка не должна причинять человеку боль – но песня Олуха несла страдание.

Я с трудом пробирался сквозь туман, пропитанный болью, жаждой и голодом, спина у меня была напряжена и замерзла, в голове тупой болью отзывалась музыка, которая злобно тащила меня за собой. Через некоторое время я остановился. «Это сон», – сказал я себе, и ежевика насмешливо замахала ветками. Я застыл на месте и задумался над своим положением, а ветви тем временем начали хватать меня за ноги. «Это сон, – повторил я. – Он не может причинить мне зла». Но мои слова никак не повлияли на происходящее. Я продолжал медленно продвигаться вперед, чувствуя, как колючки впиваются сквозь одежду в тело. Ветки вцепились в меня мертвой хваткой.

Я снова остановился и постарался успокоиться. Мотивы сна Олуха стали моим собственным кошмаром. Я выпрямился, сражаясь с ветками, которые тянули меня к земле, и вытащил

меч Верити. Под его ударами они выпустили меня и начали извиваться, точно раненые змеи. Обрадовавшись, я окутал клинок меча пламенем, оно обожгло мечущиеся растения и осветило мне путь в густом тумане. «Иди вверх по склону, – приказал я самому себе. – Туман живет только в долинах. На вершине горы он расступится». Так и вышло.

Когда мне наконец удалось выбраться из навеянного Силой сна Олуха, я оказался на границе сна Неттл. Несколько мгновений я смотрел на стеклянную башню на вершине горы. Я сразу узнал сказку. Горный склон передо мной был усеян длинными спутанными нитями. Я пробирался вперед, а они липли ко мне, точно паутина. Я знал, что Неттл уже почувствовала мое присутствие, однако она предоставила мне самому справляться с трудностями, и я погрузился по колено в переплетение нитей – ложных клятв, которые давали принцессе претенденты на ее руку. В старой истории говорилось, что только чистый сердцем и искренний человек может пройти по этой тропе и не упасть.

Во сне я снова стал волком. Все мои четыре лапы вскоре оказались в плену у липких нитей, и мне приходилось останавливаться и перегрызать их зубами. По какой-то неведомой мне причине у них был вкус аниса, довольно приятный в небольших количествах и тошнотворный, когда его слишком много. Когда в конце концов я добрался до стеклянной башни, вся грудь у меня была мокрой, а из пасти капала слюна. Я встряхнулся, и во все стороны полетели брызги.

– Разве ты не пригласишь меня подняться? – наконец спросил я у Неттл.

Она молчала. Опираясь руками о перила балкона, она смотрела вдаль. Я оглянулся назад, туда, где внизу над покрывалом тумана тянули свои руки кусты ежевики. Туман ползет вверх по склону или мне только кажется? Неттл по-прежнему делала вид, что не замечает меня, и я обошел основание башни. В башне из старой сказки не было двери, и Неттл в своем сне воспроизвела ее до мельчайших деталей. Неужели у нее был друг, который ей изменил? Сердце сжалось у меня в груди, и я на мгновение забыл, зачем пришел. Когда я обошел всю башню, я уселся на задние лапы и посмотрел на девушку на балконе.

– Кто тебя предал? – спросил я ее.

Она продолжала смотреть мимо меня, и я уже решил, что она не хочет отвечать. Но потом, не глядя вниз, она сказала:

– Все. Уходи.

– Я не смогу тебе помочь, если уйду.

– Ты не сможешь мне помочь. Ты сам много раз мне это говорил. Так что уходи и оставь меня одну. Все остальные так и сделали.

– Кто ушел и оставил тебя одну?

Услышав мой вопрос, Неттл наградила меня свирепым взглядом и заговорила почти шепотом, но в ее голосе я услышал ужасную боль и обиду.

– Не знаю, с чего я решила, будто ты помнишь, о чем мы с тобой разговариваем. Например, мой брат. Мой брат Свифт, ты сказал, что он вернется домой. Так вот он не вернулся! И тогда мой глупый отец решил отправиться на поиски. Как будто человек, которому отказывают глаза, может кого-нибудь найти! Мы пытались его отговорить, но он не стал нас слушать. С ним что-то случилось, мы не знаем что, но его лошадь вернулась домой без него.

И тогда я взяла свою лошадь, несмотря на то что мама кричала, чтобы я не делала этого, вернулась по следам его лошади и нашла папу на берегу ручья. Он был весь в синяках и крови и пытался ползти домой, одна нога его совсем не слушалась. Я привезла его домой, и мама снова отругала меня за то, что я поехала за ним. Теперь папа лежит в кровати, смотрит в стену и ни с кем не разговаривает. Мама запретила нам давать ему бренди. Он не говорит с нами и не рассказывает, что с ним случилось. Мама злится на всех нас. Как будто я во всем виновата.

Где-то на середине рассказа Неттл заплакала. Слезы капали с ее подбородка, текли по рукам и дальше по стене башни, а потом превращались в жесткие опаловые нити боли. Я встал

на задние лапы и попытался схватить их передними, но они оказались слишком гладкими и тонкими, и у меня ничего не получалось. Я снова сел. Я чувствовал себя опустошенным и старым. Несчастья, свалившиеся на семью Молли, не имели ко мне никакого отношения, пытался сказать себе я, я не виноват в том, что случилось, и не могу ничего исправить. Однако их корни прячутся очень глубоко, разве не так?

Через некоторое время Неттл взглянула на меня и грустно рассмеялась.

– Ну что, Сумеречный Волк, разве ты не собираешься сказать, что не сможешь помочь? Разве не это ты всегда мне говоришь? – Когда я не нашел что ответить, она добавила обвиняющим тоном: – Не знаю, почему я вообще с тобой разговариваю. Ты мне наврал. Ты сказал, что мой брат возвращается домой.

– Я думал, что он возвращается, – ответил я, наконец обретя дар речи. – Я встретился с ним и велел ему возвращаться домой. Думал, он послушался.

– Ну, может, он попытался. Возможно, он шел домой, но его убили разбойники или он упал в реку и утонул. Тебе, наверное, не приходило в голову, что десять лет – это маловато, чтобы путешествовать в одиночку? Ты не подумал о том, что с твоей стороны было бы правильнее и благороднее самому привезти его к нам, вместо того чтобы *отправить* домой? Но нет, ты же всегда заботишься о своих удобствах. Зачем тебе покидать свое тепленькое местечко!

– Неттл, прекрати. Дай мне сказать. Свифт в безопасности. Он жив, и ему ничто не угрожает. Он по-прежнему со мной. – Я замолчал и попытался сделать вдох.

От неизбежности того, что должно было последовать за этими словами, внутри у меня все похолодело. «Ну вот, Баррич, – подумал я про себя. – Я пытался оградить тебя и твою семью от боли, но обстоятельства иногда бывают сильнее людей».

Потому что Неттл задала вопрос, которого я от нее ждал:

– И где же это «со мной и в безопасности»? И откуда мне знать, что ему действительно ничто не угрожает? *Откуда* мне знать, что ты настоящий? А вдруг ты такой же, как весь этот сон, существо, которое я придумала? Посмотри на себя, человек-волк! Ты ненастоящий, и ты предлагаешь мне ложную надежду.

– Я здесь такой, каким ты меня видишь, потому и ненастоящий, – медленно проговорил я. – Но на самом деле я самый обычный человек. И когда-то твой отец знал меня.

– Когда-то! – презрительно фыркнула она. – Еще одна сказка Сумеречного Волка. Убейся вместе со своими дурацкими историями. – Она вздохнула, и по ее щекам снова покатились слезы. – Я больше не ребенок. Твои глупые выдумки меня не утешат.

Я понял, что потерял ее, лишился доверия и дружбы. Лишился возможности узнать свое дитя. Меня окутала волна грусти, пронизанная нестройной мелодией растущих кустов ежевики. Я оглянулся назад и увидел, что туман и колючие ветки ползут вверх по склону. Что это – мой собственный сон пугает меня или музыка Олуха стала еще более зловещей? Я не знал ответа.

– А я пришел искать твоей помощи, – напомнил я себе с горечью.

– Моей помощи? – задыхаясь от слез, спросила Неттл.

Не успев подумать, что я делаю, я выпалил:

– Я знаю, что не имею права ни о чем тебя просить.

– Нет, не имеешь. – Она смотрела мимо меня. – А о чем ты хотел меня попросить?

– Речь идет о сне. Точнее, о кошмаре.

– Мне казалось, что все твои кошмары про то, как ты падаешь. – Я понял, что Неттл заинтригована.

– Кошмар не мой. Он принадлежит другому человеку, который... Это очень сильный кошмар. Настолько сильный, что он проник в сны других людей. Он угрожает их благополучию, даже жизни. И мне кажется, что человек, которому принадлежит кошмар, не может его контролировать.

– Ну так разбудите его, – презрительно предложила она очевидное решение.

– Это поможет, но только на короткое время. Мне нужно что-то более действенное.

Я хотел сказать ей, что опасности подвергается и жизнь Свифта, но потом решил не пугать девочку, я ведь не знал, сможет ли она мне помочь.

– А что я могу?

– Я думаю, ты могла бы помочь мне проникнуть в этот сон и изменить его. Сделать более спокойным и приятным. Убедить того человека, что ничего страшного с ним не происходит, что он не умрет и все будет хорошо. Тогда его сны, возможно, изменятся. И мы все сможем отдохнуть.

– Как я это сделаю? – А потом резко продолжила: – И с какой стати я вообще должна тебе помогать? Что ты предлагаешь мне в обмен, Сумеречный Волк?

Мне совсем не понравилось, что у нас дошло до торговли, но винить было некого, кроме самого себя. А самое ужасное, что единственное, что я мог ей предложить, причинит боль и заставит страдать от чувства вины ее отца.

– Что касается «как», – медленно проговорил я, – ты очень сильна в магии, которая позволяет одному человеку проникать в сны другого и менять их. Возможно, твоей силы хватит, чтобы войти в сон моего друга и избавить его от ужаса, хотя он и сам очень силен в магии. Но он напуган.

– Я не обладаю никакой магией.

Я пропустил ее слова мимо ушей.

– Что до того, почему ты должна мне помочь... я тебе сказал, что Свифт со мной и находится в безопасности. Ты мне не веришь. И я тебя не виню, ведь получилось так, что некоторое время назад я сказал неправду. Но я произнесу слова, которые ты должна передать отцу. Они... причинят ему боль. Но когда он их услышит, он сразу поймет, что я не лгу. Что твой брат жив и в безопасности. И что он со мной.

– В таком случае говори слова.

Одно короткое мгновение, навеянное уроками Чейда, я колебался, решив потребовать, чтобы сначала она помогла мне со сном Олуха. Но мне удалось отбросить все сомнения. Моя дочь должна мне ровно столько, сколько я ей дал, – ничего. Возможно, я боялся, что если не скажу ей этого сейчас, то навсегда растеряю решимость и не скажу никогда. Я произнес слова, которые раскаленными углями обожгли мне язык:

– Скажи ему, что тебе приснился волк с иголками дикобраза в носу. И что волк произнес следующие слова: «Как сделал ты однажды, так я делаю сейчас. Я приютил и направляю твоего сына. Я готов защищать его от любой опасности даже ценой своей жизни, а когда моя работа будет завершена, я привезу его к тебе домой».

Я завуалировал свое сообщение, насколько мог в данных обстоятельствах. Однако Неттл удалось совсем близко подобраться к правде, когда она спросила:

– Мой отец заботился о твоём сыне много лет назад?

Некоторые решения легче принимать, если не давать себе времени на размышления.

– Да, – солгал я своей дочери. – Точно.

Я наблюдал за ней, пока она обдумывала мои слова. Постепенно стеклянная башня начала таять и превратилась в воду, которая потекла, теплая и мирная, мимо моих лап, и вскоре балкон медленно опустился на землю. Неттл протянула мне руку, чтобы я помог ей перебраться через перила. Я взял ее за руку, я касался и не касался своей дочери впервые в жизни. Загорелые пальцы мимолетно дотронулись до моей лапы с черными когтями. Затем она отошла от меня и посмотрела на туман и ползущие вверх по склону колючие ветки.

– Знаешь, я никогда ничего подобного не делала.

– Я тоже, – признался я.

– Прежде чем мы войдем в его сон, расскажи мне о нем хотя бы что-нибудь.

Туман неуклонно приближался. Что бы я ни рассказал Неттл про Олуха, этого будет слишком много, однако я понимал, что, если она войдет в его сон, ничего о нем не зная, это может быть опасно для всех нас. Я был не в силах контролировать то, что Олух мог ей открыть. На одно короткое мгновение я пожалел, что не посоветовался с Чейдом или Дьютифулом, прежде чем обратиться к ней за помощью. Но уже в следующую секунду я мрачно улыбнулся. В конце концов, я ведь мастер Силы, не так ли? А значит, имею полное право самостоятельно принимать решения.

И я сообщил своей дочери, что Олух дурачок, что у него ум и сердце ребенка, но он равен целой армии, когда речь заходит о Силе. Я даже рассказал ей, что он служит принцу Видящих и находится вместе с ним на корабле. И что его музыка Силы настолько могущественна, что влияет на настроение всех, кто находится на борту. Я поведал ей, что он уверен: его морская болезнь никогда не пройдет и он от нее умрет.

Пока я говорил, колючки на ветках стали огромными и угрожающе начали подбираться к нам. Слушая меня, Неттл сделала свои выводы: она поняла, что я тоже нахожусь на корабле и, следовательно, ее брат отправился в морское путешествие с принцем Видящих. Несмотря на то что Неттл жила в деревне, она слышала про нарческу и испытание, которое она назначила принцу. Мои сомнения окончательно рассеялись, когда Неттл пришла к очевидному заключению:

– Значит, это тот самый черный дракон, о котором тебя постоянно спрашивает серебряная драконица. И принц должен его убить.

– Не произноси вслух ее имя, – взмолился я.

Неттл наградила меня презрительным взглядом, словно потешаясь над моими глупыми страхами.

– Они уже здесь, – вдруг сказала она, и колючие кусты поглотили нас.

Опутав наши щиколотки и подбираясь к коленям, они трещали, точно пламя, пожирающее сухое дерево. Колючки впивались в наши тела, вокруг нас клубился густой злоеющий туман, и вскоре мы начали задыхаться.

– Это еще что такое? – сердито спросила Неттл. Затем, когда она исчезла в туманном облаке, я услышал ее голос: – Сумеречный Волк, прекрати! Немедленно! Что ты тут устроил? Отпусти его!

И она прогнала мой сон. Ощущение было такое, словно кто-то сорвал с меня одеяло. Но страшнее всего оказалось воспоминание, которое вдруг налетело на меня, точно порыв ветра, – воспоминание знакомое и одновременно чужое: другое время и другая женщина, старше Неттл, выхватила из моих пухлых пальцев какую-то чудесную блестящую вещь со словами: «Нет, Кеп-пет. Это не для маленьких мальчиков».

Оказавшись вырванным из своего сна, я начал задыхаться, но уже в следующее мгновение мы в буквальном смысле этого слова нырнули в сон Олуха. Туман и колючие кусты исчезли, и у меня над головой сомкнулись холодные соленые воды моря. Я тонул. И как бы я ни старался, мне не удавалось выбраться на поверхность. Затем Неттл схватила меня за руку и, сильно дернув, поставила рядом с собой.

– Ты такой доверчивый! Это всего лишь сон. Теперь он мой, а в моем сне мы можем ходить по воде. Пошли.

И все стало так, как она сказала. Вокруг нас до самого горизонта раскинулось море. А музыка Олуха, точно ветер, овеивала нас со всех сторон. Я прищурился, глядя на воду и пытаюсь понять, как мы отыщем Олуха среди бесконечных волн, но Неттл сжала мою руку и объявила, умудрившись перекричать дику музыка Олуха:

– Мы уже совсем близко.

И снова так и случилось. Через несколько шагов Неттл, вскрикнув, опустилась на колени. Слепящий солнечный свет скрывал то, что она увидела, и я присел рядом с ней. В следующее мгновение мне показалось, что у меня разорвется сердце.

Олух очень отчетливо воображал эту картинку – наверное, видел когда-то в прошлом. Под водой плавал утонувший котенок. Такой маленький, что у него даже глазки еще не открылись, он безвольно качался на волнах, окруженный ореолом своей шерсти. Однако когда Неттл взяла его за шкурку и вытащила наружу, шерстка облепила его крошечное тельце. Котенок повис в руке моей дочери, с лап, хвоста и из открытой розовой пасти стекала вода. Неттл бесстрашно сжала его в руке, потом осторожно нажала пальцами на хрупкую грудную клетку, поднесла к лицу маленькую мордочку и вдохнула ему в рот воздух. В этот миг она была истинной дочерью Баррича. Я не раз видел, как он прочищал дыхательные пути новорожденным щенятам.

– Теперь с тобой все в порядке, – строго сказала она котенку и погладила его по спинке. Там, где тельца касалась рука Неттл, шерсть мгновенно высыхала. Неожиданно я увидел, что котенок полосатый, рыжий с белым. Всего минуту назад мне казалось, что он черный. – Ты жив и в безопасности, и я не позволю ничему плохому с тобой случиться. Ты же знаешь, что можешь мне доверять. Потому что я тебя люблю.

Услышав ее слова, я чуть не задохнулся. Как она узнала, что нужно произнести именно их? Всю свою жизнь, не понимая этого, я хотел, чтобы кто-нибудь сказал мне эти же слова и чтобы они были правдой и я мог в них поверить. На моих глазах Олух получил подарок, о котором я мечтал с самого детства, однако я не испытал ни горечи, ни зависти. Я чувствовал лишь удивление, что моя шестнадцатилетняя дочь способна преподнести другому человеку такой дар.

Даже если бы мне удалось найти Олуха в его сне и кто-нибудь сказал мне, что я должен выговорить именно эти слова, что именно их он так отчаянно хочет услышать, я не смог бы их произнести так, чтобы они прозвучали правдиво. Неттл была моей дочерью, плотью от моей плоти, но в этот миг я испытывал такое изумление и восторг, что она казалась мне существом, не имеющим ко мне никакого отношения.

Котенок у нее в руке пошевелился и принялся вертеть головой. Потом маленькая пасть открылась, и я приготовился услышать жалобное мяуканье. Но вместо этого он спросил хриплым, несчастным голосом:

– Мама?

– Нет, – ответила Неттл. Моя дочь оказалась смелее меня. Она не собиралась врать. – Но я на нее похожа. – Неттл огляделась по сторонам, как будто впервые увидела море. – Это не слишком подходящее для тебя место. Давай его переделаем, согласен? Где бы ты хотел оказаться?

Ответ Олуха меня удивил. Неттл удалось убедить его открыться, поведать свои сокровенные мысли. Она задавала ему вопрос за вопросом, выпрашивая подробности. Когда они закончили, оказалось, что мы, словно маленькие куклы, сидим посреди большой кровати. Меня окружали туманные стенки фургона, в каких живут кукольники и странствующие артисты, когда переезжают из города в город. Внутри пахло перцем и сухим луком, связки которого висели в углу под потолком. Я узнал мелодию, окружавшую нас. Это была не просто музыка матери Олуха, она состояла из самых разных звуков: ровное дыхание спящей женщины, скрип колес, медленные шаги животных, переплетенные с тихим мурлыканьем женщины и детской песенкой, какие играют на простом свистке, – песнь покоя, безопасности и любви.

– Мне здесь нравится, – сказала Неттл. – Если ты не против, я снова приду к тебе сюда в гости. Можно?

Котенок замурлыкал и свернулся калачиком. Он не собирался спать, просто ему было хорошо и покойно посреди огромной кровати. Неттл встала, собираясь уйти. Видимо, именно

в этот миг я понял, что стал сторонним наблюдателем. Я больше не находился внутри сна Олуха. Я исчез из него вместе с остальными опасными и раздражающими видениями. В мире его матери для меня не было места.

– Теперь я с тобой попрощаюсь, – сказала ему Неттл, а потом добавила: – Ты должен помнить, что оказаться здесь легко. Когда захочешь спать, подумай про эту подушку. – И она прикоснулась к одной из множества подушек, украшенных яркой вышивкой. – Представь ее себе – и ты придешь сюда в своем сне. Сможешь?

Котенок снова замурлыкал, и сон Олуха начал истончаться. Я снова стоял на поросшем травой склоне перед растаявшей башней. Кусты ежевики и туман пропали, и передо мной раскинулось зеленое море травы в долине. В отдалении сверкала на солнце река.

– Ты не сказала ему, что он больше не будет страдать от морской болезни, – неожиданно вспомнил я и тут же поморщился, устыдившись собственной неблагодарности.

Неттл нахмурилась, и я увидел, что она очень устала.

– Ты думаешь, отыскать все это и собрать вокруг него было легко? Он постоянно пытался вернуться в холодную морскую воду. – Она потеряла глаза. – Я сплю, но, наверное, когда проснусь, буду чувствовать себя разбитой.

– Извини, – грустно произнес я. – Я прекрасно знаю, что магия отнимает много сил. Я не подумал.

– Магия! – фыркнула Неттл. – Переделка снов никакая не магия. Просто я умею это делать.

И она покинула меня, а я постарался прогнать пугающие мысли о том, что может произойти, когда она передаст Барричу мои слова. Я ничего уже не мог изменить. Я сел у основания башни Неттл, но без нее сон быстро растаял, я погрузился в забытие, и мне больше ничего не снилось.

VII Путешествие

Не следует поддаваться заблуждению, будто Внешние острова – это королевство, которым правит один монарх, как обстоит дело в Шести Герцогствах, или союз народов, как в Горном Королевстве. Даже у отдельных островов, пусть и самых маленьких, имеется собственный правитель. На самом деле здесь нет аристократов или лордов. Мужчины получают свой статус в зависимости от воинских успехов или добычи, которую привозят домой из набегов. Положение некоторых укреплено репутацией их матриархальных кланов. Острова поделены между кланами, но их земли считаются собственностью всего клана, берегами владеют женщины и передают их своим дочерям.

Города, особенно прибрежные, где имеются гавани, не принадлежат какому-то одному клану, и в них, как правило, царит беззаконие. Городская стража не придет к вам на помощь, если вы станете жертвой воров, грабителей или хулиганов. Каждый человек должен силой заставить остальных себя уважать. Если же вы позовете на помощь, вас посчитают безвольным слабым, а следовательно, недостойным внимания. Правда, иногда правящий в окрестных землях клан имеет в городе «дом-крепость» и берет на себя право решать все спорные вопросы.

Жители Внешних островов, в отличие от нас, в Шести Герцогствах, не возводят ни крепостей, ни замков. Блокада, как правило, осуществляется вражеским кораблем, который захватывает гавань или устье реки, и никто никогда не пытается отобрать у другого клана земли. Впрочем, в некоторых крупных городах имеется несколько «домов-крепостей», принадлежащих разным кланам. Они представляют собой укрепленные сооружения, построенные с расчетом на то, чтобы выдержать атаки неприятеля. В них, как правило, имеются глубокие подземелья, где хранятся не только запасы воды, но и продовольствие. Эти «дома-крепости» обычно принадлежат правящему клану и служат скорее убежищем на время гражданской войны, а не для того, чтобы защитить представителей клана от иноземных захватчиков.

Шелби, «Путешествие на Внешние острова»

Проснувшись, я почувствовал, что настроение на корабле изменилось, стало спокойнее. Я проспал всего несколько часов, но прекрасно отдохнул. Вокруг меня прямо на полу спали стражники так крепко, словно они не отдыхали вот уже несколько дней, – впрочем, так оно и было.

Я осторожно встал, свернул одеяло и, перешагивая через распростертые тела, добрался до своего сундучка. Убрав одеяло, я надел чистую рубашку и вернулся на палубу. Приблизился рассвет, дождь кончился, и сквозь рваные тучи проглядывали звезды. Паруса переставили, чтобы воспользоваться новым направлением ветра, матросы двигались по палубе, уверенно и спокойно выполняя свою работу, и у меня возникло ощущение, будто после шторма наступило тихое утро.

Олух спал, свернувшись калачиком, на лице его застыло умиротворение, дыхание, хоть и хриплое, было ровным. Рядом дремал Уэб, он сидел, подтянув колени к подбородку. Неподалеку от него я различил темный силуэт морской птицы, устроившейся на леере. Встретившись

глазами с Рииск, я приветственно кивнул ей и направился к Уэбу – медленно, чтоб он успел открыть глаза и поднять голову. Он улыбнулся мне.

– Похоже, вашему подопечному лучше. Он отдыхает. Наверное, худшее позади.

– Надеюсь, – сказал я и осторожно открылся навстречу музыке Олуха.

Она не исчезла, но теперь буря Силы превратилась в мерный плеск волн. В напеве снова главенствовала песня его матери, а еще я услышал тихое мурлыканье котенка и ласковое эхо слов Неттл, заверявших его, что он любим и ему нечего бояться. Меня охватило легкое беспокойство. Интересно, я слышу эти новые звуки, потому что был свидетелем того, как Неттл изменила сон Олуха? И смогут ли Чейд и Дьютифул уловить ее голос и разобрать слова?

– Вы тоже выглядите отдохнувшим, – заметил Уэб, и его голос напомнил мне, что я забыл о приличиях.

– Я отлично поспал. Большое вам спасибо.

Он протянул мне руку, и я помог ему подняться на ноги. Выпрямившись, Уэб выпустил мою руку и расправил плечи. Рииск сделала несколько шагов в нашу сторону. В первых лучах солнца я заметил, что клюв и лапки у нее ярко-желтого цвета, и вспомнил один из уроков Баррича, который говорил, что чистый цвет – это один из признаков хорошего ухода за птицей. Рииск сияла здоровьем. Словно почувствовав мое восхищение, она медленно повернула голову и провела клювом по длинному перу, а потом ловко взлетела над леером – так кошка грациозно вскакивает на стул. Выбрав подходящий воздушный поток, Рииск парила у нас над головами.

– Она обожает покрасоваться, – вполголоса сказал Уэб и улыбнулся мне, а я подумал, что Одаренные и их партнеры точно так же гордятся друг другом, как родители своими детьми.

Я понимающе улыбнулся.

– О, ваша улыбка кажется мне искренней. Думаю, со временем, друг мой, вы научитесь мне доверять. Скажите мне, когда это произойдет.

Я вздохнул. Приличия требовали, чтобы я сказал, что я уже ему доверяю, но я знал, что мне не удастся обмануть этого человека. Поэтому я только кивнул. А потом, когда Уэб повернулся, собираясь уйти, я вспомнил про Свифта.

– Я хочу попросить вас еще об одной услуге, – смутившись, сказал я.

Уэб повернулся ко мне, и на его лице появилось довольное выражение.

– Что ж, я приму это как признак того, что наши отношения налаживаются.

– Вы не могли бы попросить Свифта уделить мне сегодня немного времени? Мне нужно с ним поговорить.

Уэб склонил голову набок и стал ужасно похож на чайку, которая разглядывает сомнительную раковину.

– Вы собираетесь отругать его за то, что он не вернулся к отцу?

Я задумался. Собирался ли я ругать мальчишку?

– Нет. Я только скажу ему, что моя честь требует, чтобы он в целости и сохранности вернулся в Баккип. И что я надеюсь продолжить наши занятия во время этого путешествия.

Чейд будет недоволен, мрачно подумал я. У меня и так не слишком много свободного времени, а теперь я взвалил на себя еще одну обязанность.

Уэб ласково улыбнулся.

– Я с удовольствием пришлю его к вам, – ответил он, коротко поклонился мне, как это принято у моряков, и, когда я кивнул, ушел.

При помощи Силы я предложил принцу встать пораньше, и потому, когда Олух начал просыпаться, Дьютифул был рядом с ним. Слуга принес маленькую корзинку с теплым хлебом и горячий чай, и я понял, что страшно проголодался. Он поставил корзинку на палубу около Олуха, и принц отпустил его. Мы молча стояли и смотрели на море, дожидаясь, когда Олух окончательно проснется.

Когда изменилась музыка? Я проснулся сегодня утром и даже поверить не мог, как прекрасно отдохнул. Напряжение ушло. Мне потребовалось некоторое время, чтобы сообразить, что произошло.

Легче стало, верно?

Меня подмывало сказать больше, но я не осмелился. Я не мог заявить принцу, что я вmeshался в сон Олуха, поскольку в действительности это сделал не я. Олух вряд ли вообще догадывается о том, что я тоже там был.

Меня спас Олух, который проснулся. Он закашлялся и открыл глаза. Потом посмотрел на нас с принцем и расплылся в улыбке.

– Неттл изменила мой сон, – сказал он, – прежде чем кто-нибудь из нас успел ему ответить, зашелся в приступе кашля. – Мне плохо. Горло болит.

Я ухватился за возможность сменить тему.

– Может быть, оно болит из-за того, что тебя так долго тошнило? Послушай, Олух, Дьютифул принес чай и свежий хлеб. От чая тебе станет легче. Налить?

В ответ он снова закашлялся. Я присел рядом с ним и притронулся к щеке. Она оказалась теплой, но он только что проснулся и кутался в шерстяные одеяла. Может быть, еще обойдется и он не заболеет. Олух сердито отбросил в сторону одеяло и остался сидеть, дрожа в мокрой, мятой одежде. Вид у него был несчастный, и его музыка резала ухо.

Принц решил взять дело в свои руки.

– Том Баджерлок, возьми корзину. Олух, ты пойдешь со мной в каюту. Немедленно.

– Я не хочу, – застонал Олух и удивил меня тем, что поднялся на ноги. Затем он подошел к перилам и посмотрел на море. – У меня морская болезнь, – заявил он, словно только что вспомнил.

– Поэтому-то я и хочу отвести тебя в каюту. Там тебе будет лучше, – сказал принц.

– Нет, не будет, – упрямо повторил Олух, но, когда Дьютифул направился в сторону каюты, медленно поплелся за ним.

Он шел пошатываясь – из-за слабости и легкой волны на море, и я взял его за руку, чтобы подстраховать. В другой руке я держал корзинку с едой. Олух еле-еле ковылял рядом со мной. Мы дважды останавливались, потому что у него начинался приступ кашля, и к тому времени, когда мы добрались до каюты принца, я уже всерьез заволновался.

Каюта Дьютифула была обставлена и украшена более изысканно, чем его спальня в замке. Очевидно, кто-то из Оленьего замка устроил здесь все в соответствии с собственными представлениями о том, к чему привык наследник престола. В каюте имелось несколько иллюминаторов, откуда открывался вид на кильватер. Покрытый лаком пол был застелен роскошными коврами, повсюду стояла тяжелая мебель, закрепленная, чтобы не сдвинулась во время качки. Наверное, каюта произвела бы на меня более сильное впечатление, если бы я там задержался, но Олух сразу же бросился в свою маленькую каморку, дверь в которую вела из покоев принца.

Эта каюта была значительно непритязательней, размерами не превосходила шкаф для одежды, и помещалась там только койка Олуха, да еще оставалось немного места для его вещей. Тот, кто занимался устройством жизни принца на корабле, видимо, предполагал, что там будет жить камердинер, а не дурачок, угодивший в фавориты. Олух тут же плюхнулся на кровать, а когда я начал вытряхивать его из грязной, пропахшей одежды, принялся жалобно стонать и ворчать. Я накрыл его легким одеялом, он тут же закутался в него и, стуча зубами, заявил, что ему холодно. Я принес толстое покрывало с кровати принца. Теперь у меня не осталось никаких сомнений, что мой подопечный простудился.

Чай в чайнике немного остыл, но я все равно налил Олуху чашку и сидел рядом, пока он все не выпил. По моей подсказке, сделанной при помощи Силы, принц послал за чаем из ивовой коры, который помогает против лихорадки, и малиновым сиропом от кашля. Когда слуга наконец все принес, мне потребовалось некоторое время, чтобы уговорить Олуха выпить

чай и сироп. Но упрямылся он недолго, – видимо, жар отнимал у него силы, и бедняга довольно быстро поддался на мои увещевания.

Его каюта была такой маленькой, что я не мог закрыть дверь, сидя на койке, поэтому она оставалась открытой, и я лениво наблюдал за потоком людей, входивших и выходивших из каюты принца. Ничего особенно интересного не происходило, пока не появился круг Дара – Сивил, Уэб, менестрель Кокл и Свифт. Дьютифул сидел за столом и шепотом повторял свою речь, которую собирался произнести по прибытии на Внешние острова. Когда слуга впустил очередных гостей и ушел, принц с заметным облегчением отодвинул свиток с речью. Кот Сивила вошел следом за хозяином и тут же устроился на кровати Дьютифула. Никто не обратил на него внимания.

Прежде чем поздороваться с принцем, Уэб удивленно посмотрел на меня.

– Наверху все в порядке, принц Дьютифул, – заявил он.

«Довольно странное приветствие», – подумал было я, но быстро сообразил, что он передал принцу слова своей птицы.

– Чужих кораблей нигде не видно.

– Прекрасно. – Дьютифул удовлетворенно улыбнулся, а потом повернулся к остальным. – Как поживает твой кот, Сивил?

Сивил поднял руку, рукав сполз, и мы увидели длинную распухшую царапину.

– Ему скучно. Раздражает замкнутое пространство. Он будет рад снова увидеть землю.

Все Одаренные весело рассмеялись – так родители умиляются капризам своего малыша. Я заметил, что все они держатся в обществе принца на удивление спокойно и уверенно. Только Свифт был слегка напряжен, но это могло объясняться либо моим присутствием, либо тем, что он здесь самый младший. Так, как эти люди, на моей памяти держались аристократы из ближайшего окружения Верити, и я подумал, что их открытая привязанность стоила много больше, чем ужимки и лесть сторонников Регала.

Так что меня несколько не удивило, когда Уэб посмотрел на меня и спросил у принца:

– Том Баджерлок здесь, чтобы присоединиться к нам, мой принц?

В его словах заключалось сразу два вопроса: намерен ли я открыть присутствующим тайну своего Дара и имени и собираюсь ли примкнуть к их кругу? Я затаил дыхание, когда Дьютифул повернулся к нему и проговорил:

– Не совсем, Уэб. Он ухаживает за моим слугой Олухом. Насколько мне известно, вы оставались около него ночью, чтобы Баджерлок смог немного отдохнуть, и я вам за это признателен. Олух простудился и сильно кашляет. Ему нравится компания Баджерлока, и Том согласился посидеть с ним.

– А, понятно. Ну, Олух, мне очень жаль, что ты заболел.

С этими словами Уэб заглянул в открытую дверь. Остальные устроились за столом и принялись о чем-то тихо переговариваться. Свифт с беспокойством следил глазами за Уэбом. Олух кутался в одеяла и смотрел в стену; казалось, он не слышал вопроса. Даже его музыка звучала тихо, словно ему не хватало на нее сил. Когда Олух ничего не ответил, Уэб мягко тронул меня за плечо и тихо сказал:

– Если вы захотите отдохнуть, я с удовольствием посижу с ним сегодня ночью. А пока, – он отвернулся от меня и жестом подозвал Свифта, который заметно помрачнел, – оставляю с вами моего «пажа». Не сомневаюсь, что вам есть о чем поговорить, а если Олуху что-нибудь понадобится, уверен, что Свифт с удовольствием выполнит ваше поручение. Верно, приятель?

Свифт оказался в очень сложном положении и прекрасно понимал это. Он подошел к Уэбу, как побитая собака, и, опустив глаза, встал рядом.

– Да, – тихо ответил он и поднял на меня взгляд, который мне совсем не понравился.

Я увидел в его глазах страх и отвращение, но я твердо знал, что не сделал ничего, чтобы заслужить такое отношение.

– Свифт, – проговорил Уэб, и мальчишка снова посмотрел на него. Голос Уэба звучал очень тихо, так чтобы слышали только мы двое. – Все будет хорошо. Поверь мне. Том хочет продолжить твоё обучение, пока мы находимся на корабле. И все.

– Не совсем, – неохотно вмешался я, и оба одновременно посмотрели на меня. Уэб чуть приподнял одну бровь. – Я дал слово, – медленно проговорил я. – Твоим родным, Свифт. Я обещал, что ценой собственной жизни буду ограждать тебя от любых опасностей, а также сделаю все, что в моих силах, чтобы благополучно вернуть тебя домой, когда это все закончится.

– А что, если я не хочу возвращаться домой, когда это все закончится? – громко, с вызовом спросил Свифт. Я скорее почувствовал, чем увидел, что принц обратил на нас внимание. В следующее мгновение мальчик с возмущением добавил: – Подождите! Когда вы разговаривали с моим отцом? Вы не могли послать к нему гонца и получить ответ до того, как мы отплыли из Баккипа. Вы врете.

Я медленно втянул воздух через ноздри и, когда смог говорить спокойно, ответил очень тихо:

– Нет, я не вру. Я дал твоим родным обещание. Я не говорил, что они мне ответили. Однако я считаю, что обязан сдержать свое слово.

– У вас не было времени, – запротестовал мальчишка уже тише.

Уэб посмотрел на него с осуждением, а я нахмурился. Затем Уэб наградил и меня осуждающим взглядом, но я не отвел глаз. Я дал слово сделать все, чтобы мальчик остался жив, и вернуть его домой. Однако это вовсе не означало, что я должен терпеливо сносить его оскорбления.

– Полагаю, наше путешествие вам обоим покажется очень длинным, – заметил Уэб. – Я вас оставляю и надеюсь, что вы сумеете договориться. Думаю, вы оба можете предложить кое-что друг другу. Но вы оцените это, только когда сами все поймете.

– Мне холодно, – застонал Олух и спас меня от необходимости отвечать.

– Вот твоё первое поручение, – деловым тоном сказал я Свифту. – Спроси у слуги принца, где ты можешь найти одеяла для Олуха. Шерстяные. И еще принеси большую кружку воды.

Думаю, необходимость прислуживать полоумному оскорбляла его достоинство, но он решил, что это все-таки предпочтительнее, чем оставаться в моем обществе. Когда Свифт умчался, Уэб тяжело вздохнул.

– Правда, – посоветовал он мне, – только она может стать мостом, по которому вам удастся до него добраться, Том. А он в вас нуждается. Я только сейчас это понял. Свифт сбежал из дома и от вас. Он должен перестать бегать, иначе он никогда не научится самостоятельно справляться со своими проблемами.

Значит, он считает, что я одна из проблем Свифта? Я отвернулся.

– Я буду с ним заниматься, – сказал я.

Уэб устало вздохнул и сказал:

– В таком случае я оставляю его на вас.

Он вернулся к столу и разговору, а через некоторое время они ушли. И принц снова принялся репетировать свою речь. К тому времени, когда пришел Свифт с одеялами и кружкой воды, я просмотрел свитки Дьютифула и нашел несколько штук, которые могли оказаться полезными Свифту. К своему удивлению, я обнаружил парочку незнакомых мне манускриптов. Видимо, Чейд получил их перед нашим отплытием. Все они имели непосредственное отношение к обычаям и законам Внешних островов, и я выбрал самые простые для Свифта.

Я постарался устроить Олуха как можно удобнее. Жар у него стал еще сильнее, и музыка начала приобретать фантастичное звучание. Он по-прежнему ничего не ел, но по крайней мере больше не возражал, когда я поднес к его губам кружку, и покорно осушил ее. Потом я снова уложил его и закутал в одеяла, пытаюсь понять, почему человек, который весь горит, может жаловаться, что ему холодно.

Закончив, я поднял голову и увидел, что Свифт смотрит на нас с отвращением.

– От него жутко воняет, – пожаловался мальчишка, заметив мое осуждение.

– Он болен. – Я показал на пол, а сам уселся на край кровати Олуха. – Сядь здесь и почитай вслух, только тихо, вот этот свиток. Нет, вон тот, у которого обтрепаны края. Да, правильно.

– А что это? – спросил Свифт, раскрывая свиток.

– Описание истории и жителей Внешних островов.

– А зачем мне про них читать?

Я начал на пальцах перечислять причины:

– Потому что тебе необходимо практиковаться в чтении. Потому что мы туда плывем и тебе следует хотя бы что-нибудь знать про людей, которые там живут, чтобы ты не опозорил своего принца. Потому что история Шести Герцогств тесно связана с историей Внешних островов. А еще потому, что я так сказал.

Свифт опустил глаза, но я не почувствовал, что он стал лучше ко мне относиться. Мне пришлось наградить его строгим взглядом, прежде чем он начал читать. Впрочем, у меня сложилось впечатление, что почти сразу же ему стало интересно. Мальчишеский голос, который напевно произносил слова, меня успокаивал, я позволил себе расслабиться и практически не вникал в их смысл.

Через некоторое время вошел Чейд, но я демонстративно не обращал на него внимания, когда он начал что-то тихонько обсуждать с Дьютифулом. Затем принц обратился ко мне при помощи Силы:

Чейд просит тебя отпустить ненадолго Свифта, нам нужно поговорить без свидетелей.

Минутку.

Я кивнул, словно соглашаясь с тем, что прочитал Свифт. Когда он сделал новый вдох, чтобы продолжить, я дотронулся до его плеча.

– На сегодня хватит. Можешь идти. Жду тебя здесь завтра.

– Слушаюсь.

В его голосе не прозвучало ни радости предвкушения новых уроков, ни смирения, всего лишь равнодушное признание моей власти над ним. Я с трудом сдержал вздох. Затем Свифт подошел к принцу и получил разрешение покинуть каюту. По моей беззвучной подсказке Дьютифул сказал ему, что он считает хорошее образование необходимым для каждого человека и что он тоже желает, чтобы Свифт приходил на занятия каждый день. В ответ мальчик так же равнодушно кивнул, а потом ушел.

Не успела дверь за ним закрыться, как ко мне подбежал Чейд.

– Как он? – с мрачным видом спросил он и дотронулся до щеки Олуха.

– У него жар и сильный кашель. Воду пьет, а от еды отказывается.

Чейд тяжело опустился на край кровати. Потрогав шею Олуха, он засунул руку под свою рубашку, пытаясь оценить, насколько у того сильный жар.

– И сколько времени он не ел? – спросил он меня.

– Прошло по меньшей мере три дня с тех пор, как он съел что-то существенное и еда осталась в его желудке.

Чейд шумно выдохнул.

– Вот с этого и следует начать. Нужно его накормить. Густой соленый бульон с мясом и овощами.

Я кивнул, однако Олух застонал и отвернулся к стене. Его музыка словно парила над нами, исчезая вдали, или перетекала в место, куда у меня не было доступа.

Чейд положил руку мне на запястье и отвлек от моих размышлений:

Что ты сделал с ним прошлой ночью? Как ты думаешь, это твои манипуляции стали причиной его болезни?

Его вопрос изумил меня, и я ответил вслух:

– Нет. Я думаю, причина в его морской болезни, к тому же он несколько ночей оставался на палубе под дождем и при этом ничего не ел.

Олух, скорее всего, уловил наш беззвучный разговор, потому что он повернул в нашу сторону голову и сердито на меня посмотрел. Но уже в следующее мгновение он бессильно закрыл глаза.

Чейд отошел от кровати и опустился на мягкую скамейку под одним из окон, знаком показав мне, чтобы я к нему присоединился. Принц расставлял на столе фишки для игры в камни и с любопытством проводил нас взглядом.

– Забавно: чтобы сохранить нашу беседу в тайне, нужно разговаривать шепотом. – Чейд ткнул пальцем в окно, словно хотел мне что-то показать. Я наклонился вперед и кивнул, а Чейд улыбнулся и тихонько прошелестел мне на ухо: – Вчера я лег поздно, поскольку самостоятельно тренировался во владении Силой. Мне кажется, я уже добился кое-каких успехов. Я слышал музыку Олуха – она была ужасной, пронзительной и какой-то дикой. Затем я почувствовал что-то... нет, кого-то. Я думал, это ты, но почти сразу понял, что тут какое-то иное присутствие, с которым я уже встречался раньше. Постепенно оно начало набирать силу и уверенность, и музыка Олуха стала спокойнее.

Меня удивило, что Чейд смог что-то почувствовать, и я далеко не сразу сообразил, что ему ответить.

– Другое присутствие? – с самым невинным видом переспросил я.

Чейд широко улыбнулся.

– Думаю, это была Неттл. Ты решил включить ее в наш круг Силы?

– Не совсем, – ответил я, выдав свой секрет.

Мне показалось, что вокруг меня как будто рухнула стена. Я, с одной стороны, ужасно расстроился, а с другой – не мог не признаться самому себе, что испытал облегчение. Неожиданно я понял, что устал от своих тайн и не могу их больше оберегать. Пусть Чейд узнает о Неттл и ее способностях. Это вовсе не значит, что я позволю ему ее использовать.

– Я попросил ее об услуге. Мне нужно было сообщить ей, что со Свифтом все в порядке и я буду за ним присматривать. Перед тем как мы покинули Олений замок, я сказал ей, что он возвращается домой, поскольку был уверен в этом. Когда я увидел мальчика на корабле вместе с Уэбом, ну... я не мог оставить ее в неведении, она же волновалась за него, думала, что ее брат умер и его тело валяется в какой-нибудь канаве.

– Конечно, ты поступил правильно, – пробормотал Чейд, и в его глазах загорелся хищный огонек – ему были нужны сведения, и он их получил.

– В качестве ответной услуги я попросил Неттл изменить кошмар Олуха. Она отлично умеет управлять своими снами. Сегодня ночью Неттл доказала, что может справиться и с чужими.

Я с таким же волнением следил за лицом Чейда, с каким он смотрел на меня. Я видел, что он обдумывает возможные варианты использования способностей Неттл; видел, как озарилось его лицо, когда он понял, какое это могущественное оружие. Взять под контроль образы в сознании человека, сделать его мысли мрачными и пугающими или восторженными и прекрасными... С таким инструментом можно многое совершить! Можно свести человека с ума ночными кошмарами, отравить союз подозрениями или заключить брак, настав на будущих супругов романтические грезы.

– Нет, – тихо проговорил я. – Неттл сама не понимает значения того, что делает. Она даже не знает, что использует Силу. Я не стану вводить ее в круг, Чейд. – И дальше я выдал ему самую хитроумную ложь, какую только смог сочинить за столь короткое время. Мой старый

учитель мог бы мной гордиться. – Неттл будет для нас полезнее, если станет работать одна. И лучше ей не знать, что она делает. Таким образом мы сможем ее использовать. В точности так, как ты использовал меня, когда я был еще совсем мальчишкой.

Чейд с серьезным видом кивнул, похоже ни капли не усомнившись в правдивости моих слов. И тут мне открылась одна из слабостей моего старого наставника. Он любил меня, однако продолжал использовать и позволял служить своим целям. Наверное, так же было и с ним самим. Он даже представить себе не мог, что я всеми силами готов защищать Неттл от подобной судьбы.

– Я рад, что ты наконец согласился ее привлечь, – с одобрением заявил он.

– На что вы там уставились? – с любопытством спросил Дьютифул и подошел к окну.

Чейд солгал, что мы играем: сперва смотрим на корабли, которые движутся по воде, а потом моргаем и стараемся увидеть ту же картину иначе: как будто корабли неподвижны, а вода обтекает их.

– И о чем ты хотел с нами поговорить? – спросил Дьютифул.

Чейд сделал вдох, и я понял, что он пытается придумать тему.

– Думаю, получилось все просто великолепно. Здесь Олух и Фитц – так что вся наша группа собралась в одном месте. Полагаю, будет разумно сообщить всем, что Олух очень привязался к Фитцу и не хочет от себя отпускать. Таким образом, ни у кого не возникнет нелепых вопросов о том, что делает простой стражник рядом с принцем, даже после того, как Олух поправится.

– Мне казалось, мы это уже обсудили, – удивился принц.

– Правда? Ну, наверное. Прошу простить забывчивость старика, мой принц.

Дьютифул скептически фыркнул, а я тактично удалился к Олуху, который по-прежнему весь горел.

Чейд позвал слугу и приказал принести для него еды. Я вспомнил ехидную кухарку, с которой уже имел счастье познакомиться, и пожалел мальчишку, которого к ней отправили. Он вернулся на удивление быстро с чашкой горячей соленой воды, в которой плавал кусок мяса. Чейд пришел в ярость и послал на кухню другого слугу, выдав ему четкие указания насчет того, что он должен принести. Я уговорил Олуха выпить немного обычной воды и с беспокойством прислушался к его хриплому дыханию.

Вторая попытка кухарки оказалась более успешной, и мне удалось уговорить Олуха съесть несколько ложек бульона. У него болело горло, ему было трудно глотать, и потому он ел очень медленно. По приказу Чейда мне тоже принесли еду, чтобы я мог перекусить, не покидая своего подопечного. Вскоре такой распорядок стал нормой, и я радовался, что могу есть спокойно да еще отдельно от остальных стражников. С другой стороны, я оказался изолирован от всех разговоров и общения, если не считать Олуха, Чейда и Дьютифула.

Я надеялся, что смогу как следует выспаться в свою первую ночь в каюте принца. Олух немного успокоился и даже не стонал. Мне устроили постель на полу, между порогом и противоположной стеной. Я закрыл глаза, собираясь хорошенько отдохнуть, но вместо этого сделал глубокий вдох, настроился и нырнул в сон Олуха.

Он был не один. Котенок-Олух устроился на подушке в самом центре огромной кровати, а Неттл ходила по крошечной комнате. Казалось, она занимается обычными домашними делами. Она тихонько напевала, складывая разбросанную одежду и убирая еду в шкаф. Когда она закончила, комнатка стала очень аккуратной и светлой.

– Ну вот, – сказала она котенку, который за ней наблюдал. – Видишь, все в порядке. Вещи на своих местах. И тебе нечего бояться. А теперь спи, малыш, хороших тебе снов.

Неттл поднялась на цыпочки, чтобы загасить лампу, и я вдруг понял диковинную вещь. Я знал, что это Неттл, но видел ее глазами Олуха как приземистую, невысокую женщину с длинными седеющими волосами, собранными на затылке в пучок, и глубокими морщинами

на лице. Мать Олуха, которая родила его очень поздно. По возрасту она больше подходила на роль его бабушки.

И тут сон Олуха отступил, и у меня возникло ощущение, будто я издалека смотрю на освещенное окно. Я огляделся по сторонам. Мы были на склоне горы, на вершине виднелись руины башни, а меня окружали мертвые ветви ежевики. Рядом со мной стояла Неттл.

– Я делаю это для него, а не для тебя, – сердито заявила она. – Никто не должен видеть сны, пропитанные таким страхом.

– Ты на меня сердишься? – медленно спросил я, опасаясь услышать ответ.

Неттл не смотрела на меня. Вдруг откуда-то налетел порыв холодного ветра и разделил нас, но она все равно спросила:

– Что на самом деле означали слова, которые ты просил меня передать отцу? Неужели ты бессердечное чудовище, Сумеречный Волк? Твои слова, как ядовитая стрела, пронзили его сердце.

Да. Нет. Я не мог открыть ей правду. Я попытался сказать, что никогда не причинил бы ему боли сознательно. Но так ли это? Он женился на Молли. Они оба думали, что я умер; они не желали мне зла. Но он все равно забрал ее у меня. И вырастил мою дочь, он заботился о ней и оберегал ее. Да, все так, и я был ему за это благодарен. Но не за то, что всякий раз, услышав слово «папа», она будет представлять себе его лицо.

– Ты меня сама попросила, – ответил я и почувствовал, как резко прозвучали мои слова.

– И, как в сказке, ты выполнил мое желание, и оно разбило мне сердце.

– Что случилось? – не сумев сдержаться, спросил я.

Неттл не хотела мне рассказывать, но не сумела сдержаться.

– Я сказала отцу, что мне приснился сон и что во сне волк с колючками в носу обещал присматривать за Свифтом и благополучно доставить его домой. А потом я повторила слова, которые ты произнес: «Как сделал ты однажды, так я делаю сейчас. Я приютил и направляю твоего сына. Я своей жизнью готов защищать его от любой опасности, а когда моя работа будет завершена, я привезу его к тебе домой».

– И что?

– Мама в этот момент замешивала хлеб и велела мне не говорить про Свифта, если все, на что я способна, – это глупости и фантазии. Но она стояла спиной к столу, за которым мы с отцом сидели. Она не увидела, какими огромными стали его глаза, когда он услышал мои слова. Несколько минут он просто смотрел на меня, а потом повалился на пол и остался лежать, глядя в потолок, как будто умер. Мы с братьями, опасаясь самого худшего, отнесли его на кровать. Мама страшно испугалась и все время спрашивала, где у него болит. А он не отвечал. Только прикрыл глаза руками, скорчился, точно побитый ребенок, и заплакал.

Он плакал целый день и при этом не произнес ни единого слова. Когда спустилась ночь, я услышала, как он встал. Я тихонько подползла к краю чердака, где спала, и заглянула вниз. Отец собрался в дорогу, а мама держала его за руку и умоляла не уходить. Он сказал ей: «Женщина, ты даже не представляешь себе, что мы натворили, но я не могу найти в своем сердце мужества, чтобы тебе сказать. Я трус. Я всегда был трусом». Потом он стряхнул ее руку и ушел.

На одно короткое мгновение перед моими глазами возникла страшная картина: Молли отвергнутая и несчастная.

– Куда он отправился? – выдавил из себя я.

– Подозреваю, что к тебе. Уж не знаю, где ты сейчас находишься.

Слова прозвучали даже слишком резко, но я услышал в них надежду, что хотя бы кто-то знает, куда и почему ушел ее отец. Мне пришлось отнять у Неттл эту надежду.

– Невозможно. Но думаю, я знаю, куда он пошел, и, полагаю, твой отец скоро вернется.

Олений замок, подумал я про себя. Баррич прямолинейный человек. Он пойдет в Баккип в надежде загнать в угол Чейда и задать ему парочку вопросов. Вместо Чейда он получит Кет-

риккен. А она ему все расскажет. Ведь открыла же она Дьютифулу, кто я такой. Потому что Кеттриккен считает, что людям нужно говорить правду, даже если она причиняет им боль.

Пока я представлял себе их встречу, Неттл снова заговорила.

– Что я наделала? – спросила она меня. Но это был риторический вопрос. – Я считала себя такой умной. Думала, что могу заключить с тобой сделку и вернуть домой брата. А вместо этого... что я наделала? И кто ты такой? Ты желаешь нам зла? Ненавидишь моего отца? – И вдруг с ужасом выпалила: – Мой брат находится в твоей власти?

– Прошу тебя, не нужно меня бояться. У тебя нет причин мне не верить, – поспешно проговорил я и тут же засомневался, правда ли это. – Свифт в безопасности, и, обещаю, я сделаю все, что в моих силах, чтобы он, как только представится возможность, вернулся домой, к тебе. – Я задумался, пытаюсь решить, что можно ей сказать, она ведь была совсем не глупа, моя дочь. Слишком много намеков – и она раскроет мою тайну. И тогда вполне вероятно, что я ее потеряю навсегда. – Я знал твоего отца много лет назад. Мы были очень близки. Но я принял несколько решений, которые противоречили его правилам, и мы расстались. Долгое время он думал, что я умер. Теперь, после твоих слов, он знает, что я жив. И уверен, что причинил мне зло и виноват передо мной из-за того, что я к нему не пришел. Он ошибается. Но если ты хотя бы чуть-чуть знаешь своего отца, тебе известно, что им управляет собственное представление о реальности.

– Ты знал моего отца много лет назад? Значит, и маму ты тоже знал?

– Я был с ним знаком задолго до твоего рождения. – Не совсем ложь, но все равно обман; я позволил Неттл сделать свои, неправильные выводы.

– И для моей матери мои слова ничего не значили, – сказала она через несколько минут.

– Да, – подтвердил я и осторожно спросил: – Как она?

– Плохо, естественно! – Неттл разозлилась на меня за глупый вопрос. – Она стояла перед домом и кричала ему вслед, а потом объявила нам, что ей не следовало выходить за такого упряма. Она дюжину раз спросила меня, что я ему сказала, и я дюжину раз повторила ей про свой «сон». Я чуть не рассказала про тебя все, что мне известно. Но это не помогло бы ведь, правда? Потому что она тебя не знает.

На одно короткое мгновение я увидел Молли глазами Неттл. Она стоит на дороге, у нее растрепались волосы, когда она пыталась остановить Баррича. Они по-прежнему выются, Молли отбросила их за спину, чтобы не мешали, и грозит кулаком вслед мужу. Ее младший сын, которому чуть больше шести, вцепился в юбку и испуганно всхлипывает – он не понимает, что происходит и почему мама и папа кричали друг на друга, а потом папа куда-то ускорился. Вечернее солнце окрашивает эту картину в кроваво-красные тона. «Ты слепой старый болван! – кричит Молли ему вслед, и ее слова ударяют в меня, точно камни. – Ты заблудишься или тебя ограбят! Ты больше никогда к нам не вернешься!» Но ей отвечает лишь удаляющийся топот копыт.

Затем Неттл отбросила страшные воспоминания, и я обнаружил, что мы больше не стоим на склоне горы с полуразрушенной башней. Мы перенеслись на чердак. Кончики моих волчьих ушей едва не касаются низких балок. Неттл сидит на своей кровати, подтянув колени к груди. За занавеской, которая отделяет наш закуток, я слышу дыхание ее братьев. Один заворочался и вскрикнул во сне. Сегодня ночью в этом доме никто не спит спокойно.

Мне невыносимо хотелось попросить Неттл ничего не говорить обо мне Молли, но я боялся, что тогда она поймет, что я солгал. Она и сейчас могла догадаться, что между мной и ее матерью существовала связь. Я не мог ответить на ее вопрос честно и потому сказал совсем другое:

– Думаю, твой отец скоро будет дома. Когда он вернется, ты мне скажешь, чтобы я перестал волноваться?

– Если он вернется, – едва слышно проговорила Неттл, и я понял, что Молли произнесла вслух то, чего втайне боялись все члены семьи. Неттл начала неохотно, как будто страшилась своими словами сделать опасность реальной: – Его уже однажды ограбили и избили, когда он в одиночку отправился на поиски Свифта. Он нам ничего не рассказал, но мы и сами догадались. И тем не менее он снова пустился в путь один.

– Очень похоже на Баррича, – сказал я.

Я не осмелился сказать вслух то, на что надеялся в глубине души: что Баррич взял лошадь, которую хорошо знал. И хотя он из принципа не пользуется Даром, чтобы общаться со своими подопечными, это не мешает животным чувствовать его.

– Да, таков мой отец, – с гордостью и одновременно с грустью подтвердила Неттл.

А потом стены комнаты потекли – так буквы, написанные чернилами, расплываются по бумаге, на которую падают слезы. Последнее, что я видел, была Неттл. Когда я проснулся, оказалось, что я смотрю в темный угол каюты принца и ничего не вижу.

В томительные дни и ночи, которые последовали дальше, состояние Олуха почти не изменилось. На какое-то время ему становилось лучше, а потом снова начинался кашель и появлялся жар. Настоящая хворь не дала вернуться страху морской болезни, но меня это не утешало. Несколько раз я обращался за помощью к Неттл: просил ее, чтобы она прогнала навязанные лихорадкой кошмары, прежде чем они взбудоражат всю команду. Матросы склонны к суевериям. Благодаря Олуху им приснился одинаковый кошмар, и, когда они сравнили свои впечатления, все дружно решили, что получили предупреждение от богов. Это произошло всего один раз, но вполне могло стать причиной бунта.

Я гораздо больше, чем мне хотелось, занимался с Неттл снами Олуха. Она ничего не говорила про Баррича, а я не спрашивал, хотя и знал, что мы оба считаем дни, прошедшие с тех пор, как он покинул дом. Если бы у Неттл были новости о нем, она бы непременно мне рассказала. Его исчезновение из ее жизни освободило место для меня. Я чувствовал, что наша связь крепнет, и вскоре начал постоянно ощущать ее присутствие. Сама того не зная, она учила меня проникать в сны Олуха и изменять их, мягко наполняя более приятными образами. Впрочем, у меня получалось не так хорошо, как у нее. Я скорее предлагал изменения, в то время как она исправляла его сны.

Дважды я почувствовал, что Чейд за нами наблюдает. Меня это раздражало, но я ничего не мог поделать, поскольку, если бы признал его присутствие, о нем узнала бы и Неттл. Я сделал вид, что не заметил его, и это сыграло мне на руку: Чейд осмелел, и оказалось, что он серьезно поднаторел в использовании Силы. Интересно, он сам не осознает своих успехов или нарочно скрывает их от меня? Я решил не задавать этот вопрос вслух.

Мне никогда не нравилось путешествовать по морю. Скучные пейзажи – и никакого разнообразия. Через пару дней каюта принца начала казаться мне почти такой же тесной и душной, как нижняя палуба, где ютились мои товарищи-стражники. Однообразная пища, бесконечная качка и мое беспокойство за Олуха не способствовали поднятию духа. Наш маленький круг Силы практически не продвигался вперед в своих занятиях.

Свифт продолжал приходить каждый день, читал вслух, узнавал разнообразные сведения о Внешних островах и освежал мои. В конце каждого занятия я задавал ему вопросы, чтобы убедиться, что в голове у него что-то осталось. Оказалось, что у мальчишки отличная память, к тому же время от времени он спрашивал о том, что его заинтересовало. Свифт редко вел себя доброжелательно, но слушался меня, а большего мне не требовалось – пока.

В присутствии Свифта Олух расслаблялся, слушал нас, и морщины на его лице разглаживались. Впрочем, он редко говорил, хрипло дышал, а иногда у него начинались приступы сильного кашля. Процесс его кормления выматывал нас обоих, и мне с трудом удавалось уговорить его съесть хотя бы несколько ложек бульона. Круглое брюшко, которым он обзавелся за последние месяцы, пропало, под глазами появились синяки. Он был действительно серьезно

болен, и у меня сжималось сердце, когда я чувствовал, как он воспринимает свое состояние. Олух считал, что умирает, и мне не удавалось прогнать эту уверенность даже из его снов.

Дьютифул был не в силах мне помочь. Он очень старался, поскольку искренне привязался к Олуху. Но принцу было всего пятнадцать, и во многом он оставался мальчишкой. Мальчишкой, окруженным аристократами, идущими на любые ухищрения, чтобы проводить как можно больше времени в его обществе. Здесь, где не действовали суровые правила, навязанные им Кетриккен, они изливали на него самую изысканную лесть и придумывали разнообразные развлечения. Маленькие лодки сновали между кораблями, доставляя аристократов к нам, но нередко Дьютифул и Чейд сами отправлялись на другие корабли, где устраивались настоящие праздники с вином, стихами и песнями. Это делалось, чтобы скрасить однообразие, но Дьютифулу пристало равномерно распределять свое внимание между аристократами, поскольку успех его правления будет основываться на связях, возникающих сейчас. Так что отказаться от приглашения он не мог. Однако меня беспокоила легкость, с которой принц забывал про своего больного слугу.

Уэб был моим единственным утешением. Он приходил каждый день и тихонько предлагал посидеть с Олухом, чтобы я занялся своими делами. Разумеется, я не мог полностью отвлечься от забот об Олухе. Я постоянно присматривал за ним при помощи Силы, чтобы он не вверг всех нас в какой-нибудь дикий, исполненный страхов сон. Но по крайней мере, я уходил из каюты, чтобы прогуляться по палубе, глотнуть свежего воздуха, подставить лицо ветру.

С другой стороны, из-за такого распределения времени мне не удавалось остаться с Уэбом наедине. Я хотел поговорить с ним, и не только ради того, чтобы выполнить поручение Чейда. Доброта и спокойная уверенность Уэба все больше и больше восхищали меня. У меня возникло ощущение, что он добивается моего расположения, но не так, как обхаживали Дьютифула его придворные. Скорее так ведет себя Баррич с лошастью, которую хочет приручить. Должен сказать, что у Уэба отлично получалось, несмотря на то что я все прекрасно понимал. С каждым днем я доверял ему больше, а осторожность и напряжение начали постепенно уходить из наших отношений. Меня перестало пугать, что он знает обо мне правду, наоборот, это служило своего рода утешением. Мне очень хотелось задать ему множество вопросов. Например, многие ли люди Древней Крови знают, что Фитц Чивэл жив? И кому известно, что он скрывается под именем Том Баджерлок? Но я не осмеливался задавать эти вопросы в присутствии Олуха даже в те минуты, когда он спал. Невозможно предсказать, как он повторит мои слова – во сне или наяву.

Однажды поздним вечером, когда Чейд и Дьютифул вернулись после очередного выхода в свет, я дождался, пока принц отпустит слуг. Они с Чейдом сидели на мягкой скамье под окном и о чем-то тихо разговаривали. Я отошел от кровати Олуха и знаком подозвал их к столу. Оба устали после долгой игры в камни с лордом Экселлентом, но их настолько заинтриговало мое поведение, что они послушно встали со скамьи.

– Уэб тебе говорил, что ему известно мое настоящее имя? – без предисловий спросил я Дьютифула.

Удивленное выражение на его лице без слов ответило на мой вопрос.

– И кто только за язык тебя тянет? – сердито проворчал Чейд.

– А что, имеется причина, по которой я не должен этого знать? – более резко, чем я ожидал, ответил за меня принц.

– Просто это не имеет отношения к нашей миссии. Я бы хотел, чтобы вы тратили все свои силы на то, что вам предстоит сделать, принц Дьютифул, – сдержанно ответил Чейд.

– Возможно, советник Чейд, вы позволите мне самому решать, какие тревоги должны меня волновать? – Жесткость, с которой он ответил, навела меня на мысль о том, что они уже не раз обсуждали этот вопрос.

– Значит, ты не заметил, чтобы кто-нибудь из вашего круга Дара знал, кто я такой?

Принц поколебался несколько мгновений, а потом проговорил:

– Нет. Однако разговоры об Одаренном Бастарде возникают время от времени. Знаешь, если подумать... такие разговоры всегда заводит Уэб. Но он поднимает эту тему точно так же, как учит нас истории и традициям Дара. Он что-то рассказывает, а потом задает вопросы, которые помогают нам глубже понять предмет обсуждения. Он ни разу не упомянул о Фитце Чивэле иначе как об исторической фигуре.

Довольно неприятно, когда тебя называют «исторической фигурой». Прежде чем я успел окончательно смутиться, заговорил Чейд:

– Получается, что Уэб официально учит твой круг Дара? История, традиции... Что еще?

– Правила приличий. Он рассказывает истории Одаренных и животных. Как подготовиться к поискам партнера. Думаю, то, чему он нас учит, остальным известно с детства, но он делает это ради нас со Свифтом. Однако предания все слушают очень внимательно, особенно менестрель Кокл. Мне кажется, Уэб знает легенды и сказания, которые почти забылись, и хочет, чтобы мы сохранили их и передали следующим поколениям.

Я кивнул.

– Когда начались преследования, Одаренным приходилось скрывать свои традиции и знания. Естественно, многое было утрачено, и лишь часть удалось сохранить и передать дальше.

– А зачем, по-твоему, Уэб заводит разговор про Фитца Чивэла? – задумчиво спросил Чейд.

Я наблюдал за тем, как Дьютифул обдумывает ответ, – точно так же Чейд учил и меня оценивать действия других людей. Что он выигрывает? Кто подвергается опасности?

– Возможно, он подозревает, что я знаю правду. Однако, я думаю, дело в другом. Думаю, он упоминает Фитца, чтобы наша группа смогла ответить на вопросы: «Какова разница между Одаренным правителем и тем, кто лишен Дара? Как сложилась бы судьба Шести Герцогств, если бы Фитц тогда пришел к власти и его не казнили за обладание Даром? Если когда-нибудь наступит благоприятный момент и я смогу открыть, что я принадлежу к Древней Крови, как это отразится на Шести Герцогствах? И что выиграет мой народ, если им будет править Одаренный? И как может помочь мне круг Дара, когда я взойду на трон?»

– Когда ты взойдешь на трон? – резко спросил Чейд. – Неужели их амбиции так сильно нас опережают? Сначала они говорили, будто хотят помочь тебе в твоём испытании и показать Шести Герцогствам, что Дар можно использовать на благое дело. Они что, предполагают оставаться твоими советниками и после того, как все закончится?

Дьютифул нахмурился, глядя на Чейда.

– Разумеется.

Когда старик раздраженно насупился, я решил, что пора вмешаться.

– Мне это кажется только естественным, особенно если им действительно удастся помочь принцу во время испытания. Использовать их, а потом отшвырнуть в сторону – политически неразумно, ты сам учил нас рассматривать все возможности и варианты.

– Ну... наверное, – неохотно проворчал Чейд. – Если они действительно докажут, что от них может быть польза, то могут рассчитывать на некоторое вознаграждение.

Принц заговорил совершенно спокойно, но я почувствовал, что он с трудом сдерживает гнев.

– И что, по твоему мнению, они должны были бы попросить в качестве вознаграждения за свою помощь, будь они кругом Силы?

Его вопрос прозвучал настолько в стиле Чейда и принц так ловко расставил своему наставнику ловушку, что я чуть не рассмеялся вслух.

– Но это же совсем другое дело! – возмутился Чейд. – Сила является твоей наследственной магией, к тому же она значительно более могущественна, чем Дар. Только естественно,

что ты будешь держать свой круг Силы при себе, принимать его помощь и советы... – И тут он замолчал.

Дьютифул медленно кивнул.

– Древняя Кровь – тоже моя наследственная магия. И я подозреваю, что мы очень мало о ней знаем. Чейд, я испытываю доверие и чувство товарищества к тем, кто ее со мной разделяет. Как ты сам сказал, это естественно.

Чейд открыл рот, собираясь что-то сказать, но тут же закрыл его. Потом снова открыл и снова промолчал. Когда же он заговорил, в его голосе слышалось восхищение:

– Хорошо. Я готов принять твою логику. Это вовсе не означает, что я согласен, но я ее принимаю.

– А большего я и не прошу, – ответил принц, и в его словах я снова услышал эхо власти будущего монарха.

Чейд попытался выместить свое раздражение на мне.

– И зачем только ты завел этот разговор? – сердито спросил он, словно я намеренно стал причиной их разногласий.

– Потому что мне необходимо знать, чего хочет от меня Уэб. У меня сложилось впечатление, что он меня... ну, скажем, обхаживает, пытается завоевать мое доверие. Зачем?

На борту корабля не бывает настоящей тишины. Разговор между морем и деревом, парусами и ветром никогда не смолкает. Эти голоса некоторое время были единственными, которые раздавались в каюте. Потом Дьютифул тихонько фыркнул:

– Возможно, он просто хочет стать твоим другом, Фитц. Что он в противном случае выигрывает?

– Он владеет тайной, – ехидно заявил Чейд. – А тайна – это власть.

– И опасность, – возразил принц. – Как для Фитца, так и для самого Уэба. Представь себе, что будет, если он откроет тайну. Разве он не поставит под угрозу мое правление? Разве некоторые придворные не набросятся с упреками на мою мать за то, что она все знала и молчала и сохранила Фитцу жизнь? – И уже более тихо он добавил: – Не забывай: открыв Фитцу, что он знает его тайну, Уэб страшно рисковал. Ведь, чтобы сохранить ее, некоторые люди готовы пойти на убийство.

Я наблюдал за Чейдом, пока он переваривал слова Дьютифула.

– Ты прав. То, что Уэб знает истинное имя Фитца, угрожает твоему правлению не меньше, чем самому Фитцу, – с беспокойством признал он. – Тут ты прав. Уэбу выгодно хранить свое знание в тайне. До тех пор, пока ты поддерживаешь Одаренных, они будут заинтересованы в том, чтобы ты заполучил трон. А если ты выступишь против них? Что тогда?

– Действительно, что тогда? – усмехнулся принц. – Чейд, вспомни, как ты часто спрашивал меня: «Что случится дальше?» Что, если мою мать и меня лишат власти, кто ее захватит? Естественно, те, кто отнимет у нас престол Шести Герцогств. Причем они будут врагами Одаренных, и такими непримиримыми, с какими Древней Крови не приходилось встречаться никогда. Нет, я думаю, нам не стоит беспокоиться за тайну Фитца. Более того, я считаю, что ему следует забыть о своих сомнениях и по-настоящему подружиться с Уэбом.

Я кивнул, пытаясь понять, почему мне стало так не по себе от этого предложения.

– Я продолжаю сомневаться в необходимости и пользе твоего круга Дара, – проворчал Чейд.

– Правда? В таком случае почему ты каждый день спрашиваешь меня, что сказала птица Уэба? Тебе разве не стало легче от того, что все корабли, которые она видела, принадлежали честным купцам или обычным рыбакам? Ты не забыл, какие новости она принесла нам сегодня? Рииск пролетела над гаванью Зилиг, и Уэб осмотрел ее глазами своей птицы. Он не увидел там необычного скопления людей, какое бывает во время подготовки к военным дей-

ствиям или когда замышляется предательство. Да, в городе много народа, но там царит праздничное настроение. Неужели у тебя не polegчало на душе, когда мы получили это сообщение?

– Пожалуй, polegчало. Но ненамного, ведь предательство очень легко замаскировать.

Олух перевернулся на бок и что-то пробормотал, и я отправился к нему. Довольно скоро Чейд ушел в свою каюту, принц лег спать, а я расстелил свою постель рядом с кроватью Олуха. Я думал про Уэба и Рииск и пытался представить океан и Внешние острова такими, какими их увидела птица. Поразительное и сказочное зрелище. Но прежде чем я унесся на крыльях своего воображения, меня охватила тоска по Ночному Волку. Этой ночью мне снились мои собственные сны про волков, которые охотятся среди поросших травой холмов.

VIII

Хетгард

Вот как это было. Эда и Эль совокуплялись во мраке, но он не снискал ее расположения. Эда родила землю, а воды, сопровождавшие ее рождение, стали морем. Земля была бесформенной: глина да стоячая вода, но потом Эда стала лепить из нее руны своего тайного имени, и руны тайного имени Эля она сотворила тоже. Свои Божественные Руны она бережно расставила посреди океана, начертав свое имя. И Эль наблюдал за ее работой.

Но когда он попросил глину, чтобы слепить собственные руны, Эда ему отказала: «Ты лишь изверг в меня поток семени, и потому в моем творении от тебя одни только воды, плоть же моя. Так что забирай то, что принадлежит тебе, и будь тем доволен».

Эль не был доволен. И потому он создал для себя мужчин, и дал им корабли, и пустил их по морской глади. Смеясь про себя, он думал: «Их слишком много, чтобы Эда могла за всеми уследить. Скоро они высадутся на землю и переделают ее по моему усмотрению, и там будет написано мое, а не ее имя».

Но Эда была дальновидна. И когда мужчины Эля пришли на землю, они встретили женщин, которые там жили, главенствовали над растениями и обихаживали скот, который плодился и размножался, послушный их воле. И женщины не допустили, чтобы мужчины изменили землю, и даже не позволили им долго на ней жить. Женщины сказали: «Мы возьмем воды ваших чресел и с их помощью создадим плоть, подобие нашей. Но земля, которую родила Эда, не будет принадлежать вашим сыновьям, но только дочерям».

«Рождение мира», пересказ эпической песни Внешних островов

Несмотря на опасения Чейда, сообщение Уэба и его птицы оказалось совершенно точным. На следующее утро впередсмотрящий крикнул, что он видит землю, и уже днем по левому борту можно было видеть ближайшие островки архипелага, стремительно исчезающие вдаль. Зеленые берега, крошечные домики и маленькие рыбацьи лодки оживили скучный морской пейзаж. Я попытался уговорить Олуха встать и выйти на палубу, чтобы убедиться, как близок конец нашего путешествия, но он категорически отказался. Когда он заговорил, он произносил слова медленно, как будто несколько не сомневался в собственной правоте.

– Это будет не дом, – простонал он. – Мы слишком далеко от дома, и мы никогда туда не вернемся. Никогда.

Потом он закашлялся и отвернулся от меня.

Но даже его мрачное отношение к происходящему не могло омрачить моей радости. Я убедил себя, что, как только Олух окажется на берегу, хорошее настроение и здоровье к нему вернуться. Оттого что конец пути близок и мы должны были скоро покинуть замкнутое пространство корабля, каждый миг тянулся целую вечность. На следующий день мы увидели Зилиг, хотя мне казалось, будто прошел целый месяц. Когда к нам приблизились маленькие лодки, чтобы нас поприветствовать и провести наши корабли по узкому каналу в гавань, мне мучительно захотелось оказаться на палубе рядом с Чейдом и Дьютифулом.

Но я лишь мерил шагами каюту принца, время от времени выглядывая в окна. Я слышал крики нашего капитана и топот ног по палубе. Чейд и Дьютифул, его свита из придворных и Одаренные – все собрались наверху и следили за тем, как наш корабль приближается к Зилигу.

Я чувствовал себя будто пес, который сидит на цепи у своей конуры и с бессильной завистью смотрит на гончих, отправляющихся на охоту.

Ритм качки изменился, когда были спущены паруса и натянуты буксирные тросы. Потом лоцманы с Внешних островов развернули нас кормой к Зилигу. Мы бросили якорь, и я во все глаза уставился на чужой город в иллюминаторах. Другие корабли Шести Герцогств заняли свои места рядом с нами.

Ничто на свете, пожалуй, не тянется дольше, чем буксировка корабля в порт, разве что разгрузка. Неожиданно вода вокруг нас забурлила от множества маленьких лодок, чьи весла поднимались и опускались, точно лапки водяных жуков. Одна из них, больше и роскошнее остальных, вскоре увезла с корабля принца Дьютифула, Чейда, избранных придворных и нескольких стражников, чтобы доставить их на берег. Я проводил суденышко взглядом, уверенный в том, что про нас с Олухом попросту забыли. И тут раздался стук в дверь, и на пороге возник Риддл в форме стражи принца. Глаза у него сияли от возбуждения.

– Мне велели последить за твоим полоумным, пока ты будешь собираться. Нас ждет лодка, она отвезет на берег тебя, его и остальных ребят. Давайте пошевеливайтесь. Все уже готовы.

Значит, все-таки про меня не забыли, но и посвятить в свои планы не посчитали нужным. Я оставил Риддла с Олухом, а сам спустился вниз, где уже никого не было. Парни надели чистую форму, как только показался порт. Те, кому не выпало сопровождать принца, стояли на палубе, радуясь возможности покинуть душный трюм. Я быстро переоделся и поспешил вернуться в каюту принца.

Я прекрасно понимал, что быстро переодеть Олуха в чистое будет совсем не просто, но, к моему облегчению, Риддл уже приступил к этому неблагодарному делу.

Олух сидел, раскачиваясь, на краю своей кровати. Синяя туника и штаны, словно бесформенный балахон, висели на его исхудавшем теле. Пока я не увидел его в одежде, я и не осознавал, насколько он отощал. Риддл стоял перед ним на коленях и добродушно уговаривал надеть сапоги. Олух жалобно стонал и с мученической гримасой пытался ему помочь – впрочем, не слишком успешно. Теперь я окончательно убедился в том, что Риддл работает на Чейда. Обычный стражник ни за что не стал бы заниматься столь неприятным делом.

– Дальше я справлюсь, – сказал я, и мой голос прозвучал излишне резко.

Я и сам не смог бы объяснить, почему мне хотелось защитить маленького человечка, смотревшего на меня мутными круглыми глазами.

– Олух, – проговорил я, натягивая на него сапоги. – Мы сходим на берег. Как только мы окажемся на земле, тебе станет намного лучше. Вот увидишь.

– Не станет, – пообещал он мне и закашлялся так сильно, что я испугался.

Тем не менее я надел на него плащ и заставил встать. Олух, с трудом переставляя ноги, плелся рядом со мной, когда мы вышли из каюты. Оказавшись на палубе, где дул пронзительный ветер, впервые за последние несколько дней, он задрожал и начал кутаться в плащ. Светило яркое солнце, но день выдался совсем не такой теплый, как летние дни в Бакке. Горные пики украшали снежные шапки, и ветер доносил до нас их холод.

На берег нас доставили представители Внешних островов. Нам с Риддлом пришлось напрячь все силы, чтобы заставить Олуха спуститься с палубы в пляшущую на волнах лодку. Я про себя поносил стражников, которые потешались над нашими усилиями. Сидевшие на веслах местные, не таясь, обсуждали нас на своем языке, уверенные в том, что я не понимаю их презрительных замечаний в адрес принца, выбравшего себе в спутники недоумка. Усевшись рядом с Олухом, я обнял его за плечи, стараясь защитить от ужаса, который его охватил, когда он оказался в маленькой открытой лодочке. По его щекам катились круглые слезы, когда мы взлетали и падали вниз, а я, щурясь от ярких солнечных бликов на воде, разглядывал пристани и дома Зилига.

Зрелище, представшее моим глазам, не доставило мне удовольствия, и я понял отвращение Пиоттра Блэкуотера к городам. Зилиг обладал всеми недостатками большого порта. Пристани и доки под разными углами прорезали бухту, тут и там виднелись самые разные корабли. Большинство из них были могучими китобоями, и их окутывала застарелая вонь жира и крови. Мне удалось заметить несколько торговых судов из Шести Герцогств, а также одно из Калсиды и одно из Джамелии. Между ними сновали рыбацьи лодки, снабжавшие город свежей провизией, и совсем крошечные лодчонки, которые доставляли на покидавшие порт суда копченую рыбу, сушеные водоросли и все необходимое для дальней дороги. Мачты причудливыми штрихами украшали небо, по мере нашего приближения медленно увеличивались в размерах стоящие у причалов корабли.

За ними мне удалось разглядеть склады, гостиницы для моряков и лавки. Узкие улицы, некоторые не шире лесной тропки, с трудом пробирались между маленькими домами, выстроенными по большей части из камня. В дальнем конце бухты, где вода была мелкой и каменистый берег не годился для причалов, стояло несколько домиков. Лодки с веслами лежали выше линии прибоя, а на веревках, точно белье, сушилась выпотрошенная рыба. Дым костров, разведенных в коптильных ямах, придавал ей особый вкус и одновременно предохранял от гниения. По берегу с громкими криками носились дети.

Район, к которому мы приближались, похоже, построили недавно. В отличие от остального города улицы здесь были широкими и прямыми. Традиционный местный камень дополнял дерево, дома казались значительно выше. В некоторых на верхних этажах имелись окна из ребристого стекла. Я вспомнил, что драконы Шести Герцогств побывали в этом портовом городе и принесли на своих крыльях смерть и разрушения нашим врагам.

Новые дома и мощные прямые улицы казались какими-то чужими на фоне беспорядочного портового города. Мне стало интересно, что здесь было перед тем, как в Зилиге побывал Верити-дракон. Еще больше поражал тот факт, что разрушения, причиненные войной, могут стать причиной такого методичного строительства.

За гаванью тянулись скалистые холмы, тут и там в защищенных от ветра местах ютились темные вечнозеленые деревья с кривыми стволами. Среди холмов, где паслись овцы и козы, петляли проселочные дороги. Над прячущимися за деревьями домиками поднимался дым. Горы и высокие скалы со снежными вершинами виднелись за ними.

Мы прибыли во время отлива, и пристани казались великанами, которые стояли на толстых деревянных ногах, облепленных рачками и черными ракушками. Мокрые перекладки лестницы, ведущей на пирс, были украшены фестонами водорослей, оставшихся после прилива. Принц и часть придворных уже высадились, остальные неохотно уступили нам дорогу, чтобы мы могли выбраться на берег и сопровождать принца дальше.

Я покинул раскачивающуюся на волнах маленькую лодочку последним, подтолкнув к скользкой лестнице стонущего от страха Олуха. Выбравшись на берег, я отошел от воды и огляделся по сторонам. Принца, окруженного придворными, приветствовали представители Хетгарда. Мы с Олухом остались стоять неподалеку, поскольку я не знал, что теперь делать. Мне нужно было увести своего подопечного в какое-нибудь теплое место, где на него не будут глазеть любопытные зеваки. Возможно, мне даже следовало остаться с ним на корабле. Откровенное отвращение и презрение во взглядах, которые бросали на него окружающие, говорило о том, что доброго приема нам ждать не стоит. Очевидно, здесь с детьми, родившимися неполноценными, обходились так же, как в Горном Королевстве. Если бы Олух появился на свет в Зилиге, его жизнь оборвалась бы на следующий день.

Мой статус бастарда и наемного убийцы нередко требовал, чтобы во время официальных мероприятий я оставался в тени, и я к этому привык. Будь я один, я бы смешался с толпой и стал незаметно наблюдать за происходящим. Но здесь, в чужой стране, одетый в форму стражника и вынужденный присматривать за дурачком, я оставался на виду. Поэтому я стоял

в толпе, поддерживал Олуха и прислушивался к обмену старательно выверенными фразами приветствий.

Принц держался прекрасно, но сосредоточенное выражение на его лице подсказало мне, что сейчас не следует отвлекать его вопросами, даже беззвучно заданными при помощи Силы. Судя по тому, что в украшениях и на татуировках встречающих красовались изображения различных животных, здесь были представители нескольких кланов – по большей части мужчины в великолепных одеждах, роскошных мехах и драгоценностях, указывающих на их высокое положение и богатство.

Впрочем, среди них я заметил четырех женщин в вязаных шерстяных платьях, отделанных мехом. По-видимому, такие наряды говорили о богатстве их земельных владений. Отец нарчески Аркон Бладблейд тоже присутствовал на встрече, причем его сопровождали по меньшей мере шесть человек, принадлежавших к его клану. Рядом с ним стоял Пиоттр Блэкуотер, на шее которого висела золотая цепь с нарвалом, вырезанным из слоновой кости. Меня удивило, что это оказался единственный знак нарвала. К этому клану принадлежала нарческа, и среди жителей Внешних островов он считался одним из самых могущественных. Мы прибыли сюда, чтобы заключить брачный союз между ней и Дьютифулом. Вне всякого сомнения, важное событие для ее клана. Почему же его представляет только Пиоттр? Может быть, остальные против союза?

Наконец формальности остались позади, и принца с его окружением увели. Стража выстроилась без меня и последовала за ним. На мгновение я испугался, что мы с Олухом останемся на пристани, но, когда я принялся озиаться по сторонам, пытаюсь найти кого-нибудь, кто за деньги отвезет нас на корабль, к нам подошел старик. Его плащ украшал воротник из волчьего меха, а на груди я увидел знак кабана – принадлежность к клану Бладблейда, – но старик не производил впечатления человека богатого. Очевидно, ему казалось, что он может говорить на нашем языке, поскольку я понял одно слово из четырех, произнесенных им на чудовищно исковерканном наречии Герцогств. Опасаясь оскорбить его предложением перейти на родной язык, я промолчал и в конце концов понял, что клан кабана поручил ему проводить нас с Олухом в наши комнаты.

Старик не предложил мне помочь вести Олуха и старательно держался от него подальше, словно боялся заразиться. Я посчитал его поведение оскорбительным, но убедил себя сохранять терпение. Провожатый быстро шагал впереди нас, не пытаясь идти медленнее, хотя ему приходилось несколько раз останавливаться, чтобы мы могли его нагнать. Очевидно, ему не хотелось делить с нами любопытные взгляды прохожих. Должен заметить, что мы являли собой диковинную картинку: я в форме стражи принца и закутанный в плащ несчастный Олух, которого я буквально тащил за собой на буксире.

Наш проводник провел нас через отстроенную заново часть города, и мы начали подниматься вверх по узкой крутой дороге. Олух тяжело дышал и постоянно постанывал.

– Еще далеко? – спросил я у старика, причем мне пришлось кричать, поскольку он успел уйти довольно далеко вперед.

Он резко повернулся, нахмурился и знаком показал мне, чтобы я не шумел. Затем он махнул рукой в сторону большого каменного здания, значительно превосходившего размерами дома, мимо которых мы прошли. Трехэтажное, прямоугольное, с островерхой черепичной крышей и окнами, расположенными на одинаковом расстоянии друг от друга, – простое, удобное, надежное и, вероятно, одно из самых старых в городе. Я молча кивнул. Над входом красовалось вырезанное из камня изображение кабана с угрожающе торчащими клыками. Значит, нас решили поселить в «доме-крепости» клана кабана.

К тому времени, когда мы добрались до двора здания, провожатый едва сдерживал раздражение из-за нашей медлительности. Мне было все равно. Он открыл боковую дверь и

жестом показал, чтобы мы поторопились, я медленно выпрямился в полный рост и наградил его гневным взглядом. На языке Внешних островов, с ужасным акцентом, я проговорил:

– Спутник принца не желает спешить. Я же служу ему, а не тебе.

Я увидел смущение и неуверенность на лице нашего проводника, решившего, что он оскорбил кого-то, кто обладает высоким статусом. После этого он несколько вежливее проводил нас вверх на два крутых лестничных пролета в комнату, из которой открывался вид на город и гавань. К этому времени он успел мне смертельно надоесть, вдобавок я понял, что он всего лишь слуга какого-нибудь мелкого военачальника из клана кабана. И потому, как только мы вошли внутрь, я знаком показал, что он свободен, и закрыл дверь, оставив старика стоять в коридоре.

Я усадил Олуха на кровать и быстро оглядел комнату. Из нее вела дверь в другое, более роскошное помещение. По-видимому, нас поместили в комнату для прислуги, примыкавшую к покоям принца. Кровать оказалась вполне приличной, а мебель достаточно простой, но после каморки, отведенной Олуху на корабле, неприязнительная комната показалась мне королевским дворцом.

– Посиди здесь, – сказал я Олуху. – Только не спи.

– Где мы? Я хочу домой, – пробормотал он.

Пропустив его слова мимо ушей, я прошел в комнату принца. Там я взял кувшин с водой, тазик и полотенце. На столе я заметил тарелку с едой. Я не имел ни малейшего представления о том, что это такое, но все-таки взял несколько кусочков чего-то темного и липкого и маслянистое «пирожное», посыпанное какими-то семечками. Кроме того, я прихватил с собой бутылку, решив, что в ней вино, и стакан.

Олух повалился на кровать, и я с трудом снова его посадил. Несмотря на стоны и протесты, я заставил его вымыть лицо и руки, жалея, что у меня нет лоханки побольше, чтобы засунуть его туда целиком и как следует отмыть, потому что от него невыносимо пахло болезнью. Затем я заставил его немного поесть и выпить стакан вина. Один раз Олух попытался сразиться со мной при помощи Силы, но попытка получилась жалкой и какой-то детской и даже не добралась до моих стен. Я стянул с него рубаху и сапоги и уложил в постель.

– Комната все равно качается, – капризно заявил он, закрыл глаза и больше не шевелился.

Через минуту-другую Олух тяжело вздохнул, вытянулся на кровати и заснул по-настоящему. Я закрыл глаза и осторожно, на цыпочках, пробрался в его сон. Котенок, превратившись в крошечный меховой шарик, спал на вышитой подушке. Он чувствовал себя в полной безопасности. Я открыл глаза и понял, что смертельно устал и готов уснуть прямо на полу.

Я не стал этого делать. Воспользовавшись остатками чистой воды, я помылся, попробовал еду, нашел, что она отвратительна, и все съел. Маслянистая гадость, вероятно, считалась чем-то вроде конфеты, а темная гадость сильно отдавала рыбным пахтетом. «Вино» представляло собой зелье из каких-то скисших фруктов и ни капельки не смыло рыбного вкуса во рту. Подкрепившись таким образом, я взял в руки тазик с грязной водой и вышел на разведку. Если бы кто-нибудь спросил меня, что я делаю, я бы сказал, что ишу, куда ее вылить.

Здание представляло собой не только резиденцию клана, но и своего рода крепость. Нас поместили на самый верхний этаж, но, судя по тишине, царившей повсюду, мы были единственными обитателями дома. Внутреннее убранство помещений поражало своим однообразием – сплошные кабаны и клыки. Остальные двери по коридору оказались незапертыми, и я обнаружил, что одни помещения похожи на крошечную каморку Олуха, а другие, попросторнее, обставлены чуть более «роскошно», но ни одно из них не отвечало принятым в Оленьем замке представлениям о комнате для гостей, пусть даже для мелких аристократов. Я решил придерживаться своего мнения при себе, понимая, что хозяева, скорее всего, не хотели нас оскорбить. Просто у жителей Внешних островов другие взгляды на гостеприимство.

Здесь считается, что гости должны сами заботиться о своих удобствах и пропитании. Мы приплыли сюда, зная это. Вино и еда в комнате принца, скорее всего, ответный жест в благодарность за прием, который Шесть Герцогств оказали нарческе и ее свите в Оленьем замке. На верхнем этаже не видно было слуг, и я пришел к выводу, что никто не собирается нам их предоставлять.

Я спустился на этаж ниже и не обнаружил ничего нового, если не считать того, что этими комнатами, похоже, недавно пользовались; здесь еще витали запахи дыма, еды, а в одном месте даже мокрой собаки. Вероятно, их освободили для нас. Окна тут были меньше и затянуты промасленной кожей. Тяжелые деревянные ставни, некоторые со старыми следами от стрел, явно предназначались для защиты на случай осады. По-видимому, верхние этажи отводились тем, кто занимал более высокое положение, – в отличие от Шести Герцогств, где наверху жили слуги, чтобы придворным и аристократам не приходилось тратить силы на подъем по лестницам.

Когда я закрыл дверь, я услышал на лестнице шаги и вскоре увидел длинную цепочку слуг из Шести Герцогств, которые, точно муравьи, тащили наверх вещи своих хозяев. На площадке они в замешательстве остановились, и один из них спросил у меня:

– А как мы узнаем, кому какие покои отведены?

– Понятия не имею, – вежливо ответил я. – Лично я даже не нашел, куда вылить помои.

Я поспешил оставить их самостоятельно разбираться, кому какая комната достанется, хотя и не сомневался, что лучшие получают те аристократы, чьи слуги окажутся более напористыми. На первом этаже я нашел заднюю дверь, вышел и обнаружил за отхожими местами помойную яму – туда я и вылил грязную воду из тазика. Другая дверь вела на кухню, где несколько молодых парней жарили на вертеле огромный кусок мяса, резали картошку и лук и месили тесто для хлеба. Они были так заняты, что не обратили на меня внимания.

Я быстро обошел здание снаружи и выяснил, что другая, более массивная дверь ведет в большой открытый зал, занимавший почти весь первый этаж. Дверь была распахнута, чтобы впустить внутрь свет и свежий воздух. В зале проходила торжественная церемония, посвященная прибытию принца. Я спрятал тазик в траве, поправил форму и пригладил волосы.

Незаметно прошмыгнув внутрь, я увидел, что другие стражники уже выстроились вдоль стен. Вид у них был не слишком боевой, но чего можно ждать от солдат, которым скучно и на которых никто не обращает внимания. Впрочем, справедливости ради стоит заметить, что особой необходимости охранять принца не было.

Большую часть огромного длинного зала с низким потолком занимали высокие скамьи, на которых сидели мужчины. Я не заметил нигде ни помоста, ни трона, а скамьи были расставлены по кругу так, что центр оставался свободным. Речь перед собравшимися держал сторбленный старый кемпра (то есть военачальник) клана лисицы. Его короткую куртку украшали кончики лисьих хвостов, таких же белых, как и его волосы. На правой руке у него не хватало трех пальцев, зато на шее висело ожерелье из высохших пальцев его врагов – в качестве компенсации. Он нервно теребил их во время своего выступления, то и дело поглядывал на Бладблейда, словно боялся его оскорбить, и одновременно его переполнял такой гнев, что он не мог молчать. Мне удалось услышать только последние слова:

– Никакой клан не должен говорить от имени всех остальных! И ни один клан не имеет права навлекать на нас беду.

Кемпра клана лисицы с важным видом повернулся и кивнул всем четырем углам комнаты поочередно, а затем вернулся на свою скамью. Тут же поднялся представитель какого-то другого клана, вышел в центр и заговорил. Я видел, что принц и Чейд сидят вместе со своей свитой в отведенной для них части комнаты. Одаренные стояли за спиной принца. Хетгард – собрание военачальников кланов – никак не отметил высокого положения принца. Он сидел, как самый обычный главнокомандующий среди своих воинов. Это было собрание равных, пришедших

обсудить помолвку нарчески. Неужели они именно так воспринимают Дьютифула? Мне эта мысль совсем не понравилась, и я изо всех сил старался сохранить нейтральное выражение на лице.

Все это я успел подумать, пока мои глаза привыкали к полумраку после яркого солнца снаружи. Потом я нашел себе местечко у стены, в заднем ряду стражников около Риддла, который тихонько прошептал:

– Совсем они на нас не похожи, приятель. Ни пира, ни песен, ни подарков. Сначала обычные приветствия в порту, а потом принца доставили сюда и принялись обсуждать помолвку. Очень деловые ребята. Кое-кому из них не нравится, что одна из их женщин покинет родные места и отправится жить в Шесть Герцогств. Они считают, что это неестественно и принесет им несчастье. Но большинству все равно. Похоже, они думают, что невезение падет на головы представителей клана нарвала, а они тут ни при чем. Самый скользкий момент – это вопрос об убийстве дракона.

Выслушав его короткий отчет, я кивнул. Да, Чейд не ошибся в этом парне. Интересно, где старый убийца его нашел? Впрочем, я решил не отвлекаться и сосредоточил все свое внимание на ораторе. Только сейчас я заметил, что он стоит посреди круга, начерченного на полу. Несмотря на сложный стилизованный орнамент, я разглядел в рисунке змею, заглатывающую собственный хвост. Говорящий не назвал своего имени – возможно, не сомневался, что его все знают, или посчитал, что татуировки на лбу, изображающей морскую выдру, будет достаточно. Он держался спокойно, словно объяснял неразумным детям очевидные вещи.

– Айсфир не корова, которая принадлежит кому-то из нас в отдельности. И не скотина, предлагаемая в качестве выкупа за невесту. Более того, он не принадлежит чужеземному принцу. В таком случае какое чужеземец имеет право обещать его голову материнскому дому Блэкуотер, принадлежащему к клану нарвала? Одно из двух: либо он сделал это предложение по неведению, либо хотел нас оскорбить. – Он замолчал и сделал необычный жест рукой. Впрочем, его значение стало ясно, когда Дьютифул поднялся с места и, подойдя к нему, встал в ораторском круге.

– Нет, кемпра выдры. – Дьютифул обратился к оратору по всем правилам военачальника, говорящего от имени своего клана. – Неведение не имеет к происходящему никакого отношения. И в мои намерения не входило вас оскорбить. Нарческа велела мне убить дракона, чтобы доказать, что я ее достоин. – Принц поднял руки и бессильно уронил их. – Как я мог не принять вызов? Если бы женщина в присутствии ваших воинов велела вам совершить что-нибудь подобное, «ты принимаешь вызов или признаешься в собственной трусости», что бы стали делать вы? Как поступил бы любой из вас?

Многие из собравшихся принялись энергично кивать. Дьютифул тоже кивнул и добавил:

– И что прикажете мне теперь делать? Я дал слово в присутствии ваших и своих воинов, в доме моих предков. Я сказал, что попытаюсь исполнить ее волю. И я не знаю благородного способа забрать данное слово. Существует ли у вашего народа, у народа нарчески, обычай, позволяющий мужчине отозвать назад произнесенную клятву?

Принц сделал такой же жест, которым кемпра из клана выдры вызвал его в ораторский круг. Потом поклонился четырем углам комнаты и вернулся на свое место. Когда он сел, представитель клана выдры заговорил снова:

– Если таковы были условия принятого тобой вызова, я не стану держать против тебя зла. Однако оставляю за собой право высказать свое возмущение поведением дочери семьи Блэкуотер за то, что она посмела назначить тебе такое испытание. Вне зависимости от обстоятельств.

Я уже успел заметить, что Пиоттр Блэкуотер сидит один на скамье в первом ряду. Он нахмурился, услышав слова говорящего, но никак не показал, что хочет высказаться. Отец нарчески, Аркон Бладблейд, расположившийся неподалеку от него, был окружен воинами своего клана. Аркон держался совершенно спокойно, словно выговор в адрес дочери не имел к

нему никакого отношения, – скорее всего, по его представлениям, так и было. Ведь клан выдры обвинил в недостойном поведении Эллиану, дочь семьи Блэкуотер из клана нарвала. Аркон Бладблейд принадлежал к клану кабана. Здесь, у себя на родине, среди своего народа, он играл ту роль, какая была ему отведена. Он всего лишь являлся отцом нарчески. А за ее воспитание отвечал брат ее матери, Пиоттр Блэкуотер.

Когда молчание затянулось и стало очевидно, что никто не намерен выступить в защиту нарчески, представитель клана выдры откашлялся и проговорил:

– Как мужчина, ты не можешь забрать назад свое слово, принц Видящих из клана оленя. Ты сказал, что попытаешься выполнить данное обещание, и я понимаю, что ты должен это сделать, иначе лишишься права зваться мужчиной. Однако это не освобождает нас, жителей Внешних островов, от нашего долга. Айсфир принадлежит нам всем. Что говорят наши великие матери? Он пришел к нам во времена, когда еще никто не считал годы, и попросил убежища. Наши мудрые женщины приютили его. И в благодарность за их сострадание он пообещал защищать наши земли. Мы знаем о силе его духа и неуязвимости плоти и не боимся, что ты убьешь Айсфира. Но если по неведомой причуде судьбы тебе удастся его ранить, на кого падет его гнев после того, как он прикончит вас? На нас. – Оратор медленно повернулся на своем месте, привлекая внимание всех кланов. – Если Айсфир наш, значит и мы принадлежим ему. И мы должны рассматривать слово, данное ему, как родовую клятву. Если будет пролита его кровь, разве, следуя нашему закону, мы не должны пролить кровь его врага – в десятикратном размере? Принц обязан сдерживать слово мужчины. Но после этого, вне зависимости от того, останется он жить или умрет, разве не должны мы объявить войну врагам Айсфира?

Я видел, что Аркон Бладблейд втянул в себя воздух. Только сейчас я заметил то, чего не замечал раньше: он держал руку особым образом, ладонь открыта, пальцы указывают на грудь. Еще несколько человек повторили его жест. Просьба дать слово? Да, потому что, когда представитель клана выдры сделал уже знакомый мне жест, Аркон Бладблейд встал и занял его место в ораторском круге.

– Никто из нас не хочет войны. Ни здесь, на Божественных Рунах, ни в землях принца землепашцев, что за морем. Однако мужчина должен сдерживать данное слово. И хотя тут собрались только мужчины, в том, что сейчас происходит, видна воля женщины. А какому воину по силам ей противостоять? Какой меч разрубит ее упрямство? Именно женщинам Эда отдала острова, и нам разрешено ступать на них только благодаря ее соизволению. Мужчины обязаны прислушиваться к желаниям женщины, иначе наши собственные матери скажут: «Вы не уважаете плоть, давшую вам жизнь. И посему теряете право ходить по земле, подаренной нам Эдой. Мы оставляем вас, и отныне под днищем ваших кораблей будет вечная вода, а ваши ноги никогда не будут ступать по песку». Разве это лучше войны? Мы оказались между словом мужчины и волей женщины. Ни то ни другое не может быть нарушено – иначе нас всех ждет позор.

Я понял слова Бладблейда, но их глубинный смысл оказался для меня скрытым. Очевидно, речь шла о какой-то неизвестной нам традиции. И куда же завела нас попытка заключить этот брак? Может быть, сами того не ведая, мы угодили в ловушку? Может быть, семья Блэкуотер из клана нарвала намерена развязать войну между Шестью Герцогствами и Внешними островами? И их предложение руки нарчески – уловка с целью сделать так, чтобы, вне зависимости от нашего выбора, мы стали причиной нового кровопролития?

Я посмотрел на Пиоттра Блэкуотера. Его лицо ничего не выражало; казалось, его ничуть не волнуют споры, возникшие из-за племянницы, однако я чувствовал, что это не так. У меня сложилось впечатление, что мы балансируем на острие ножа, который глубоко вонзился в тело Пиоттра. Неожиданно я подумал, что он похож на человека, у которого нет выбора. Человека, потерявшего надежду и понимающего, что он ничего не может сделать, чтобы спастись.

Пиоттр Блэкуотер ждал. Он ничего не планировал и не замыслил. Потому что выполнил поставленную перед ним задачу. И теперь ему оставалось только ждать, что станут делать дру-

гие. Я знал, что не ошибся, но не понимал одного – *почему*. Почему он так поступил? Или прав отец нарчески: Пиоттр больше не в состоянии направлять волю женщины, которая моложе его, но имеет право решать, кто сможет ходить по землям, принадлежащим ее матери?

Я огляделся по сторонам. Нас разделяет слишком многое... Как могут Шесть Герцогств заключить мир с Внешними островами, когда у нас такие разные традиции? Но ведь, с другой стороны, известно, что династия Видящих уходит корнями на Внешние острова, что Тэйкер Завоеватель, первый монарх Видящих, когда-то был пиратом с Внешних островов, который, увидев деревянную Оленью крепость, решил сделать ее своей твердыней. С тех пор наши традиции и династии стали развиваться разными путями. Но сейчас мир и благополучие зависели от того, сумеет ли мы найти нечто общее между нами.

Мне это казалось маловероятным.

Подняв глаза, я увидел, что принц на меня смотрит. Мне не хотелось отвлекать его раньше, но сейчас я послал ему ободряющую мысль:

Олух отдыхает в своей комнате наверху. Он поел и попил, а потом уснул.

Я ему завидую. Мне даже не дали умыться, перед тем как создали Хетгард. И похоже, конца ему не видно.

Терпение, мой принц. Рано или поздно все кончается. Даже тем, кто живет на Внешних островах, нужно есть, пить и спать.

А мочиться? Меня это начинает по-настоящему беспокоить. Я хотел было тихонько выйти, но не знаю, как они отнесутся к такой вольности.

Неожиданно я почувствовал неуверенное прикосновение Силы, и у меня зашевелились волосы на затылке.

Олух?

Но это оказался Чейд. Я заметил, что Дьютифул протянул руку, чтобы прикоснуться к старику и поддержать его. Я его остановил.

Нет, не нужно. Пусть попробует сам. Чейд, ты нас слышишь?

Очень плохо.

Олух наверху, спит. Он поел и выпил немного вина.

Хорошо.

Я чувствовал, какое усилие ему потребовалось для короткого ответа. И тем не менее я улыбнулся. У него получается.

Прекрати. Дурацкая усмешка.

Чейд сердито посмотрел на меня, а потом обвел взглядом комнату.

Тяжелое положение. Нужно время подумать. Давайте прекратим разговоры, пока мы не потеряли нить повествования.

Я сделал серьезное лицо, которое очень соответствовало тем, что меня окружали. Аркон Бладблейд уступил ораторское место человеку со знаком орла. Они обменялись воинским приветствием – сжали запястья друг друга, – прежде чем Орел вошел в круг. Кемпра клана орла был очень старым человеком – возможно, самым старым среди собравшихся. Но, несмотря на седые редкие волосы, он двигался как настоящий воин. Он обвел нас всех укоризненным взглядом, а затем отрывисто заговорил, впрочем, окончания слов получались мягкими, из-за того что у него недоставало нескольких зубов.

– Нет сомнений в том, что мужчина должен исполнить свою клятву, и нет смысла тратить время на пустую болтовню. А еще мужчина должен уважать свои семейные узы. Если бы заморский принц пришел сюда и сказал: «Я обещал женщине убить Орига из клана орла», вы бы ответили: «Что же, попробуй, раз обещал». А еще мы скажем: «Но знай, что некоторые из нас связаны с Оригом кровными узами. И мы убьем тебя, прежде чем ты попытаешься пролить кровь нашего сородича». И принц должен признать, что такое положение вещей абсолютно правильно. – Он медленно, с презрением на лице обвел взглядом собравшихся. – Я вижу

здесь купцов и торговцев, которые когда-то были воинами и честными людьми. Неужели мы, точно кобели за сучкой, станем гоняться за товарами, которые нам могут предложить Шесть Герцогств? Вы готовы продать своих родных за бренди, летние яблоки и красную пшеницу? Только не этот Орел.

Он презрительно фыркнул, показывая всем, что обсуждать тут совершенно нечего, покинул круг и проковылял к воинам своего клана. В зале повисло молчание – все задумались над его словами. Кое-кто начал переглядываться: я почувствовал, что старик попал в яблочко. Многим из присутствующих не нравилось, что принц собирается убить их дракона, но они хотели мира и торговых союзов.

Война с Шестью Герцогствами отрезала их от торговли со всеми, кто расположен южнее нас. А теперь еще и разразилась война Калсиды с Удачным. Если островитяне не получают возможности свободно торговать с Шестью Герцогствами, им придется отказаться от товаров, которые можно получить в более теплых странах. Неприятная мысль. Однако никто не мог опспорить слова Орла и не прослыть жадным торгашом.

Нужно как-то положить этому конец. Немедленно, пока его никто не поддержал.

Голос Чейда, который едва звучал, был полон отчаяния.

Тем временем круг пустовал. Ни у кого не было готового решения. И чем дольше тянулось молчание, тем сильнее сгущалось напряжение в зале. Я знал, что Чейд прав. Нам требовалось время, чтобы придумать дипломатический ход, который позволит исправить положение. А если у нас ничего не выйдет, нужно хотя бы выяснить, сколько кланов активно выступят против нас, а какие просто не одобряют происходящего. Учитывая недовольство других кланов, станет ли нарческа настаивать на испытании или освободит от него Дьютифула? И может ли она сделать это так, чтобы не пострадала ничья честь? Мы еще и дня не провели на земле острова, а уже оказались на грани конфронтации.

Ко всему прочему я чувствовал, что Дьютифул едва держится, чтобы не бросить все и не помчаться в туалет. Я уже собрался было оградить себя от его Силы, но потом мне в голову пришла другая идея. Я вспомнил, что плохое самочувствие Олуха на борту корабля заразило моряков, и решил попытаться использовать с этой же целью состояние Дьютифула.

Я открылся ему навстречу, усилил сигналы, которые он посылал в потоке Силы, а затем направил их на присутствующих. Ни один из представителей Внешних островов не был наделен способностями направлять Силу, но многие в разной степени были восприимчивы к ней. Когда-то Верити пользовался тем же способом, чтобы обманывать капитанов красных кораблей, убеждать их, что они уже миновали нужные ориентиры, и направляя прямо на скалы. Теперь же я намеревался закончить собрание Хетгарда, напоминая каждому, кто принимал в нем участие, что у него есть мочевого пузыря.

Члены совета вдруг начали ерзать на своих местах.

Что ты делаешь? – спросил Чейд.

Пытаюсь закончить совет, – мрачно ответил ему я.

Я понял! – воскликнул Дьютифул, и я почувствовал, что он присоединился ко мне.

Кто здесь главный? – спросил я его.

Никто. Они делят власть поровну. По крайней мере, так они говорят.

Дьютифул явно считал, что такая система никуда не годится.

Совет открыл Медведь, – коротко сообщил мне Чейд и показал на человека с ожерельем из медвежьих зубов.

Неожиданно я понял, что ему приходится серьезно напрягаться, чтобы разговаривать со мной на языке Силы, хотя его слова едва доносились до меня.

Не надорвись, – предупредил я его.

Я знаю свои возможности, – сердито ответил он, но даже со своего места я видел, как поникли его плечи.

Я нашел Медведя и сосредоточился на нем. К счастью для меня, у него практически не было защиты от Силы, зато был полный мочевого пузыря. Я надавил посильнее, и Медведь встал. Затем он вышел в круг, и остальные замахали руками, предоставляя ему право высказаться.

– Нам нужно хорошенько подумать. Нам всем, – проговорил он. – Давайте разойдемся, обсудим положение в наших кланах и посмотрим, что они нам скажут. Завтра соберемся снова и поговорим. Как вы считаете, это разумное предложение?

Все дружно подняли руки в знак согласия.

– В таком случае давайте на сегодня закончим, – предложил Медведь.

И совет был закрыт. Все начали подниматься со своих мест и двигаться к двери. Ни официальных церемоний, ни правил старшинства, ни преимуществ для тех, кто занимает более высокое положение, – лишь толпа людей, которые пробирались к выходу, причем одни настойчивее других.

Скажи своему капитану, что ты должен проверить, как себя чувствует твой подопечный, и что я приказал тебе ухаживать за ним, пока он окончательно не выздоровеет. Мы скоро будем наверху.

Я отправился выполнять приказ принца. Когда Лонгвик меня отпустил, я отыскал тазик, который спрятал снаружи, и вернулся в комнату Олуха. У меня сложилось впечатление, что он даже не пошевелился с тех пор, как я его оставил. Я потрогал его лоб – он был еще горячий, но жар понемногу спадал. Олух крепко спал, но я разбудил его, чтобы напоить водой. Уговаривать его не пришлось, он осушил целую кружку и снова улегся в кровать. Я немного успокоился. Да, он выглядел ужасно истощенным и измученным, но я понимал, что он пошел на поправку, – ведь ужасы корабля и тесной каюты остались для него позади. Теперь у Олуха было все необходимое: покой, кровать, еда и вода. Скоро все будет хорошо. Я попытался убедить себя, что мои надежды не тщетны.

В коридоре перед нашими комнатами остановились Дьютифул и Чейд, они с кем-то разговаривали. Я встал и, подойдя поближе, приложил ухо к двери. Дьютифул сослался на усталость и закрыл дверь в соседнюю комнату. Видимо, внутри его ждали слуги. Я снова услышал тихий разговор, потом он их отпустил.

Через некоторое время дверь между нашими комнатами открылась и на пороге появился Дьютифул. В руке он держал маленький черный кубик чего-то съестного. Вид у него был подавленный. Помахав рукой с диковинным «деликатесом», он спросил:

– Как ты думаешь, что это такое?

– Понятия не имею, но там определенно есть рыбный паштет. Может быть, водоросли – в качестве приправы. Пирожные с семенами маслянистые, но сладкие.

Дьютифул с отвращением посмотрел на кусок в своей руке, затем пожал плечами – в конце концов, он был пятнадцатилетним мальчишкой, который не ел несколько часов, – и засунул его в рот, а потом облизал пальцы.

– Совсем неплохо, если ты готов к тому, что у него вкус рыбы.

– Тухлой, – заметил я.

Дьютифул никак не отреагировал на мои слова. Подойдя к кровати Олуха, он остановился и посмотрел на него, качая головой.

– Это так несправедливо! Как ты думаешь, ему лучше?

– Надеюсь.

– Его музыка стала такой тихой, что мне даже страшно. Порой, когда у него начинается жар, мне кажется, что Олух от нас уходит.

Я открылся навстречу музыке Олуха. Дьютифул не ошибся, она действительно стала не такой напряженной и мощной.

– Он болен, ему сейчас не до Силы. – Я попытался убедить себя, что беспокоиться за жизнь Олуха пока рано. – Чейд меня сегодня удивил.

– Правда? Разве ты не знал, что он будет продолжать работать, пока не сумеет добиться хотя бы незначительного результата? Если этот старик вознамерился что-то сделать, остановить его невозможно. – Дьютифул отвернулся от меня и направился к двери между комнатами. – Хочешь съесть кусочек той рыбной штуки?

– Нет, спасибо. А ты поешь.

Дьютифул скрылся в своей комнате и вскоре вернулся с горстью рыбных пирожных с семечками. Он откусил от одного небольшой кусочек, сморщился и быстро все проглотил. Затем принялся оглядывать комнату голодными глазами.

– Нам что, еще не принесли еду?

– Думаю, ты ее только что съел.

– Нет. Это угощение от хозяев в благодарность за то, что мы их кормили в Оленьем замке. Я знаю, что Чейд приказал слугам купить нам свежей еды.

– Не хочешь ли ты сказать, что клан кабана не собирается нас кормить?

– Может, собирается, а может, и нет. Чейд считает, что мы должны вести себя так, будто ничего от них не ждем. Тогда, если они предложат нам еду, мы сможем принять ее как дар. В противном же случае мы не покажемся им слабыми или жадными.

– А ты рассказал своим аристократам про местные обычаи?

Дьютифул кивнул.

– Многие из них вызвались меня сопровождать не только чтобы поддержать во время испытания, но и с целью заключить торговые соглашения и посмотреть, какие новые возможности предложат им Внешние острова. Так что они с удовольствием отправились гулять по Зилигу, чтобы посмотреть, что здесь продается и что люди готовы покупать. Но нам придется кормить стражу, слуг и, разумеется, мой круг Дара. Я думал, что Чейд об этом позаботился.

– Мне показалось, что Хетгард не продемонстрировал тебе должного уважения, – с беспокойством заметил я.

– Не думаю, что они понимают, какое положение я занимаю. Им трудно принять тот факт, что юноша моих лет, еще не проявивший себя как воин, получил право управлять такой обширной территорией. Здесь мужчины не предъявляют требований на земли, они демонстрируют силу, командуя своими воинами. В некотором смысле они рассматривают меня в качестве представителя моего материнского дома. Королева Кетриккен стояла у власти, когда мы нанесли им поражение в конце войны красных кораблей. Они испытывают благоговение перед моей матерью – ведь она не только сохранила свои земли, но, призвав на помощь драконов, напала на острова. Именно так здесь рассказывают о тех событиях.

– Похоже, тебе удалось многое узнать за очень короткое время.

Дьютифул кивнул, довольный собой.

– Кое-что я просто понял, слушая, о чем они говорят здесь, и наблюдая за делегацией Внешних островов в Оленьем замке. Что-то узнал, читая манускрипты по дороге сюда. – Он вздохнул. – Правда, мои знания оказались не такими полезными, как я рассчитывал. Если они ведут себя гостеприимно, например кормят нас, это может объясняться желанием показать, что они знают о наших обычаях и относятся к ним с уважением. Или же это можно понять как оскорбление, намек на то, что мы слишком беспомощны, чтобы обеспечить себя пропитанием, или нам не хватило ума подготовиться к путешествию в эти земли. Но к какому бы выводу мы ни пришли, неизвестно, что островитяне думают на самом деле.

– Как и в случае с драконом. Ты прибыл сюда, чтобы прикончить чудовище и доказать, что достоин руки нарчески? Или чтобы убить дракона, хранителя их земель, и продемонстрировать, что ты можешь отобрать у них все, что пожелаешь?

– Такое мне в голову не приходило, – побледнев, проговорил Дьютифул.

– Мне тоже. Но некоторые из них именно так и думают. И следовательно, мы возвращаемся к самому главному вопросу. Почему? Почему нарческа выбрала для тебя именно такое испытание?

– Ты думаешь, что это имеет для нее какое-то особое значение – ну, кроме того, чтобы заставить меня рискнуть жизнью ради ее согласия стать моей женой?

Я несколько мгновений молча на него смотрел. Неужели и я когда-то был так же молод?

– Разумеется, имеет. Разве ты думаешь иначе?

– Сивил сказал, что, возможно, ей требуется доказательство моей любви. Он говорит, что все девушки такие, они просят мужчин сделать что-то опасное для жизни, или незаконное, или практически невозможное, чтобы доказать свою любовь.

Я поставил это себе на заметку. Интересно, кто и что просил Сивила сделать, имеет ли это какое-то отношение к Видящим или какая-то девчонка всего лишь решила бросить ему вызов, чтобы проверить, на что он готов ради нее.

– Сомневаюсь, что в случае нарчески это что-нибудь столь легкомысленное и романтическое. Разве она может думать, что ты ее любишь, – после того, как она с тобой обращалась? Да и она ничем не выказала того, что ей нравится твое общество.

На одно короткое мгновение я увидел, что принц потрясен, но потом он так старательно напустил на себя равнодушие, что у меня появились сомнения в собственной правоте. Неужели Дьютифулу понравилась эта девчонка? Между ними нет ничего общего, а после того, как он случайно нанес ей оскорбление, она обращалась с ним хуже, чем с провинившимся псом, который, жалобно постанывая, таскается за ней. Я посмотрел на Дьютифула. Мальчишка может поверить почти во все, когда ему пятнадцать.

Принц тихонько фыркнул.

– Нет. Она ни на секунду не позволила мне усомниться в том, что моя компания ей ненавистна. Сам подумай: она не приехала сюда вместе с отцом и дядей, чтобы нас встретить и поприветствовать на своей родине. Именно она придумала дурацкое испытание, но я заметил, что она не явилась, чтобы объяснить его цель своим соплеменникам. Возможно, ты прав и это испытание не имеет никакого отношения к тому, чтобы доказать мою любовь к ней или даже мою храбрость. Может быть, она придумала его, чтобы поставить непреодолимое препятствие нашему браку, – проговорил он и мрачно добавил: – Может быть, она надеется, что я погибну, сражаясь с драконом.

– Если мы будем настаивать на выполнении ее воли, это не только помешает заключению вашего союза, но станет причиной войны между нашими странами.

Пока я говорил, вошел Чейд. Вид у него был одновременно измученный и обеспокоенный. Презрительно оглядев комнату, он заметил:

– Я вижу, что Олух выделили почти такие же роскошные апартаменты, как мне и принцу. Здесь найдется что-нибудь съесть и выпить?

– Не советую пробовать, – сказал я.

– Рыба и пирожные с жиром, – предложил ему Дьютифул.

Чейд поморщился.

– И это все, что можно найти на местном рынке? Я пошлю на корабль человека, чтобы он принес оттуда чего-нибудь съестного. Чужая еда после такого тяжелого дня вряд ли понравится моему желудку. Пошли отсюда, пусть Олух немного отдохнет. – Не оборачиваясь, он направился в комнату принца и плюхнулся на его кровать. – Я не одобряю столь прозаичного использования Силы, Фитц. Однако должен признать, что тебе удалось спасти нас в очень щекотливой ситуации. Но в следующий раз, прошу тебя, прежде чем сделать что-нибудь подобное, посоветуйся со мной.

Его слова были одновременно выговором и комплиментом. Я кивнул, а Дьютифул возмущенно фыркнул.

– Он должен посоветоваться с *тобой*? А мое слово разве в данных вопросах ничего не значит?

Чейд отреагировал мгновенно.

– Разумеется, значит. Я только хотел объяснить Фитцу, что ему не следует думать, будто он знает, какое решение следует принять, когда речь идет о вопросах дипломатии.

Принц открыл рот, чтобы ему ответить, но тут раздался стук в дверь. Чейд махнул рукой, и я быстро вернулся в комнату Олуха. Я прикрыл за собой дверь, оставив небольшую щелку, и встал так, чтобы видеть часть комнаты принца, а самому оставаться незамеченным.

– Кто там? – громко спросил Чейд.

Очевидно, посетитель понял это как приглашение войти. Дверь открылась, и я уже приготовился отразить нападение на принца, когда увидел, что пришел Пиоттр Блэкуотер. Закрыв за собой дверь, он поклонился принцу и Чейду, как это принято при дворе Оленьего замка.

– Я пришел сказать, что ни вам, ни вашим спутникам, придворным из Оленьего замка, нет нужды заниматься поисками пропитания. Клань кабана и нарвала с удовольствием позаботятся о ваших нуждах в благодарность о приеме, который вы оказали нам, когда мы гостили в Шести Герцогствах.

Он безукоризненно произнес свою речь – очевидно, заранее отрепетированную. Чейд ответил так же безупречно:

– Мы очень ценим ваше благородное предложение, но наши люди уже позаботились о своих нуждах.

На мгновение у Пиоттра сделался смущенный вид, но он быстро взял себя в руки и проговорил:

– Мы уже сообщили вашим придворным о своем предложении и гордимся тем, что они его приняли.

Внешне Чейд и Дьютифул оставались совершенно спокойными и хранили молчание, однако я почувствовал беспокойство принца.

Мне следовало предупредить их, чтобы они не принимали никаких предложений гостеприимства, которые переданы не через меня. Теперь нас будут считать слабыми и бесполезными, да?

Пиоттр переводил озабоченный взгляд с Чейда на принца. По-видимому, он почувствовал, что совершил ошибку.

– Вы позволите мне отнять еще немного вашего времени? – вдруг спросил он.

– Лорд Блэкуотер, вы можете навещать меня в любое время, – задумчиво заверил его принц.

Едва заметная улыбка коснулась губ Пиоттра.

– Вам прекрасно известно, что я не лорд, принц Дьютифул. Я всего лишь кемпра клана нарвала. Но на совете Хетгарда за моей спиной не стоят воины. Они терпят меня лишь ради мужа моей сестры, Аркона Бладблейда, а вовсе не из уважения ко мне самому. Наш клан столкнулся с множеством проблем и трудностей. Единственное, что у нас осталось, – это наши богатые земли и родовая честь.

Мне стало интересно, какие еще трудности могут возникнуть у клана, но Пиоттр продолжал говорить:

– Я был готов к тому, что мы сегодня услышали на совете Хетгарда. По правде говоря, с тех самых пор, как нарческа назначила вам испытание, я ждал чего-то подобного. Аркон Бладблейд тоже знал, что среди наших воинов найдутся те, кто станет возражать против убийства Айсфира. Я хочу сказать вам, что мы не сидели сложа руки и подготовились к такому повороту событий. Во-первых, гостеприимство «дома-крепости» Кабана – один из способов вас защитить. Мы не рассчитывали, что противники испытания выступят так скоро, и не ожидали, что их точку зрения поддержит такой уважаемый кемпра, как Орел. Нам очень повезло, что кем-

пра из клана медведя, который заключил с Кабаном союз, так вовремя распустил совет. Иначе дискуссия могла зайти слишком далеко и мы ничего не сумели бы изменить.

– Вы могли бы предупредить нас о существовании оппозиции, кемпра Пиоттр. Прежде чем мы приняли участие в совете Хетгарда, – сдержанно заметил Чейд, но принц взволнованно перебил его:

– Так вы считаете, что ситуацию можно исправить? Как?

Я поморщился, глядя на его юношеский энтузиазм. Чейд совершенно прав – Пиоттр Блэкуотер заслужил порицание за то, что он заманил нас в ловушку, а вместо этого принц продемонстрировал, что готов радостно принять его помощь в том, чтобы выбраться из этой самой ловушки.

– Для этого потребуется время, правда не слишком много – скорее всего, несколько дней. Вернувшись из вашей страны, мы потратили много сил и денег, чтобы привлечь на свою сторону союзников. Разумеется, открыто я могу говорить об этом только здесь и только с вами. Те, кто согласился нас поддержать, не могут слишком быстро перейти в наш стан. Все должно выглядеть так, будто их убедили доводы в нашу защиту, которые приведет клан кабана. И потому я советую вам обоим проявлять терпение и осторожность до тех пор, пока Хетгард не изменит свое мнение.

– Осторожность? – быстро спросил Чейд.

Подосланные убийцы? – услышал я его невысказанный вслух страх.

– Это не совсем правильное слово, – извиняющимся тоном проговорил Пиоттр. – Иногда складывается впечатление, что понятие, называемое в каком-либо языке одним словом, в другом может быть передано сразу несколькими. Я бы попросил вас стать... не такими заметными. Постараться не быть на виду. Чтобы вас было не так легко найти или поговорить с вами.

– Недоступными, – предложил принц.

Пиоттр едва заметно улыбнулся и пожал плечами.

– Если это так звучит на вашем языке. У нас есть поговорка: «Трудно оскорбить человека, с которым ты не разговариваешь». Иными словами, я предлагаю сделать так, чтобы Видящий из клана оленя не смог никому нанести оскорбление... став недоступным.

– И при этом позволить говорить от нашего имени клану кабана? – спросил Чейд, подпустив в свой голос немного скептицизма. – И чем же мы тем временем займемся?

Пиоттр улыбнулся. Мне было не слишком хорошо его видно с моего места, но показалось, что я заметил облегчение, промелькнувшее у него на лице. Видимо, он решил, что мы склонны принять его совет.

– Я предлагаю вам покинуть Зилив. Все ждут, что вы посетите дом матери нарчески. Хетгард был очень удивлен, что вы прибыли сначала сюда. Завтра вы сядете на корабль «Олень», принадлежащий клану кабана, и поплывете в Уислингтон, в земли клана нарвала. Там вас ждет прием, какой вы оказали нам в Оленьем замке. Я сообщил в своем материнском доме о ваших обычаях и привычках. Они показались необычными, но мои родные считают только справедливым обращаться с вами так, как вы обращались с нами.

Пиоттр с трудом сдерживал волнение, он очень надеялся на наше согласие. Его возбуждение вызвало у меня тревогу. Каковы его цели – выволить нас из опасности или заманить в ловушку? Я почувствовал, что такой же вопрос возник и у Чейда, когда он сказал:

– Но мы ведь только сегодня прибыли сюда и устали после морского путешествия. Слуга принца Олух очень плохо чувствует себя на корабле. Он болен и нуждается в отдыхе. О том, чтобы снова отправиться в путь завтра, не может быть и речи.

Я знал, что очень даже может и что Чейд обдумывает, чего нам будет стоить такое решение. На мгновение мне даже стало жалко Пиоттра Блэкуотера. Он не мог знать, что принц и Чейд мысленно переговариваются друг с другом, что я стою в соседней комнате – и не только слушаю весь разговор, но и делюсь с ними своими соображениями. Я увидел в его глазах смя-

тение и поделился с Чейдом и Дьютифулом уверенностью, что он искренне смущен, хотя в следующее мгновение он воскликнул:

– Но вы должны! Оставьте своего слугу с кем-нибудь, кто будет за ним ухаживать. Здесь ему ничто не угрожает. Совершить убийство в «доме-крепости» клана – это страшное оскорбление материнскому дому, а клан кабана очень силен. Никому даже в голову такое не придет.

– Но зато может прийти, если он покинет стены дома? Или если сегодня вечером я выйду на улицу, чтобы перекусить в какой-нибудь таверне? – Несмотря на изысканную вежливость тона Чейда, вопрос прозвучал совершенно недвусмысленно.

Из своего укрытия я видел, что Пиоттр пожалел о своих поспешных словах. Он собрался было солгать, но потом набрался храбрости и решил говорить правду.

– Вы должны были знать, что до этого может дойти. С головой у вас обоих все в порядке. Я видел, как вы изучаете людей и тщательно взвешиваете свои предложения, учитывая желания всех сторон. А еще я видел, как вы ловко используете политику кнута и пряника, чтобы заставить людей делать то, что вам нужно. Не сомневаюсь, что, отправляясь сюда, вы прекрасно понимали, какое огромное значение для некоторых из нас имеет Айсфир. И должны были предвидеть возникновение оппозиции.

Я почувствовал, что Чейд велел Дьютифулу помалкивать, он решил сам ответить от имени принца.

– Оппозиция – да. Даже разговоры о войне. Но угроза жизни слуги принца или самого принца – нет. Дьютифул – единственный наследник престола Видящих. У вас с головой тоже полный порядок. И вы прекрасно знаете, что это означает. Мы позволили ему рискнуть своей жизнью, чтобы исполнить данное слово. А теперь вы заявляете, что его могут убить только потому, что ваша племянница назначила ему дурацкое испытание. Ставки стали непомерно высоки, Пиоттр. Жизнь принца – слишком большая цена за помолвку с нарческой. Ее требование с самого начала казалось мне абсурдным. Так что назовите хотя бы одну вескую причину, почему мы должны совать свою голову в петлю.

Принц кипел от негодования. Его возмущение резкостью Чейда заглушило даже мои собственные мысли. Мне казалось, я понимаю, что задумал Чейд, однако я чувствовал лишь ярость Дьютифула, который решил, будто советник намекает на то, что он, Дьютифул, может отказаться от своего слова. Под напором принца даже Олух с глухим стоном перевернулся на другой бок.

Пиоттр мельком посмотрел на принца. Не нужно было обладать Силой, чтобы понять его мысли.

– Принц Дьютифул сказал, что сделает это. Если сейчас он откажется от своего обещания и вернется домой, он будет выглядеть трусом. Возможно, война не начнется сразу, но рейдов вам не избежать. Я уверен, вы слышали нашу поговорку: «У труса ничего долго не задерживается».

Мы в Шести Герцогствах говорим: «Единственное, чего нельзя отнять у труса, – это страх». По сути то же самое. Если принц окажется трусом, жители Внешних островов будут по нему судить о Шести Герцогствах и решат, что пришла пора снова организовать парочку рейдов на наши земли.

Молчи! Можешь хмуриться сколько угодно, но попридержи язык! – велел Чейд Дьютифулу, и его Сила показала мне серьезной как никогда.

Но еще больше меня удивил приказ, который он направил лично мне:

Следи за лицом Пиоттра, Фитц.

Я видел, каких усилий ему это стоило, однако он ответил Пиоттру невозмутимым ледяным тоном:

– Кемпра нарвала, вы меня неправильно поняли. Я не говорил, что принц намерен отказаться от своего слова и не выполнит обещания, данного нарческе. Видящие так не поступают.

Но я не вижу необходимости связывать его жизнь с женщиной, совершенно сознательно подвергающей его опасности, которая может угрожать ему как от вашего народа, так и от самого дракона. Он сдержит данное слово, но мы не считаем себя обязанными после этого заключать брак с нарческой.

Я старался изо всех сил, но не смог разобраться в череде чувств, промелькнувших на лице Пиоттра. Естественное удивление тут же сменилось смущением. Я понимал, что пытаюсь выяснить Чейд: чего больше хотят Пиоттр и нарческа – смерти дракона или союза с Видящими? Однако мы не получили ответа на свои вопросы, когда Пиоттр, с трудом подбирая слова, сказал:

– Но разве не брака с нарческой больше всего хотят Шесть Герцогств? Брак, который станет основой союза и дружеских отношений между нашими странами?

– Нарческа не единственная женщина, занимающая высокое положение на Внешних островах, – спокойно ответил Чейд, и Дьютифул оцепенел от потрясения. Я чувствовал, как в его голове проносятся самые разные мысли, но прочитать их не мог. – Вне всякого сомнения, принц Дьютифул сможет найти женщину, которая не будет столь легкомысленно рисковать его жизнью. А если нет, есть и другие возможности. Как, по-вашему, отнесется Калсида к заключению подобного союза с Шестью Герцогствами? Одна наша старая поговорка гласит: «Рыбка в море не одна». Подумайте, что это значит.

Пиоттр по-прежнему пытался разобраться в неожиданно изменившихся правилах игры.

– Но зачем рисковать жизнью принца, если не ради награды? – удивленно спросил он.

Наконец пришла очередь Дьютифула ему ответить. Чейд подсказал принцу слова, но я не сомневаюсь, что он справился бы и без его помощи.

– Чтобы показать Внешним островам, что если принц Видящих обещал что-то сделать, то он непременно это сделает. С тех пор как мой отец призвал на помощь Элдерлингов и уничтожил большую часть этого города, прошло несколько лет. Возможно, кроме брачного союза, есть и другой способ предотвратить войну между Шестью Герцогствами и Внешними островами. Возможно, нам стоит еще раз напомнить вашим соплеменникам, что мы всегда держим свое слово.

Голос принца звучал мягко и ровно. Он говорил не как мужчина с мужчиной, а как король.

Даже будучи обычным воином, Пиоттр это понял, и слова принца оскорбили его меньше, чем если бы их произнес кто-нибудь из его соратников. Я видел, что он не знает, как себя вести, однако не мог определить, какие чувства вызвало у него заявление о том, что нарческа совсем не обязательно станет женой принца, – облегчение или разочарование.

– Вы совершенно правы: может показаться, что мы заманили вас в ловушку, заставив пообещать исполнить волю нарчески. А теперь, когда вам открылась вся правда, вы чувствуете себя вдвойне обманутыми. Эллиана поставила перед вами героическую задачу, и вы дали слово. Я мог бы напомнить вам, что вы *обещали* взять нарческу в жены. И спросить, не обязывает ли вас слово Видящего сдержать и его тоже. Но я без возражений освобождаю вас от этого обещания. Вам кажется, что мы вас предали. И я не могу не согласиться, что внешне все именно так и выглядит. Я уверен, вы прекрасно понимаете, что, отказавшись от руки Эллианы, вы покроете нас позором, равным славе, которую завоюете, сразившись с драконом. Ее имя станет нарицательным и будет означать высшую степень женского вероломства и обмана. Такая перспектива меня, естественно, не радует. Однако я уважаю ваше право на это решение. Более того, я не стану приносить клятву кровной мести, но опущу свой меч и смирюсь с вашей волей.

Я покачал головой. Пиоттр был явно очень взволнован, но я не понимал глубинного значения его слов. По-видимому, наши традиции слишком сильно отличались друг от друга. Однако одну вещь я понял наверняка, а через несколько секунд принц, задумчиво глядя на Пиоттра, передал при помощи Силы:

Ну вот, я все испортил окончательно. Теперь мы оба возмущены поведением друг друга. И как же мне исправить положение? Выхватить меч и бросить ему вызов?

Не будь дураком! – резко оборвал его Чейд, словно Дьютифул говорил совершенно серьезно. – *Прими его предложение отправиться на борту «Оленя» в Уислингтон. Мы же и без того знали, что нам придется туда плыть; сделай вид, что мы идем на уступки. Возможно, нам удастся больше узнать, когда мы там окажемся. Эту загадку следует решить, и, пока не узнаю больше, я бы хотел, чтобы ты оказался подальше от Хетгарда и любых попыток покушений на твою жизнь.*

Принц Дьютифул едва заметно наклонил голову. Я знал, что он отвечает на слова Чейда, но казалось, будто он сожалеет о своих резких словах.

– Мы с удовольствием проведем сегодняшнюю ночь в этом гостеприимном доме, Пиоттр Блэкуотер. А завтра утром отправимся на борту «Оленя» в Уислингтон.

Облегчение, которое Пиоттр испытал, казалось почти осязаемым.

– Я лично позабочусь о безопасности ваших спутников в ваше отсутствие.

Дьютифул медленно покачал головой. Он лихорадочно искал решение. Если Пиоттр собирается устроить так, чтобы он остался без своей стражи и советников, у него ничего не выйдет.

– Мои придворные, разумеется, останутся здесь. Поскольку они не принадлежат к династии Видящих, вряд ли их будут считать членами моего клана и не станут рассматривать в качестве подходящих мишеней. Но часть моего окружения должна последовать за мной. Моя охрана и советники. Надеюсь, вы меня поймете правильно.

А как насчет Олуха? Он еще очень плохо себя чувствует, – вмешался я.

Я не могу тебя здесь оставить и не могу доверить его кому-нибудь другому. К сожалению, ему придется отправиться с нами. Он ведь член моего круга Силы. Кроме того, представь себе, что тут начнется, если в наше отсутствие его будут мучить кошмары.

– Принц Видящих из Шести Герцогств, полагаю, это ваше желание не встретит никаких препятствий. – Пиоттр буквально выпалил эти слова, так сильно ему хотелось получить наше согласие.

Дальше разговор перешел на более безопасные темы. Через некоторое время Пиоттр вызвался проводить гостей вниз, где их ждал ужин. Чейд громко заявил, что они должны позаботиться о том, чтобы сюда прислали побольше еды, которая обязательно ускорит выздоровление Олуха. Пиоттр заверил его, что это будет сделано, а потом они ушли. Когда дверь за ними закрылась, я глубоко вздохнул, распрямил плечи и отправился проверить Олуха. Он спокойно спал, еще не зная, что завтра ему предстоит новое морское путешествие. Я посмотрел на него и отправил в его сны несколько утешительных мыслей. Затем уселся около двери и стал ждать обещанного угощения – правда, без особого энтузиазма.

IX

Материнский дом

В те времена Боусрин был кемпрой клана барсука. Он располагал большим флотом, под его началом были сильные воины, и он не раз проводил удачные набеги, возвращаясь с грузом серебра, бренди и железа. Он был почти героем, когда опозорил свой клан.

Боусрин возжелал женицину из клана чайки. Он отправился в ее материнский дом с дарами, но она отвергла его. С ним согласилась лечь ее сестра, но Боусрину этого было мало. В течение года он совершил один набег за другим и вернулся в материнский дом Барсука с огромным богатством, но без гордости в сердце, поскольку был охвачен недостойной страстью.

Его воины были храбрыми, но не отличались умом, поскольку подчинились ему, когда он приказал им напасть на материнский дом клана чайки. Воины клана чайки ушли в поход, остались лишь женицины в полях, когда корабли Боусрина причалили к берегу. Кемпра Боусрин и его воины убили всех стариков и часть юношей, после чего, несмотря на яростное сопротивление, овладели женицинами прямо на голой земле. Некоторые из женицин предпочли смерть позору. Боусрин оставался на острове семнадцать дней, и каждую ночь он вынуждал дочь клана чайки Серферет принимать его семя. В конце концов она умерла. И тогда они покинули остров, чтобы вернуться в свой материнский дом.

Взошла новая луна, и в материнском доме клана барсука узнали о том, что совершил их кемпра. Жгучий стыд охватил их. И тогда женицины клана изгнали своих мужчин, запретив им возвращаться домой. Семнадцать своих сыновей женицины отдали клану чайки, чтобы они сделали с ними все, что пожелают, во искупление зла, содеянного Боусрином. И материнские дома всех кланов навсегда изгнали Боусрина и его людей – и всем, кто осмелится оказать им хоть какую-то помощь, грозило изгнание.

Не прошло и года, как море забрало Боусрина и его воинов. А клан чайки использовал присланных сыновей клана барсука не как рабов, а как воинов, призванных охранять их берега, и мужчин, которые должны вырастить новых сынов и дочерей клана чайки. И женицины этих кланов вновь зажили в мире друг с другом.

Почувительные истории Внешних островов, изложенные бардом Омбиром

На следующий день мы сели на корабль, отплывший на остров Мейл. Принц Дьютифул и Чейд сообщили хозяевам о своих планах. Принц выступил с короткой речью, в которой сказал, что считает конфликт внутренней проблемой Хетгарда. Как мужчина, он не может отказаться от своего слова, но готов дать им возможность самим разобраться, как относиться к данной спорной ситуации. Он говорил спокойно и с большим достоинством, позднее рассказал мне Чейд, а его готовность предоставить Хетгарду решить все проблемы успокоила многих. Даже Орел высказался одобрительно: он заявил, что мужчина, который не боится встретить опасность лицом к лицу, достоин уважения, где бы он ни был рожден.

Свита принца восприняла новость об отъезде с удивлением и огорчением. Впрочем, им сообщили об этом как о небольшом изменении в планах. Большинство не планировали сопровождать принца в материнский дом его невесты; еще в Оленьем замке им сказали, что такую большую делегацию там принять не смогут. Они предполагали, что останутся в Зиilige, где

у них будет возможность договориться о будущих торговых соглашениях. По большей части они рассчитывали жить на Скирене рядом со своими будущими торговыми партнерами. Аркон Бладблейд, кемпра клана кабана и отец нарчески, заверил нас, что он и его воины постараются сделать их пребывание в городе приятным, пока Хетгард не придет к окончательному решению.

Позднее Чейд рассказал мне, что он всячески советовал нашим придворным продолжать наслаждаться гостеприимством клана кабана, а не испытывать удобства местных постоянных дворов. Он также порекомендовал держать на виду наши геральдические гербы при общении с обитателями Внешних островов, ведь кланы Внешних островов постоянно демонстрируют всем символы своего зверя. Сомневаюсь, будто он сказал дворянам Шести Герцогств, что они будут в большей безопасности, если не станут выставять себя в качестве представителей «Видящих из клана оленя» – так обитатели Внешних островов воспринимали семью принца.

«Олень», построенный на Внешних островах, оказался куда менее удобным, чем «Счастливая невеста». Он гораздо сильнее раскачивался на волнах, я это понял, когда мы поднимались на его борт, но малая осадка позволяла «Оленю» более эффективно плавать по внутренним протокам, где не прошло бы наше судно. Как мне рассказали, некоторые из каналов судоходны только во время приливов, а иногда вода отступает так далеко, что можно перейти вброд с одного острова на другой. Нам предстояло проплыть по нескольким таким каналам, перед тем как выйти в открытое море, чтобы добраться до родного острова и Уислингтона, где находился материнский дом нарчески.

Мы жестоко поступили с Олухом. Я разбудил его только в самый последний момент, чтобы он поел горячей и привычной еды, которую доставили со «Счастливой невесты». Я уговорил Олуха позавтракать поплотнее и во время еды беседовал с ним только о приятных вещах. О том, что нам предстоит новое морское путешествие, я упоминать не стал. Он без всякого энтузиазма согласился помыться и одеться, ему хотелось только одного: улечься обратно в постель. Я понимал, что именно это ему и требуется, чтобы быстрее выздороветь. Однако мы не могли оставить его в Зилиге.

Даже когда мы стояли на причале вместе со стражниками принца, Чейдом и Дьютифулом, наблюдая за погрузкой на борт «Оленя» даров невесте, Олух думал, что мы лишь вышли немного прогуляться. Корабль удобно стоял у причала. Во всяком случае, мрачно подумал я, нам будет нетрудно подняться на борт. Я ошибался. Олух спокойно наблюдал, как остальные поднимаются по трапу, но, когда пришел его черед, встал столбом.

– Нет.

– Ты не хочешь подняться на корабль с Внешних островов, Олух? Все остальные поднимались на борт, чтобы осмотреть его. Я слышал, что суда островитян сильно отличаются от наших. Идем, присоединимся к остальным.

Некоторое время он молча на меня смотрел.

– Нет, – повторил Олух, и его маленькие глазки подозрительно сузились.

Обманывать его дальше было бесполезно.

– Олух, нам нужно подняться на борт. Скоро мы отправимся в путь, чтобы доставить принца в дом нарчески. Мы должны его сопровождать.

Между тем погрузка закончилась, на берегу остались только мы; пассажиры и команды других кораблей с удивлением поглядывали на Олуха, многие даже не пытались скрыть своего отвращения. Матросы с «Оленя» ждали, когда можно будет поднять трап и отвязать канаты. Они раздраженно смотрели на нас, нетерпеливо переступая с ноги на ногу. Я чувствовал, что самым своим присутствием мы их унижаем. Почему мы не поднимаемся на борт? Почему заставляем всех ждать? Пришло время действовать. Я твердо взял Олуха за руку.

– Олух, мы должны немедленно подняться на борт.

– Нет! – взревел он и неожиданно нанес мне удар, одновременно на меня обрушилась волна Силы.

Я отшатнулся, что вызвало грубый гогот у наблюдавших за нами матросов. Наверное, им показалось диким, что слабый шлепок полоумного едва не сбил меня с ног.

Мне неприятно вспоминать о том, что произошло затем. У меня не оставалось выбора: я был вынужден силком заставить своего подопечного подняться на корабль. Но ужас настолько овладел Олухом, что дурачок сопротивлялся, как только мог. Мне пришлось применить и физическую силу, и умение защищаться от ударов магии.

Естественно, Чейд и принц Дьютифул сразу поняли, что происходит. Я почувствовал, как принц пытается войти в контакт с Олухом и успокоить его, но красный туман ярости действовал ничуть не менее эффективно, чем защитные стены. Присутствия Чейда я даже не ощущал; вероятно, он уже истратил все свои запасы. Как только я оторвал Олуха от земли, намереваясь отнести его на корабль, в меня хлынул поток его Силы. Телесный контакт сделал меня уязвимым. Дурачок швырнул в меня весь свой страх, и я едва не обмочился – Олуху удалось разбудить ужас, таившийся в самой глубине моей души, память о тех давних мгновениях, когда смерть подступала ко мне вплотную. Я ощущал зубы «перекованного», впившиеся мне в руку, и стрелу, входящую в спину. Я взвалил Олуха на спину, но под тяжестью его ужаса рухнул на колени, и это вызвало новый взрыв гогота у матросов. Олух вырвался из моих рук, однако остался стоять рядом, поскольку теперь нас окружало кольцо зрителей; по его лицу текли слезы.

Насмешки становились все более злыми, и они жалили меня значительно сильнее ударов маленьких кулаков Олуха. Я не мог схватить его, не рискуя сохранностью защитных стен, в то же время я опасался применить Силу. Мне ничего не оставалось, как отрезать ему путь к отступлению, убеждая подняться на борт. Всякий раз, когда я делал к нему шаг, Олух немного отступал, приближаясь к трапу, а круг зевак отодвигался в сторону. Тогда Олух бросался на меня, вытянув руку, – он понимал, что стоит ему коснуться моей кожи, как защитные стены падут. И мне приходилось немного отступать. И все это время собравшиеся вокруг нас мужчины хохотали, перебрасываясь между собой репликами на своем грубом языке, призывая других посмотреть на гвардейца, который не в силах справиться с полоумным.

В конце концов меня выручил Уэб. Вероятно, громкий смех матросов «Оленя» привлек его внимание. Он спустился по трапу, пробился через толпу и подошел к нам.

– Олух, Олух, Олух, – успокаивающе сказал он. – Пойдем с нами, дружище. Не нужно устраивать драку. Не нужно.

Я знал, что Дар можно использовать для того, чтобы *оттолкнуть* кого-нибудь. Кто из нас не отскакивал назад, спасаясь от клацающих зубов собаки или когтей кошки? И не только угроза вынуждает нас отступить, но и сила гнева животного, принуждающая врага уйти с дороги. Для Одаренного умение *отталкивать* столь же естественно, как и бегство перед лицом серьезной опасности. Мне и в голову не приходило, что существует некая противоположная способность, позволяющая успокаивать и вести за собой.

Я не знаю, что Уэб делал с Олухом. И хотя поток Дара не был направлен на меня, я ощутил его присутствие. Он сразу же успокоил мое отчаянно колотившееся сердце. Мои плечи неожиданно опустились, и я понял, что больше не сжимаю зубы. На лице Олуха появилось удивленное выражение. Он раскрыл рот, длинный язык высунулся наружу, а маленькие глазки почти закрылись.

– Успокойся, друг мой, – негромко проговорил Уэб. – Расслабься. Пойдем, пойдем со мной.

Все знают, как выглядит котенок, когда мать берет его за шкурку. Именно такой вид был у Олуха, когда большая рука Уэба опустилась на его плечо.

– Не гляди вперед, – посоветовал Уэб Олуху. – Лучше смотри на меня. – Олух повиновался ему, неотрывно глядя в лицо Уэба, и тот спокойно отвел его на палубу корабля, словно быка за кольцо в носу.

Я дрожал, по спине у меня стекал пот. Кровь бросилась в лицо, когда я поднимался по трапу, а мне вслед летели насмешки зевак. Большинство из них немного говорили на языке Шести Герцогств. Они перешли на наш язык, чтобы я понимал их презрение. Я не мог сделать вид, что ничего не слышу, поскольку покраснел от стыда. К тому же мне было некуда направить свой гнев, поэтому ничего не оставалось, как молча шагать за Уэбом. Как только я ступил на палубу, трап за мной поднялся. Я не стал оборачиваться, молча шагая за Уэбом и Олухом к шатру, поставленному посреди палубы.

Условия здесь были несравнимо хуже, чем на борту «Счастливой невесты». В носовой части палубы находилась деревянная надстройка, разделенная на два помещения. Большую каюту отдали в распоряжение принца и Чейда, а мы с Олухом разместились во второй. Шатер, разбитый на корме, предназначался для стражников. Стены были сделаны из толстой кожи, растянутой на шестах, – уступка для изнеженных жителей Шести Герцогств; сами обитатели Внешних островов предпочитали открытую палубу, которую использовали для перевозки грузов. Я взглянул на лица стражников и сразу же понял, что соседство с Олухом не вызывает у них ни малейшей радости. После постыдной борьбы с ним я выглядел в их глазах ничуть не лучше. Уэб тем временем пытался убедить Олуха присесть на один из сундучков, доставленных со «Счастливой невесты».

– Нет, – негромко сказал я, – принц предпочитает, чтобы Олух находился рядом с ним. Нам следует отвести его в маленькую каюту.

– Там же еще меньше места, чем здесь, – заметил Уэб, но я лишь покачал головой.

– В каюту, – повторил я, и он больше не стал спорить.

Олух пошел вместе с ним, продолжая доверчиво смотреть на Уэба. Я последовал за ними, чувствуя такую усталость, словно все утро провел на плацу, сражаясь на деревянных мечях. Лишь позднее я сообразил, что Уэб усадил Олуха на собственную койку. Сивил устроился на своей койке, в углу, а его кот оцетинился у него на коленях. Менестрель Кокл с безутешным видом изучал три порванные струны своей маленькой арфы. Свифт всячески избегал смотреть мне в глаза. Его возмущало, что полоумный будет жить рядом с ним. Молчание в крошечной каюте становилось густым, как масло.

После того как Олух устроился на койке, Уэб провел мозолистой рукой по его вспотевшему лбу. Дурачок недоуменно посмотрел на его ладонь, а потом закрыл глаза, точно уставший ребенок. Вскоре он уже спал, дыхание с хрипом вырывалось у него изо рта. После нашего столкновения я и сам был не прочь поспать, но Уэб взял меня за руку.

– Пойдем, – сказал он, – нам нужно поговорить.

Я хотел отказаться, но, как только он положил мне руку на плечо, все мои возражения исчезли. Мы вышли на палубу. Матросы тут же принялись смеяться надо мной, но Уэб, не обращая на них внимания, отвел меня к борту, где никого не было.

– Вот, возьмите, – сказал он, вытаскивая из кармана кожаную фляжку и откупоривая ее. Я ощутил аромат бренди. – Сделайте пару глотков, а потом несколько глубоких вдохов. Вы похожи на человека, потерявшего много крови.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.